

№ 10

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

Коллектив редакции журнала «Литературный Азербайджан» понёс тяжелую утрату – на 73-м году жизни скончался один из старейших сотрудников журнала, проработавший в нем около 40 лет, заведующий отделом прозы, талантливый писатель и переводчик, член Союза писателей Азербайджана Надир Агасиев. Мы глубоко скорбим по поводу его кончины. Будем помнить его всегда. Allah rəhmət eləsin!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Лейла БЕГИМ. <i>Дорога в Шушу. Эссе</i>	3
Оксана БУЛАНОВА. <i>Он был на войне. Рассказ</i>	7
Этимад БАШКЕЧИД. <i>Преисподняя. Рассказ</i>	13
Темур МАМЕДЗАДЕ. <i>Corvus Corax. Фантастический рассказ</i>	33

ПОЭЗИЯ

Эльберд ТУГАНОВ. <i>Стихи</i>	8
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Переводы из турецкой поэзии. Стихи</i>	22
Татьяна МАРКОВА. <i>Стихи</i>	51
Азер ЭФЕНДИ. <i>Стихи</i>	84

ПУБЛИЦИСТИКА

Нармин АЛИЕВА. <i>Выдающийся учёный – Мир-Юсиф Мирбабаев</i>	10
Вильфред ФУРМАН. <i>Низами Гянджеви – 880</i>	27
Александр ХАКИМОВ. <i>Непонятый Солярис. Эссе</i>	56
Мамед Али САФАРОВ. <i>Тайны книг. Эссе</i>	89
Марат ШАФИЕВ. <i>Из истории русскоязычной бакинской поэзии</i>	126

2021

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 22. 09. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ЛЕЙЛА БЕГИМ

ДОРОГА В ШУШУ

Эссе

Дорога устилалась долгим ковровым полотном.

Узоры чередовались, рябили в сонном воображении. Хотелось спать, но ожидание встречи не давало сомкнуть глаз.

Дремоту то и дело отгоняли голоса пассажиров, с которыми я пока не успела познакомиться.

– Завтрак! Выходим, – задрезало прямо у меня над головой. В следующую минуту я уже стояла в очереди у входа в современное здание под названием «Гостевой дом».

Завтрак был по-домашнему прост. Чай с чабрецом взбудрил меня. Яства, лоснящиеся прямо перед моим носом, остались нетронутыми.

От волнения я не только не могла есть, но и не слышала ничего. Длинный стол и дружественная обстановка напоминали картину Ренуара «Завтрак гребцов».

«Точно, гребцы! – подумала я и сразу в памяти всплыли строки:

***А сегодня сыны твоей гордости
Мне приснились, спеша с доброй новостью:
Доплывёт к тебе ангелов стая...»***

... Автобусы, стоящие в ряд стройной белой стаей, устремились дальше в путь. Следующая пара часов пролетела незаметно. Мне все же удалось вздремнуть, пока наш куратор не произнёс сакраментальное: «Мы в Карабахе!»

Асфальтированная дорога сразу сменилась грунтовой. Нас стало трясти так, словно мы уже скакали верхом на конях. А на чем же ещё в Карабахе?.. Но поэтическая мысль оборвалась увиденным...

За окном застыли кадры безжизненных заминированных полей, которым не было конца и края... «У войны нет начала, нет конца», – словно звучал над мертвыми полями зловеющий голос дьявола 20-го столетия...

В памяти всплыли лица трёх журналистов, подорвавшихся где-то здесь на одной из мин...

Дальше было все страшней и страшней... Оцепеневшие, мы проезжали мимо разрушенных деревень, городов... Сколько людей здесь погибло? Сколько судеб поломано?... Но все эти банальные вопросы тонули в оглушающем стоне выжженных земель, чудом уцелевших сгорбившихся деревьев и превратившихся в призраки городов...

***Ты слышишь, как зовёт земля?
И травы тянут вверх ладони?
Сутулые деревья стонут...
И в каждом кустике – мольба...
На выжженных полях их зов
Звонит в ушах моих.. Я глохну!
Но мыслей безутешных грохот
Я слышу, как твой голос, вновь...»***

30 лет оставалась брошенной земля, за которую было пролито столько крови... За 30 лет вандалы, мнящие себя потомками то Хайка, то Ноя, полностью разрушившие захваченные ими города и деревни, исторические памятники, вырубившие леса, не посадили ни одного дерева, не заложили ни одного камня, не провели ни одной дороги на захваченных землях... Но они засеяли эти земли тысячами мин!..

Я пыталась заснять увиденное на камеру телефона, однако буквально сразу поняла, что ни одна фотография, ни одна съёмка не сможет передать всю трагедию Карабаха... Все беды людей, живших здесь.

Снимок отражает мгновенное состояние, видео – актуальное действие, минутное ли – часовое ли... Когда же ты смотришь живую, перед тобой проносится целая жизнь... Прошлая, настоящая и будущая.

Так и сейчас... Под скрежет колёс и тряску автобуса на фоне мелькавших за окном машин и рабочих, прокладывающих дорогу, на руинах архитектурных и исторических памятников в моем воображении воскресали целые города.

А наяву вдали родился новый аэропорт...

Когда мы подъезжали к Шуше, полил дождь. Не помню, когда ещё я так радовалась дождю, видя в этом счастливое знамение...

***Шуша нас встретила дождём!
От счастья ль плакала, родная?..
Вновь задрожали струны тара,
Заговорил молчавший дом!***

***В нем снова голоса своих
Напоминали о далеком,
Где золотой мустанг по стёрам
Мчал ханши Карабахской стих!***

Дождь стих. Небо прояснилось.

Мы двигались вверх навстречу заветной мечте – Шуше, расprostершей свои объятия в виде мощных рельефных скал. Скалы веками защищали этот город, парящий в вышине, от вражеских нападений.

Они же подставили исполинские плечи своим детям, героям-десантникам, десять месяцев назад штурмом освободившим Шушу от 28-летнего плена..

В город мы въезжали по улочкам, умытым солнечными лучами...

Израненные старые дома, смотрящие на нас пустыми глазницами, безжизненные обгоревшие пятиэтажки с ампутированными балконами, казалось, замерли в ожидании скорой помощи...

В подтверждение этой мысли, точно из-под грунтовой дороги выросли большие грузовые машины, прокладывающие асфальт. По краям дороги стояли рабочие, радостно машущие нам руками.

Впереди, в зелёной паутинке строительного войлока, утопали купола старинной православной церкви Газанчи.

Чуть дальше шли реставрационные работы над строго возвышающимся зданием советского наследия – гостиницей «Карабах».

Её фасад украшала изящная серебристая, будто поседевшая за годы разлуки, веточка лилии Хары-бюльбюль – символа Карабаха.

Откуда-то из прошлого эхом доносился мой собственный голос:

**Мне бы увидеть вновь тебя...
Твоих соцветий нежный бархат,
в которых тельце соловья
склонилось над священным прахом.
Рулады птиц когда-то здесь
звучали с песнями ашугов
Я знала: у меня ты есть.
И будешь – у детей, и внуков...**

... Наконец наш скоростной караван остановился.

Из минибусов высыпали люди разных возрастов, приехавшие сюда из разных стран.

Одно объединяло всех: полумесяц и восьмиконечная звезда на фоне трёхцветного полотна любви каждого из нас...

Пройдя несколько шагов, мы увидели поле, объётое пушистыми зелёными горами, украшенными тонкими серыми узорами. Поле, ведущее к краю головокружительной пропасти.

Джыдырдюзю! – зазвенел свежий, прохладный ветерок. Джыдырдюзю! – подхватили хрустящие под ногами золотистые травы..

Видимо, именно здесь основатель Шуши Панах Али-хан в 1752 году и предложил название будущего города: Шуша! – стекло!

Стекло, звенящее ветерком и родниками. Чистое, как горный воздух...

«Шуша! Ты свободна!» – слышалось голосом строителя свободной Шуши Ильхама Алиева. И над бескрайним полем вместе с развевающимся флагом страны полифонией разлетались эти обретшие крылья слова...

...На краю захватывающей дыхание пропасти под скрипичное соло девушки с космическим именем Джанэль исполнилась моя сокровенная мечта...

В чистом, хрустальном воздухе парили стихи, написанные в день освобождения Шуши...

**.... 28 ли вёсен, 28 ли зим
В бесконечную осень
Окунались мечты?
Над твоими лесами
Полыхает рассвет!
Тянут руки мостами
Твои дети к тебе!..**

Почти одновременно неким пророчеством с потаенных, пожелтевших страниц моей души, в памяти всплыли другие строки, адресованные Карабаху:

**«Встретим девушку» вместе мы, милый...
Моя вера придаст тебе силы.
Распрощаемся скоро с невзгодами!**

**Оживут струны раненой лиры,
Чтоб воспеть цвет диковинных лилий
Соловьиными новыми одами.**

... Прогуливаясь по извилистой улице, мы попали на площадь, на которой в ряд стояли расстрелянные оккупантами бюсты трёх шушинцев – корифеев азербайджанской культуры: Хуршудбану Натаван, Узеир-бека Гаджибекова и Бюль-Бюля...

Прямо за этим плацем находились руины ханского дворца Хуршудбану Натаван... Сколько лет я грезила этим свиданием! Чтоб поклониться земле, которой эта великая женщина посвятила всю себя без остатка...

Взяв в руку горсточку сухой, безжизненной почвы, я только прикрыла глаза, как вдруг услышала какой-то прерывистый звук..

Прямо над моей головой пролетела птица...

А над моей Вселенной кружило бессмертное Слово Карабахской ханши:

«Прилетевшее счастье лови, не усни!»

... Венцом нашего паломничества в цитадель азербайджанской культуры было посещение верхней мечети Гевхар-ага.

Небесные своды ворот мечети олицетворяли врата рая, несомненно принявшего души шехидов...

.. Из мечети доносился плач приехавшей с нами девочки – дочери погибшего за освобождение Шуши героя...

Из моего сердца молитвой рвались строки, обращённые к героически выстоявшей земле:

***Без тебя прошла юность и молодость,
Только слышала издали голос твой...
Так и жили с тобой мы, страдая.***

***Отпустив вековые греховности,
Вмиг душа наша сбросит оковы все –
Пусть изранена вся, пусть седая...***

... В Баку мы возвращались вечером той же дорогой. Я достала из сумки мобильный. На экране горело: 17 августа. Дата рождения Муслима Магомаева.

За окном на небе в кромешной темноте мерцала звезда, а с небосклона моей души лилась песня любимого Муслима:

***Свет родимой стороны,
Сыновья тебе верны,
Ты звезда моей судьбы, Азербайджан!***

04.09.2021.

ОКСАНА БУЛАНОВА

Он был на войне

Рассказ

Он был на войне.

Его отец тоже был на войне. На прошлой. Все его родственники и знакомые были на той войне.

Мальчишкой ему очень хотелось воевать, и он допытывался у отца:

– Ну как там было, как ты воевал, расскажи!

Но отец молчал. Он никогда ничего не говорил. Никогда. Ничего.

Мальчик обижался:

– Почему ты не хочешь рассказать? Ведь мы победили!

– Победили, – коротко отвечал отец.

– Так расскажи!

– Читай газеты, там все написано, – говорил отец.

И он читал. В газетах все было очень здорово написано. Они воевали за свою родину, за святое дело, за свои земли. Злые и коварные враги убегали, их догоняли и уничтожали. Враги были жестоки, но трусливы, и поэтому побеждать их было легко и просто. И очень романтично.

Спрашивать у родственников и соседей он не хотел: а вдруг они подумают, что отец потому ему ничего не рассказывает, что вовсе не воевал, а сидел где-то в тылу. Как можно так подставить отца?!

Он рос, читал, впитывал любую информацию. Информации было много: о доблестной войне, прошлой и будущей, о победе над извечным врагом, который только и делает, что строит козни, о правом деле его народа. Его народ самый смелый и сильный! Он всех победит и вернет все свои земли! Враг будет повержен, на сей раз окончательно и бесповоротно.

Об этом писалось в газетах, говорилось по радио и по всем каналам телевидения. Говорилось каждый день, и с каждым днем речи вождей были все смелее и решительнее.

Он очень хотел воевать! Он тоже хотел защищать свою землю от врагов, которых становилось вокруг все больше и больше. Враги были хитры, они зарились на его родную землю, на которой он родился и вырос, они угрожали его будущему: его будущей семье, будущим детям. Враги были повсюду, о них говорили всегда и везде: в детском саду, когда он был маленьким, и в школе, когда подрос, на улице и на работе. Говорили все: ровесники и начальники, родственники и дикторы телевидения. Даже его молодая жена тоже говорила только о войне.

И вот наступила война! Он так обрадовался! Теперь он доведет дело до конца, дело, которое не смог довести до конца его отец и его друзья. Ведь они хоть и победили, но враг все равно существует! Он живет и процветает и по-прежнему угрожает всему его народу, его великой стране.

И он пошел на войну. Он с детства готовился воевать, и он воевал. Он был на войне! Почему же теперь он молчит, сглатывает комок в горле и ничего не отвечает своему сыну на его вопросы: «Ну как там, на войне?»

Что ему делать? Продолжать молчать, как молчал его отец? Молчать о том, как лопаются барабанные перепонки от выстрелов собственных орудий, потому что нет наушников? Как сжимается сердце от воя бомб, щедро высыпаемых врагом на их го-

ловы? Как насквозь промокает одежда от крови раненых товарищей, когда нет ни бинтов, ни носилок? Как ноет поясница от сна на голой осенней земле, сырой и холодной? Как рушатся, словно карточные домики, казавшееся несокрушимыми укрепления? А с ними – и все надежды? О том, как его, истекающего кровью, бросили умирать убегающие однополчане, а спас вражеский солдат, перетянув ногу своим же ремнем? Его спас коварный жестокий враг! Трусливый враг, который почему-то не убегал, а наоборот – за три месяца вернул себе то, что его отец на прошлой войне завоевал за три года!

Так что же ему делать? Продолжать молчать о том, что земля, которую ты искренне считал своей, оказывается на самом деле отнюдь не твоей?! О том, как его с детства кормили красивыми, но лживыми сказками, не имевшими ничего общего с действительностью? О том, что ничто не мешало ему читать не только то, что ему давали учителя, и слушать не только то, о чем двадцать пять часов в сутки вопили, брызгая слюной, сменяющие один другого вожди?

Он не понимал своего отца. И в то же время – понимал. Даже сильнее, чем хотелось бы. В той войне они победили. Но отец молчал. В этой – проиграли. И если отец молчал после победы, что делать ему после поражения?!

Отец! Почему ты молчал?! Почему не рассказал правды?!

И он крикнул своему сыну:

– Ашот, иди сюда, я расскажу тебе о войне всё!

ЭЛЬБЕРД ТУГАНОВ

Откровение сердца

**Я не писал стихов про Карабах,
Считал, что не имел на это права,
Поскольку не бывал в его горах,
Но был пленен его былою славой.**

**Война, на музы наложив запрет,
В душе переживалась мной подспудно,
И тема Карабаха много лет
Казалась мне болезненной и трудной.**

**Народы, как писал Самед Вургун,
Друг в друга проросли – была в том сила:
В нас ненависть лишь к внешнему врагу
Противоборство с Западом взрастило.**

**В плену у интернациональных грёз
Народ наш стал почти идеалистом,
И злобный дух дашнакских экстремистов
Мы не могли сперва принять всерьез.**

**Азербайджан, в связи с землетрясением,
Гуманитарный рейс послал в Спитак,
Подав соседу помощь и спасенье.
Ответом был безжалостный теракт!**

НАРМИН АЛИЕВА

*Институт языкознания имени И.Насими, доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела Теоретического языкознания.*

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЁНЫЙ – МИР-ЮСИФ МИРБАБАЕВ

(к 70-летию со дня смерти)

Занимающий особое место в истории развития филологической мысли Азербайджана кандидат филологических наук Мир-Юсиф Мир-Аббасоглу Мирбабаев был первым директором Института языка Академии наук Азербайджанской ССР. Его отец, Мир-Аббас Мирбабаев, депутат городской думы Иревана, являлся одним из известнейших представителей иреванской мусульманской интеллигенции.

Мир-Юсиф Мирбабаев родился в Иреване в 1889 году, с 1904 года учился в русско-татарской школе и гимназии в Иреване. Мир-Юсиф Мирбабаев, вернувшийся в Иреван после окончания юридического факультета Московского университета в 1916 году, долгое время работал в системе образования Армении; после создания Азербайджанской Демократической Республики он работал исполняющим обязанности секретаря, а затем секретарем дипломатического представительства Азербайджана в Иреване.

После установления Советской власти в Армении Мир-Юсиф Мирбабаев занимал ответственные должности в Военном трибунале Революционного комитета Армении, Наркомате финансов, являлся заведующим кафедры педагогического факультета Иреванского педагогического колледжа, а также – заведующим рабочего факультета. Мир-Юсиф Мирбабаев был научным сотрудником Института истории и музея страноведения Академии наук Армении, а также членом Совета национальных меньшинств при Народном комиссариате просвещения, был членом Комитета по составлению нового турецкого (тюркского) алфавита.

Мир-Юсиф Мирбабаев переехал в Баку с семьей в 1933 году. Сначала он работал в Азербайджанском отделении Закавказского отделения Академии наук СССР, а затем руководил словарно-терминологическим отделом Института истории языка и литературы Азербайджанского филиала АН СССР. С 1938 по 1944 год работал в Азербайджанском отделении Закавказского отделения Академии наук СССР. В отделе работал ученым секретарем Института лексикографии, а в последние годы (1944 г.) – заместителем директора, а также руководил отделом. В 1944-1945 годах Мирбабаев читал лекции по различным проблемам азербайджанского языка в Институте языка и мышления в Москве, Институте востоковедения, на кафедре востоковедения филологического факультета МГУ. В 1946 году его назначили директором Института языка АН Азерб. ССР (ныне Институт языкознания им. Насими НАНА). В то время научная деятельность ученого была, в основном, посвящена составлению и редактированию различных словарей. Мир-Юсиф Мирбабаев – один из наших известных лингвистов в области лексикографии. Ученый посвятил научной деятельности более 18 лет своей жизни: занимался составлением словарей, публикацией книг и статей. Он являлся одним из ученых, удостоенных Сталинской премии в 1948 году за 4-томный «Русско-азербайджанский словарь», подготовленный под общей редакцией академика Гейдара Гусейнова (1940-1946).

Впервые в Азербайджане Мир-Юсиф Мирбабаев подготовил «Азербайджанско-русский фразеологический словарь». Ученый защитил диссертацию на тему «Влияние

турецкого (тюркского, азербайджанского) языка на армянский язык» и получил степень кандидата филологических наук. Ссылаясь на происхождение слова Иреван, ученый отмечает, что расположенный недалеко от крепости Эребуни сад, построенный Аргишти I в 782 г. до н.э. (жившее там население долгое время называло его «Чухур Сад»), был назван «Раван» в честь Раван-хана, одного из военачальников шаха Исмаила. Для того, чтобы произносить слова, начинающиеся с буквы «R» в азербайджанском языке, в начале слова было добавлено «İ», и оно называлось «Иреван», а после 1936 года в официальных документах это было арменизировано в «Ереван».

Находясь в подчинении азербайджанских правителей, армяне в Армении назначались на должности бейлярбеев, калантаров, сотников, меликов и др., а впоследствии фамилии азербайджанского происхождения опять «арменизировались». К примеру, нынешние армянские фамилии: Бейлярян, Калантарян, Юзбашян, Мирзаян, Демирчян, Чилингарян, Балаян, Бабаханян, Меликян и так далее. Историк-лингвист связал влияние азербайджанского языка на армянский с историей нашего народа. Потому что тюрки (турки, азербайджанцы) жили тогда на территории от древнего Дербента до Тебриза и Багдада. Во время правления династии Сефевидов, в результате поднятия азербайджанского языка до уровня официального государственного языка, усилилось влияние нашего языка на другие языки, включая армянский. Следует отметить, что эти идеи были озвучены ученым в самые тяжелые времена советской (сталинской) эпохи, и что самое главное, армянские историки-лингвисты того периода полностью соглашались с этими высказываниями азербайджанского учёного.

В 1945 году ученый издал «Краткий русско-персидско-азербайджанский словарь», содержащий около 9000 слов.

Мир-Юсиф Мирбабаев отредактировал ряд книг в 1946-1949 годах, когда он возглавлял Институт языка АН Азерб. ССР, а в 1948 году (как было сказано выше) был удостоен Сталинской премии за заслуги в подготовке четырехтомного «Русско-азербайджанского словаря». Выход в свет четырехтомного «Русско-азербайджанского словаря» стал новым и очень важным этапом в истории развития двуязычной лексикографии не только в Азербайджане, но и в целом в стране Советов (это был первый словарь такого рода в СССР). Словарь содержал около 100000 слов. В 1941 году Мирбабаев выступил с докладом о правилах и принципах составления этого словаря на Сессии востоковедения в Москве.

Мир-Юсиф Мирбабаев сыграл важную роль в подготовке первого проекта «Толкового словаря азербайджанского языка» (1945-1950), он также был редактором проекта «Толкового словаря азербайджанского языка» (1949).

М.Мирбабаев, более известный как лексикограф (языковед) в истории азербайджанского языкознания, является автором и ряда научных статей. Утверждая в своих научных работах, что азербайджанский и армянский языки не связаны генетически, ученый затрагивает этот вопрос в статье «О связи между азербайджанским и армянским языками» и отмечает, что слова арабско-персидского и азербайджанского происхождения широко используются в армянском языке. По словам ученого, хотя таких слов в речи армян Иревана постепенно становится все меньше, они часто встречаются в языке армян, проживающих в Баку. Уменьшение такого влияния в языке армян, проживающих в Иереване, ученый справедливо связывает с развитием и ярой арменизацией школьной сети в Армянской ССР. По его словам, развитие школьной сети привело к влиянию армянского литературного языка на язык широких масс и снижению активности диалектов. Мирбабаев связывает влияние азербайджанского языка на армянский с древней историей азербайджанского народа, веками проживающего в этой закавказской области. Конечно, учитывая период, в который он жил, столь смелые идеи ученого очень похвальны и актуальны даже в наше время.

Мир-Юсиф Мирбабаев, вошедший в историю азербайджанского языкознания как ученый-лексикограф, языковед, скончался 25 августа 1951 года в возрасте 62 лет. Исследователи, работавшие с ним, запомнили его как искреннего, скромного и интеллигентного человека. По мнению его коллег, Мир-Юсиф Мирбабаев был первым директором только что созданного Института языка Академии наук Азербайджана, поэтому его можно и нужно считать основателем этого института.

Неслучайно согласно протоколу № 2 заседания Ученого совета Института языкознания им. Насими от 19 января 1994 г. было решено увековечить имя Мирюсифа Мираббасоглу Мирбабаева. В соответствии с постановлением Президиума Азербайджанской Академии Наук прошло заседание, посвященное этому ученому. 24 марта 2000 г. глава Исполнительной власти принял решение о том, чтобы установить мемориальную доску на доме, где жил Мир-Юсиф Мирбабаев, и назвать в его честь одну из улиц Баку. К сожалению, ничего не сделано до сих пор.

Известные ученые (И.Мещанинов, М.Ширалиев, А.Оруджев, А.Ахундов, З.Будагова, Р.Магеррамова, А.Бабаев, А.Зейналов, Т.Гаджиев, Н.Джафаров, Б.Абдуллаев, И.Мамедли, И.Кязимов, Мохсун Нагисойлу, Ш. Алибейли и другие) в своих статьях всегда давали высокую оценку деятельности Мирбабаева. К примеру, лингвист-языковед Бахруз Абдуллаев подготовил 36-страничный буклет «Выдающийся составитель словарей – М.М.Мирбабаев» (2000 г.).

Из воспоминаний его современников.

М.Ш. Ширалиев, академик: «Будучи заместителем, а впоследствии директором Института языка АН Азерб. ССР, Мир-Юсиф-ага (так его почтительно называли в нашей Академии) неоднократно выступал с докладами на различные актуальные темы, например, «Создание истории азербайджанского языка», «Организация работ по изучению яфетических и иранских (персидских) языков Азерб. ССР», «Глубокое изучение истории Кавказской Албании, албанской культуры и языка», «Составление французско-азербайджанского, немецко-азербайджанского и англо-азербайджанского словарей» и др.» (журнал «Советская тюркология», 1989, №4, с.122).

Зарифа Будагова, член-корр. АН Азерб. ССР, профессор: «В 1949 г. я поступила в аспирантуру Института языка АН Азерб. ССР и тогда познакомилась с его тогдашним директором Мир-Юсифом Мирбабаевым. До сих пор помню его умное, благородное, открытое лицо со следами усталости, а возможно, и подтачивающих здоровье болезней. Да и обстановка в Академии Наук (как и в стране) в то время была непростой – царил напряжённая атмосфера подозрительности. В дальнейшем, будучи аспиранткой и работая в институте, я всегда с большим интересом следила за его научной деятельностью» (газета «ЕЛМ», апрель, 1989, с.4).

Рахилия Магеррамова, профессор, доктор филологических наук (работала непосредственно под его руководством): «Он был прост и доступен. В институтском коллективе, который он возглавлял, сумел создать тёплую, почти семейную атмосферу, где все дела и проблемы были общими. Я была аспиранткой, младшим научным сотрудником. Институт только создавался, у нас очень мало было тогда национальных кадров с научными степенями, и Мир-Юсиф-муаллим очень заботливо растил их, помогал стать настоящими учёными. Истинный интеллигент, понимающий человек, он старался помочь каждому. И хотя его нет с нами уже много лет, мы помним его таким и хотим, чтобы молодое поколение тоже знало его, потому что такие люди, как он, являются подлинным национальным достоянием нашего народа» (газета «Бакинский рабочий», 2 июня 1999 г.).

ЭТИМАД БАШКЕЧИД

ПРЕИСПОДНЯЯ

Рассказ

Перевод Лейлы АЛИЕВОЙ

...Я слышал о священных птицах и преданных конях... Потом об этом же я читал в книгах. А еще чуть позже, в одном из дешевых кинотеатров Москвы, кушая попкорн и попивая фанту, вместе с остальными людьми смотрел фильм известного режиссера Пазолини «Птицы и птенцы», и с того времени я осознал, что животный мир может во многом быть примером для человечества.

В этом фильме Пазолини монахи были посланы для распространения христианства среди птиц. Благодаря стараниям монахов ястребы и воробьи стали христианами. Но в жизни ястребы охотятся на воробьев, так что после того, как они стали священными, они не бросили своих обычаев и продолжили охотиться на воробьев-христиан.

Не знаю, обращали ли вы внимание, что все существа, особенно люди, больше похожи на то, что они едят, а не на то место, где они живут. В издаваемом в Лондоне научном журнале «Foks Ltd» в 2005 году в 7 выпуске журнала шла речь об осмотре кишечных червей. Там говорилось, что перед тем, как дать им поесть, их дразнили с помощью света. Такого рода опыты проводил великий русский физиолог Павлов над собаками. Только англичане пошли дальше Павлова. После того, как они у одной части червей создали условный рефлекс, потом их же, убив, разрезали на кусочки и скормили тем, у которых не было условного рефлекса. В итоге после того, как они переварились, все рефлексы перешли к другим червям.

Вот так вот, дорогой читатель.

Ты думаешь, в некоторых африканских племенах едят человеческое мясо от нечего делать? Совсе нет! Просто то, что ученые открыли только-только, они знали с очень давних времен, поэтому бывают не против поесть человеческого мяса. И правда, чтобы добавить силу, опыт другого человека к своим – самым коротким путем является каннибализм. Но это сказали не мы!

Оставим африканцев в покое. Разве среди тех же европейцев, которые суют свою культуру людям в глаза, не было тех, которые вырывали сердца у врагов и выпивали их кровь? Я уже не говорю о правителях Азии, для которых это было привычным делом. Не зря в народе мужественных людей называют «человек с сердцем» или «человек с печенью».

До этих пор я думал, что слова «я бы съел твое мясо» – это всего лишь фразеологизм. В настоящее время, за исключением некоторых маньяков, в буквальном смысле никто не будет есть чье-то мясо. Еще недавно я читал в одной небесной книге, что если мы нарушаем чьи-то права, мы, считай, едим его мясо. Не больше, не меньше!

Еще Иисус Христос, предлагая своим сподвижникам хлеб и вино, сказал: «Держите, ешьте, это моя плоть. Пейте, это моя кровь». Теперь скажите, после выше прочитанного стоит ли теологам вести споры о том, что хотел сказать Иисус? Иисус этими словами хотел сказать лишь то, что он знал, что они его предадут и весь его труд растопчут под ногами.

Прошу прощения, дорогой читатель, за то, что начинаю свой рассказ издалека. Но есть такие обстоятельства, что о них либо надо говорить таким образом, либо вообще не говорить. Во всяком случае, так называемая прелюдия – не наше открытие...

Тогда только настала осень. Помнится, что лето продлилось еще 5 – 6 дней, и вдруг настала дождливая погода. Но как она началась! Я уже почти 3 года жил в комийском городе Инта и знал, что пока земля не насытится водой, дождь в этом городе не прекратится.

Коми так и назывался – Коми. В городе Инта людей комийской национальности можно было сосчитать по пальцам. Они в свою очередь почему-то пытались скрыть свою национальность. Если не учитывать инженеров, учителей и других, то можно сказать, что большинство семидесятитысячного населения Инты работают в угольных шахтах. Однажды мы провели расчеты о шахтерах в городской газете, в которой я работал. Стало известно, что они большую часть своей жизни проводят под землей. Шахтеры Инты полушутя, полусерьез называли друг друга мышами, и никто на это не обижался. Жителям Инты в некотором смысле приходилось жить мышиной жизнью. Все равно у них не было возможности заниматься другим трудом. Знающие знают, что эта земля не плодородна, и на ней не растут не то, что фрукты, а даже картошка. В Инте ни воздух как воздух, ни вода как вода. Может случиться так, что твоя дорога будет проходить через этот город, и тогда не забудь посетить кладбище, мой дорогой читатель. Впечатление, которое ты получишь, останется у тебя на всю жизнь. На этом братском кладбище покоятся люди разных национальностей, жившие в бывшем СССР. Всех их в свое время изгнали сюда, в основном, это зеки и их потомки. Самое большее, сколько живет житель Инты, 45 – 50 лет, и это выгравировано на камнях вместо эпитафии. Инта такой город, что если наступает ночь, то утро настанет лишь через 6 месяцев. Если хочешь знать, тут нет никакой романтики. Каждый житель знает, что он может не дожить до завтрашнего дня, и большинство людей, которым надоела их жизнь, убивают себя именно в эти безутренние ночи. Если хочешь узнать точное количество ... опять же ты должен посетить это кладбище. Здесь для них есть отдельное место. В отличие от умерших своей смертью, они похоронены в стороне и как попало. Одна дорога ведет туда, где похоронены неверные, и оно больше другого, а не меньше. Еще одно отличие этого города было в том, что туда можно было поехать и уехать оттуда только на поезде. Приехать, а потом уехать оттуда по-другому было невозможно. А все из-за того, что по всему периметру он был окружен бесконечными болотами. Именно поэтому с тех пор, как построили Инту, ни один заключенный не захотел убежать оттуда. Куда ему бежать?

О том, какое место Инта, можно говорить бесконечно. Но из-за того, что я не люблю болтать, думаю, надо остановиться на вышесказанном. Хочу еще добавить, что слово «Инта» в переводе с комийского означает «яма», «впадина», и тот, кто дал это название, правильно все подметил.

... Как я уже говорил, в то время шли сильные дожди, все было залито водой. В такую погоду даже животные не хотели выходить на улицу, не то, что человек. Я не представлял, как я пойду в редакцию на другом конце города. Квартира, которую я снимал, находилась далеко от дороги. Во время дождя дороги становились непроходимыми и единственным способом не попасть по колено в грязь было не выходить из дома. Я уже не говорю про давку в автобусах. Я позвонил нашему репортеру Павлу. Зная, какой он нудный человек, я, даже не поздоровавшись, сказал:

– Паша, я не смогу сегодня прийти, прошу тебя, займись моими делами тоже...

– что значит, не придешь Тут, по-вашему, кто ... Гриша в отпуске, Саша в командировке, теперь ты. ... вот увидите, газета не выйдет....

Паша никак не замолкал. Через каждые его два слова шли ругательства. Действительно, Паша не следил за своими словами, но в редакции никто не мог ему возразить. Потому что, во-первых, он был самым старшим работником в газете, ему было

около семидесяти лет, а во-вторых, он был одним из главных людей в редакции, а может быть, и самым главным. Так что Паша проживал в редакции свою жизнь, его не отправляли в командировки, не давали ему отпуска. Несмотря на то, что он был нашей живой реликвией, в Инте в таком возрасте было один или два человека, но он сам говорил, что его занятие – это работать, как ишак. И, похоже, такая жизнь была ему самому не по вкусу. Ни жены, ни детей, он как будто в течение долгой жизни со всеми по одному распрощался.

Я убрал трубку от уха и зажег сигарету, а когда он немного затих, снова поставил трубку к уху:

– Если редактор спросит, скажи, что я сильно заболел и не встаю с кровати, – сказав эти слова, я сразу же положил трубку.

Не прошло и пяти секунд, как зазвонил телефон. Это был Павел.

– Я тебя предупреждаю, Эдик, – в его голосе чувствовалась угроза, – от моей Искры может загореться огонь, ааа

Я не дал ему договорить, протянул руку и выдернул шнур из сети. «Искра» – так называлась наша городская газета. В отличие от ленинской «Искры» наша «Искра» ещё сто лет ничего не выпустит. Я заранее знал это. Если что, то меня могли бы выгнать с работы. Ведь для этого я сделал все, что мог. Сколько раз я приходил на работу пьяный, сколько раз возражал редактору, обижал сотрудников и еще много чего. Я подумал, вернее, заставил себя подумать, что в такую дождливую погоду ни одна искра не сможет породить огонь, и согласно этой логике я был уверен, что ничего не будет. Если искра не породит огонь, меня не выгонят с работы. Если честно, я не хотел уходить из газеты. Как бы то ни было, я давно там работал, уже привык. Плюс ко всему, я ничего не умел, кроме того, как писать. А в угольную шахту не спущусь, даже если буду умирать с голоду.

Все произошло после этого. Я пошел на кухню, чтобы поставить чайник. Когда я, приоткрыв дверь, хотел войти, между моих ног пробежала черная крыса, и я увидел, как она побежала в спальню. Я не знаю животного отвратительнее крысы. Так что, не ленясь, я побежал за ней. Но к тому времени она уже куда-то скрылась, сколько я ни искал, не нашёл. Я не представлял себе жизни с крысой в одной квартире, поэтому вытащил ловушку, которую держал в запасе. Настроил ее и положил рядом с ножной кроватью. Чтобы вы знали, у крыс очень острый нюх, и они очень хитрые животные. Загнать их в ловушку непростое дело. У меня были кое-какие знания насчет этого, поэтому я замаскировал ловушку бумагой и вернулся на кухню. Только я поставил чайник на газ, как из спальни донесся сильный хлопок. Я поспешил туда и увидел, что в ловушку попала большая крыса. Ловушка ударила ее прямо по спине, но она была все еще жива. Она визжала, словно человек, и передними лапами царапала кровать, иногда даже пыталась кусать ловушку. В конце концов она, собрав все силы, смогла потянуть ловушку за собой. Но уже было невозможно вырваться из клещей смерти. Вскоре ее писк стих, от боли она дернулась в разные стороны и умерла.

Только сейчас я обратил внимание на то, что это была не та крыса. Эта была обычной серой, намного меньше первой крысы. Не стоило удивляться, крысы – это такие животные, что если одна на виду, значит, еще 5-6 прячутся. Да уж, одной ловушкой решить эту проблему будет трудно, тут надо найти другой способ. Возможно, какая-то крыса-мама нашла путь в мою квартиру и тут же родила.

Я ногой вытолкнул капкан на балкон, потом свесился через перила и начал звать безработного Васю, который жил этажом ниже меня...

– Вася! Вася! Василий!...

Вася, в нижнем белье, шатаясь, вышел на балкон. По выражению его лица было видно, что он в глубоком похмелье. Его лицо было ужасным.

– Что такое, что снова случилось с утра пораньше? – спросил Вася со стоном.

– Вася, у меня есть отличный обед для твоей кошки, иди, возьми.

Он начал ворчать еще громче:

– Я-то думал – что случилось? Сейчас моя кошка даже антрекот не съест...

– Почему? Неужто заболела?

Вася вместо ответа махнул рукой и зашел внутрь.

Я не ожидал от него безразличия на эту тему. Чтобы Вася отказался от еды для своей любимой кошки!

– Вася! Василий!

– Что такое? – отозвался Вася.

– Выйди на минуту!

– Вышел. Что? – Вася высунул голову.

– Ты, наверное, не понял, я тебе крысу предлагаю вот такой величины, – я раскинул руки и показал ему крысу больше кошки.

– Таких крыс у меня в квартире сколько хочешь есть.

Я стал злиться на Васю за то, что он не забрал крысу.

– А почему мне не сказал?

Он с удивлением посмотрел на меня.

– В смысле, ты что, врач-санитар?

Пока я размышлял над достойным ответом, он добавил:

– Ты плохо выглядишь, мой друг, иди, измерь температуру, – и зашел в дом.

Я хотел снова позвать Васю и серьезно с ним поругаться, но всю свою злость выместил на соседях. Оставив мертвую крысу на балконе, я пошел на кухню. Аппетит полностью пропал. Выпив стакан чая, я зажег сигарету. Значит, так! Только крысы мне не хватало. Значит, у Васи в квартире тоже появились крысы. Тогда и в других квартирах есть крысы, по-другому быть не может. Возможно, крысиные норы залило водой, и они начали лезть вверх, в квартиры. Шум бесконечного дождя подтверждал мою мысль. Глядя в окно, я подумал, что это пропуск работы закончился такими последствиями. Я ведь остался отдохнуть, а с утра вон чем занимаюсь. Я сел в свое каминовое кресло и постарался думать о других вещах.

... Был полдень. Я проснулся от звонка в дверь и увидел, что заснул прямо в кресле. В дверь начали стучать.

– Кто там? – спросил я.

– Откройте, мы из санитарной службы, – нервно ответили за дверью. Видно, долго они стучались в дверь. Похоже, крысиная проблема растет. Они прямо из комитета по борьбе с вредителями. Но я же их не звал. Казалось странным такое рвение этой неизвестной санитарной службы. Я открыл дверь. Это были один мужчина и две женщины. В руках они держали тетрадь и карандаш, чемодан с препаратами и лекарствами, на котором был красный крест. Как только дверь открылась, все как по команде ворвались внутрь. Женщины молча осматривали квартиру. Мужчина сел за мой письменный стол, положил перед собой листок с карандашом и начал задавать мне вопросы.

– Квартира ваша?

– Нет, я квартирант.

– Ясно, – он что-то написал в тетради, – сколько человек живет в квартире?

– Я один.

– Ясно. А где работаете? – задавая вопросы, он не отводил взгляда от карандаша.

– Я журналист газеты «Искра», у меня нет родственников за границей, я из образованной семьи, не являюсь членом партии, не судим, азербайджанец, родом из Грузии, что вам еще интересно?

Я потихоньку начинал выходить из себя – и какое отношение это имеет к крысам?

Мужчина поднял голову и с удивлением посмотрел на меня. Потом поднял лист, который лежал перед ним, и потряс им в воздухе:

– Ты этот вопрос задай тому, кто создал эту анкету, – он уже обращался ко мне на «ты», – пожалуйста, подпишись тут.

– Это для чего?

– Это акт о том, что в квартире, в которой ты живешь квартирантом, проведена санитарная обработка, подпишись.

Я подписал бумагу. Мужчина взял листок, положил между листами тетради и обратился к женщинам.

– Девочки, поторопитесь, смотрите, сколько квартир нам надо еще обойти.

Таким образом, в моей квартире была проведена санитарная обработка. Одна из «девочек», толстая женщина, у которой на лице слоями была наложена косметика, строго-настрого наказала мне не прикасаться к ядовитому препарату, который они положили в угол. Кроме этого, если возможно, не держать продукты дома, а лучше всего на несколько дней покинуть квартиру. Я сказал, что выполню все, что они посоветовали, только бы они оставили меня в покое.

Вернувшись, я сел в свое камышовое кресло. У меня в голове начался шум, в теле было какое-то изнеможение. Я чувствовал себя больным. Вдруг я почувствовал, что ненавижу этот город, себя в нем, всех людей и все вокруг. Я тяжелый и немного ленивый от природы человек. А если точнее, был когда-то таким. Этот проклятый город сделал меня нетерпеливым, быстро выходящим из себя и нервным. Окружающие считали это кавказским темпераментом, но мне было ясно, как день, что это не так. Ясно, что три года, которые я здесь потратил, были не ради светлых перспектив, а только ради того, чтобы не попасть в тюрьму, в психушку или в один день не покончить жизнь самоубийством. Вот чем я занимался. Я, как и все жители Инты, жил мечтой уйти отсюда и исчезнуть. Возможно, эта мечта и держала меня на плаву, больше ничего. Можете подумать: велика мечта – если хотел уйти, ушел бы. Но куда ушел бы? Я даже не думал о том, чтобы вернуться в деревню. Я ушел из деревни, чтобы покорить мир, а не для того, чтобы вернуться ни с чем. А в Баку у меня не было ни места, где остановиться, ни человека, который бы мне помог. Все родственники были разбросаны по городам России. Просидев так достаточно долго, я включил телевизор, прилегал на кровать и начал смотреть программы. На местном канале выступал главный санитарный врач города: «Дорогие зрители, просим вас учесть все вышесказанное, быть ответственными и соблюдать советы соответствующих организаций. Крысы могут быть носителями заразной болезни. Именно поэтому не советуем вам входить с ними в контакт. Особенно надо усилить надзор за детьми. Ставить ловушки или другими методами уничтожать крыс запрещено». Затем говорили о другом. Крысы вошли в повестку дня.

... Ближе к вечеру я включил телефон в сеть и позвонил Павлу.

– Паша, как дела?

– Что теперь будет ... в городе невозможно передвигаться из-за крыс ... Ты завтра выйдешь на работу ...?

– У вас дома тоже есть крысы?

– Конечно же, есть... Ты завтра выйдешь на работу или нет?

– Не знаю, Паша, я сейчас думаю о том, чтобы уехать из этого города.

– А кто не думает об этом? Я, к примеру, думаю об этом 60 лет – немного помолчав, Павел добавил: – Эдик, приходи к нам, у меня есть хорошее горячее, из Москвы привезли.

Павел, даже когда хотел помириться, не понижал тон. Только переставал ругаться.

– Не хочется мне, Паша, – отказался я.

– В каком смысле не хочется? Ты что, действительно заболел? – по его мнению, все, кто отказывается от горячего, больные.

– Да, заболел, – сказал я.

– Что поделаешь, если гора не идет к Магомеду, то Магомед должен пойти к горе. Сиди дома, сейчас буду.

Не прошло и 15-20 минут, как Павел был уже со мной. Попивая московскую водку, мы поговорили и поделились проблемами. Разговор вернулся опять же к крысам. После того, как мы просмотрели мою книжную полку, Павел повернул ко мне свое покрасневшее от водки лицо.

– Ты читал роман Камю «Чума»? – он задал этот вопрос не так просто. Ведь Камю в этом романе как будто описывает нашу жизнь в Инте. Зараженные крысы вышли наружу и заразили жителей чумой...

– Да, – сказал я, – описываемый там город – как будто наш город.

– Да! Но, слава Богу, еще нет ни мертвых, ни пропавших.

– Пока что нет.

– И не будет! – сказал Павел, выпив еще стакан водки и захрустев огурцом.

– Откуда ты знаешь? Ты ясновидящий?

Он посмотрел на меня с упреком.

– Ай-яй-яй! Что ты знаешь про меня, друг? Я недавно был в санэпидемстанции, там мне сказали, что крысы ничем не болеют.

– Но тогда почему они покинули свои норы?

Когда я задавал вопросы, Паша становился серьезнее.

– Этого никто не знает, – как будто бы, если это было бы известно, Павел должен был знать. – Почему дельфины стаями выбрасываются на берег?

Я поднял руки. Это значило, что его ответы меня полностью удовлетворяли.

Я выпил еще один стакан водки. У нас было такое правило – каждый пьет, сколько ему захочется. Нет ни тостов, ничего лишнего, всего лишь «будь здоров».

Я сообщил Павлу, что сегодня пришли и очистили мою квартиру.

– Мою квартиру тоже очистили. Это чепуха.

– Почему чепуха?

– Я гляжу, ты еще о многом не знаешь, – с разочарованием протянул Павел. – Ты сам говоришь, крысы узнают ядовитые вещи лучше тебя и меня.

700-граммовая бутылка водки была опустошена. Из-за того, что пепельница, лежавшая на столе, была переполнена, мы бросали пепел в бутылку.

– Может, возьмем еще бутылку, – Павел озвучил обычное предложение в таких случаях.

– Хватит, Паша, я не буду пить, – сказал я, – лучше скажи, если крыс невозможно отравить, для чего весь этот переполох, зачем ходить по домам и морочить людям голову?

Павел начал смеяться. Он долго ржал, затем успокоился.

– Они же должны что-то делать или нет?

Его слова напомнили мне одну историю. Один человек поехал в Иран. Там ему захотелось в туалет. Зайдя внутрь, он видит, что за дверью сидит мужик и рядом с ним стоят две афтафы¹ – одна белая, другая красная. Когда он захотел взять белую, мужчина сказал ему: «оставь эту, возьми красную». Закончив свое дело и возвращая афтафу на место, он думает: «Интересно, почему мужчина не разрешил взять ту афтафу?» И спрашивает: «Дядя, почему ты не разрешил взять белую афтафу?» Мужик ответил: «Сынок я сижу здесь, я же тоже должен слово сказать или нет?»

В этот раз засмеялся я, вспомнив, что сам давно рассказывал Павлу эту историю.

¹ Кувшин для гигиенических нужд.

Наше собрание подошло к концу. Когда Павел встал, чтобы уйти, я попросил его об одной вещи.

– Паша, не обижайся, но у меня на балконе лежит мертвая крыса, я хотел попросить, чтобы ты взял ее, и когда будешь на улице, выкинул в мусорный ящик. Поверь, что я не могу к ней даже прикоснуться, иначе сам бы выбросил ее и тебя не утруждал бы.

– Конечно, нетрудно, – Павел пошел в сторону балкона, дойдя до капкана, ударил его ногой и выкинул во двор. – Ты все превращаешь в проблему, мой друг, так жить нельзя.

И вправду, было столько простых способов избавления от крысы, но они не приходили мне в голову. Я проводил Павла до уличной двери. Здесь он, как будто немного колеблясь, постоял, потом, понизив тон, сказал:

– Держи голову выше, друг, сидя дома, ничего не выйдет. Завтра в 10 часов, как штык, на работе, хорошо?

– Хорошо, Паша, – сказал я.

– Договорились. Завтра я познакомлю тебя с единственным и незаменимым способом уничтожения крыс. Не опаздывай!

Некоторое время я смотрел Павлу вслед. В редакции все его считали нелюди-мым. Возможно, это так и было, но почему-то он полюбил меня, а причину этого я не мог понять. Если честно, я недолюбливаю русских, но к Павлу у меня особое сочув-ствие. Возможно, из-за того, что он был нелюдимым, а может, по другой причине, не знаю.

Утром я увидел сильное оживление на работе. Все говорили о крысах, запол-няющих дома. Даже наш всегда спокойный редактор бегал по комнатам и кричал «Ужас! Ужас! Это невиданное дело!» и всех пытался втянуть в разговор о крысах. На его лице, кроме заботы и, как он сам говорил, «ужаса», больше выражалось торже-ство. Будто в городе приземлился НЛО, к тому же не один НЛО, а несколько. И из-за того, что редактор не пропустил такое событие, он был на седьмом небе. Его понять нетрудно. В городе, где в течение долгих лет ничего не происходит, стать свидете-лем нашествия крыс равно появлению НЛО. Увидев меня, он вышел навстречу мне.

– О-о-о, Эдик! Видишь, да, что происходит? Иди-ка сюда, – положив руку мне на плечо, направил меня в сторону своего кабинета. – Ты вообще в жизни видел столько крыс?

У меня не было настроения слушать его тираду.

– Почему не видел, видел, – сказал я.

– Правда? Где? – с удивлением спросил он.

– Разве мы не живем в городе крыс?

Он засмеялся:

– И правда, живем, но речь идет о настоящих крысах.

– Еще невозможно понять, какие крысы настоящие, какие нет.

Редактор остановился и убрал руку с моего плеча. Наверное, увидев мое на-строение, он передумал вести меня в свой кабинет. Вместо этого он в приказном тоне сказал, что ждет от меня материал о последних событиях для завтрашнего номера и продолжил свой путь в одиночестве.

Только я зашел в свой кабинет, хотел снять плащ, пришел Павел.

– Не снимай плащ, не снимай, сейчас уходим!

– Что случилось? Куда уходим?

– Ты хочешь познакомиться с единственным и незаменимым способом уничто-жения крыс?

– Было бы неплохо, – пробурчал я.

– Тогда не задавай лишних вопросов, иди садись в машину, поедem в совхоз.

Я пошел и сел в машину Павла, которая была такой же огромной, как и он. Дождь шел, не переставая, вода стекала со стекол машины в слив.

– Пропади ты пропадом, святая Русь, – затем Павел, ругаясь на погоду, подошел к машине.

Мы уселись в автомобиль и направились в место, называемое совхозом. Совхоз находился совсем на конце Инты. Судя по разговору, здесь разводили оленей. Но новые русские при первой же возможности всех распродали. Даже не оставили для воспроизводства потомства. Сейчас тут вместо всех рабочих был один сторож, и никто не знал, зачем он нужен.

Павел остановил машину перед длинным большим навесом. Выйдя из машины, мы пошли под навес. Вокруг не было ни души. Рядом с задней стеной навеса были собраны ящики. Павел осмотрелся вокруг и закричал:

– Григорий, аууу! Григорий!

– Иду, иду, – послышался тонкий, шипящий, не присущий здешним людям, голос.

Вскоре показался и сам сторож. На нем был водонепроницаемый плащ, на ноги он надел резиновые сапоги. У Григория было классическое лицо алкаша, впалые глаза, как будто вбитый лоб, а впалые щеки делали его похожим на страдающих святым. Он принес с собой запах водки, рыбы и лука. Они поздоровались как старые знакомые.

– Познакомься, – Павел показал рукой на меня, – он из Москвы, журналист. Он хочет познакомиться с местными условиями.

Если честно, я не понял, для чего это вранье Павла. Григорий оглядел меня с ног до головы.

– Уважаю! Да, журналистов я уважаю. Но, Пал Палыч, сам же знаешь, мне запрети.

– Ну и что, разве запреты ставятся не для того, чтобы их нарушать? Эх, Гриша, сукин сын...

Григорий вздохнул:

– Нет, Пал Палыч, нельзя! Начальство .. Сам знаешь... Иначе бы тут от людей двигаться было бы невозможно.

– Ладно, ладно, кончай, – Пал Палыч двигал руками, как будто рассеивал чуть ли ни видимый в воздухе запах, – я-то подумал, что мы сядем, выпьем по 100 грамм, разреем проблемы. Я еще взял с собой пол-литра горячего.

Потихоньку лицо Григория просветлело.

– Я ничего не говорю, но, Пал Палыч, смотри, чтобы начальство не узнало.

– Не узнает! Как будто что-то будет, если узнает? Ты начинай, пусть наш гость наконец познакомится с нашей современной технологией.

Стало ясно, что начальство и все остальное – пустые вещи. Григорий делал все это из-за литра водки. Он, не сказав ни слова, быстрыми шагами пошел туда, откуда только что пришел, и спустя немного времени вернулся. Когда он вернулся, у него в руках были длинные щипцы и сделанный кустарным способом сундук.

Григорий, пройдя мимо нас, пошел в сторону ящика, стоящего возле стены. Мы тоже пошли за ним. Только мы подошли к ящикам, как оттуда послышался такой писк, такой шум-гам, что невозможно было передать. Это была какофония, которая действовала на человека до мозга костей – крысы в ящике пищали изо всей силы.

Павел поднес рот к своим ушам, чтобы я слышал его голос, и громко сказал:

– Ох-хо-хоо, похоже, крысы учуяли запах Гриши, ты смотри дальше!...

Григорий положил на пол сундучок и приоткрыл дверцу. В сундучке было 10-15 прижавшихся друг к другу и трясущихся крыс. Эти крысы, в отличие от тех, которые в ящике, были слабее, и даже когда Григорий бросал их по одной в ящик, они даже не пищали.

Павел взял меня за руку и поднес к одному ящичку. То, что я увидел там, мой дорогой читатель, я не забуду, даже если заболею тяжелым склерозом или воскресну путем реинкарнации. В ящичке была крыса размером с кошку. Ее шерсть блестела на ее туго натянутой коже. Она поднялась на задние лапы и двигала огромными усами, как будто нюхала что-то. На самом деле крыса двигала своей жирной шеей, как змея, чтобы со всех ракурсов рассмотреть брошенную к ней маленькую крысу. А брошенная Григорием крыса зажалась в угол, тихо пищала и царапала стенки ящичка.

Это длилось недолго. Большая крыса потихоньку положила лапы на землю и начала приближаться к маленькой. Теперь между ними оставалось небольшое расстояние. Маленькая крыса уже не двигалась, она была как будто под гипнозом и, ничего не понимая, смотрела на большую. Ее бока двигались, как насос, а глаза чуть ли не выходили из орбит. В один момент большая крыса бросилась на нее и схватила зубами, жертва даже не нашла возможности сопротивляться. Теперь большая крыса легкими движениями головы била ее из стороны в сторону, иногда отпускала изо рта, потом снова брала. В скором времени маленькая крыса совсем обессилела, у нее остались силы только тихо пищать. Большая крыса не ждала ее смерти, она залезла на нее передними лапами и потихоньку рвала ее и ела.

Дорогой читатель, ты, наверное, подумаешь, что я это все выдумал и в жизни таких вещей не бывает. Но знающие меня люди знают, что я не любитель врать и не получаю от этого никакого удовольствия. Такие вещи бывают в Инте, я видел своими глазами.

После увиденного мне стало плохо. Мне казалось, что звук чавканья крысы повысили репродуктором. Чтобы не слышать этих звуков, я заткнул уши, но и это не помогло. Звук был в моей голове. Не сказав ни слова, я вернулся и сел в машину. То, что я увидел, много раз проносилось перед глазами и, прошу прощения, меня начало рвать. Я подумал, что после такого остаться в этом городе равно поеданию собакой ею же вырванного.

Возвращаясь обратно, Павел начал с удовольствием объяснять увиденное. Ты смотри, у этого мужика есть проверенный много раз способ борьбы с крысами: поймав несколько крыс, он держит их без еды. От голода крысы выбирают одну среди своих и съедают ее. Затем приходит очередь другой, таким образом, остается одна. Та крыса, которую ты видел, была всего лишь одной из них. Эта крыса – биологическое оружие. Для нее нет ничего лучше крысиного мяса. Ее отпускают туда, где много крыс, и она ловит и ест тех, которые попадают, остальные убегают. Таким образом, не остается нужды для отравления обработкой лекарством или установки ловушек.

Когда мы доехали до города, уже стемнело. Павел устал говорить и молча крутил руль машины. Машина скользила по дороге, погода была влажной из-за темноты и дождя: как будто ты на какой-то очень скользкой поверхности и не знаешь, куда и зачем едешь, на самом деле даже не едешь, а скользишь.

– Куда едем? – спросил Павел, не отводя глаз от дороги.

– В ад, – сказал я.

– Мы уже тут, мой друг, уточни конкретно, в какую часть ада поедем?

– Я уже уточнил, – и уверенным голосом сказал: – Езжай на вокзал! Я хочу купить билет на поезд, который уедет отсюда.

Павел даже не изменился в лице. Как будто знал, что услышит эти слова. Он как ни в чем не бывало сказал:

– Если бы у меня не было пары мелких дел, я бы поехал с тобой, – и, глубоко вздохнув, поехал в сторону вокзала.

«РАССКАЖИ МНЕ О ТУРЦИИ...»

Переводы из турецкой поэзии АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

АХМЕТ МУХИП ДЫРАНАС

(1909-1980)

Будущий поэт родился в Стамбуле в семье малограмотного крестьянина и образованной горожанки, дочери дервиша. Учился в юридическом лицее и на философском факультете Стамбульского университета. Работал в газете, служил в армии. В свое время начинающего автора поддержал Абдулла Джевдет – философ, просветитель, литературный идеолог и переводчик, сторонник движения младотурок (сотрудничавший также с Ататюрком, который был сильно впечатлен его идеями и деятельностью). Позже Дыранас был государственным чиновником, дважды баллотировался в парламент от Республиканской партии. Первый и последний при жизни поэта сборник его стихов был издан в 1974-м.

Серенада

Из окна в вышине

**брось цветок мне скорей,
Чтоб наполнился звоном души моей саз...
Я войду в твою жизнь
как октябрь, как апрель:
Ночь в ресницах моих,
гроза – в волосах.**

Ты сама – как бутон,

**что раскрыл лепестки
Лишь сегодня навстречу любви моей.
Из дорожной пыли, из полноточной тоски
Я сложил эту песню –
и отдал тебе.**

Ты в слезах –

**так росой плачут утром цветы,
Чутко слушая ветер и глядя в туман.
Для тебя расцветают все в мире сады,
Закипает сирень,
пламенеет тюльпан.**

**Птичьим щебетом смех твой витает у губ,
Взгляд фиалковый душу смущает мою,
А на щеку присел мотыльком поцелуй...
Сад озябший дрожит
на рассветном ветру.**

**И когда ты бросаешь мне розу свою,
Загораются в сердце две тысячи роз!..
Я пришел, как приходят январь и июль:
Тучи глаз моих,
бурное море волос.**

ДЖАХИТ СЫТКЫ ТАРАНДЖИ

(1910-1956)

Известный турецкий поэт и писатель родился в провинциальном городке Диярбакыр, закончил школу и Галатасарайский лицей в Стамбуле. Позже занялся политологией и для продолжения образования уехал в Париж, где поступил в Институт политических исследований. С началом Второй мировой войны был вынужден прервать учебу и вернуться в Турцию. Работал переводчиком в государственных информационных агентствах и Министерстве труда. В 1954-м тяжело заболел и для сложного лечения был вывезен в Вену, где и скончался некоторое время спустя.

Стихи, написанные на собственное 35-летие

Тридцать пять!..

Середина земного пути.

Словно Данте, стою на распутье времен.

Ветер юных безумств стих навек позади,

Плачь, проси, умоляй – бесполезно!..

Как сон,

Все пройдет, что должно в этом мире пройти.

Что за иней, не тая, лежит на висках?

Чья рука синевою глаза обвела?

Счет морщинам вести, что ни день, я устал.

Я когда-то друзьями вас знал, зеркала –

А сегодня как злобен ваш хищный оскал!..

Как корёжит нас время, сминает, как воск:

Этот мальчик на фото забытом – не я.

Не вернуть этих дней, и восторгов, и слез...

Этот парень, хохочущий с фото – не я!..

Ложь, что был я, как он, и беспечен, и прост.

И даже самая первая в жизни любовь

Чуть мерцает на доньшке памяти мне.

Те дороги, где шли мы веселой гурьбой

С одноклассниками шумно навстречу весне,

Заросли одиночеством, словно травой.

Как над нами тогда небосвод розовел!..

Но, увы и увы: пламя, ветер, вода –

Всё враждебно тебе на земле, человек!

Лишь сейчас, подойдя к этим скорбным годам,

Понял я, как пугающ он –

времени бег.

Пожелтеет айва, заалеет гранат –

Как я, осень, люблю эти краски твои!..

Но зачем эти птицы в закате кружат?..

Женский плач из окна –

кто покинул сей мир?

На ветру засыхает заброшенный сад...

**И когда ты услышишь
мой голос опять,
знай –
настал Судный день.
Но и в царстве могил,
и в безликой толпе
я тебя отыщу
среди людских мириад.**

АЛПЕР КЕМЛЕКСИЗ

Поэт, литератор. Основная тема его стихов – любовная лирика, опирающаяся на образы и ассоциации из классической восточной поэзии. Избранные тексты встречаются, в том числе, в хрестоматиях для обучающихся турецкому языку. К сожалению, биография поэта представлена лишь несколькими разрозненными и противоречивыми фактами. Но, как известно, лучше всего о творческом человеке рассказывают его произведения – в данном случае, стихи...

Без тебя

**Мой взгляд-Меджнун искал тебя вчера
Всю ночь в глухих ущельях темноты.
Красавица, чей взгляд –
весенний рай,
Зачем же в ад меня повергла ты?!**

**Ты отведешь глаза – и я умру,
А улыбнешься –
я воскресну вновь.
Схожу с ума, от ревности горю!..
Любимая, где ты была в ту ночь?**

**Ласкай меня, целуй в последний раз...
Но ни словца, ни строчки для меня.
И может быть, другого в этот час
Ласкаешь ты, браслетами звеня.**

**Ах, жизнь моя осыпалась, как сад!..
И слез река иссякла на ветру.
Я схоронил в душе твой синий взгляд...
Но вот опять приходит в мир Новруз.**

**И снова слышен праздничный азан.
А я брожу, как призрак, в темноте
И ищут руки – рук, и глаз – глаза,
И губы – губ...**

О, жизнь моя, ты где?..

ВИЛЬФРЕД ФУРМАН

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ – 880

Низами Гянджеви бессмертен. Многие из нас знают его по поэме «Лейли и Меджнун», в основу которой положена арабская легенда. В поэме повествуется о любви Лейли и Гейса, однако влюбленные несчастны, так как их родители и кланы противятся чувству молодых людей. В этом романтическом эпосе Низами описывает зарождение и развитие на протяжении лет чувства влюбленных. В Гейсе от отчаяния происходит психологический надрыв, и он, покинув дом, отправляется жить в пустыню с дикими животными. Он одержимо абсолютизирует любовь как единственную цель жизни, приравнивая ее к некой божественной тайне, которая в результате превращается в саморазрушительную зависимость. Гейс живет своим внутренним светом, так иллюзорно преувеличивает свою сосредоточенность на любовном чувстве, что все больше и больше отдаляется от реальности и в целом от жизни. Из-за растущей «зависимости», наваждения и мистицизма он больше не может думать и воспринимать что-либо еще. Люди называют его одержимым: Меджнун. Но и Лейли страдает от недостижимости этой абсолютной любви и, в конце концов, из-за нее умирает. При известии о ее смерти Меджнун спешит к месту погребения и простирается над могилой возлюбленной в невыразимом горе и в то же время с каким-то чувством облегчения. Вскоре он тоже умирает в пустыне.

Суть этой поэмы 833-летней давности, как и само творчество Низами актуальны и сегодня. Такие темы, как любовь и социальные ограничения и давления, всегда востребованы и могут быть легко «проданы», потому что сегодня они волнуют людей так же, как и почти девять столетий назад.

Люди во все времена мечтают об одном и том же. Философские размышления мыслителей тех времен, показ психологического развития абсолютной любви с ее последствиями, доходящими до безумия, в конечном итоге приводят нас к гораздо более позднему психоанализу (Зигмунд Фрейд, 1856-1939) и к сопоставимым конфликтам современной жизни.

Поэма имеет огромное значение еще и потому, что она стала не только толчком, важным импульсом как для современников, так и для поэтов поздних поколений для создания новых произведений, но и вершиной, на которую они в своем творчестве равнялись. Самая ранняя поэзия на азербайджанском языке, вероятно, связана с именем азербайджанского поэта Хагиги¹(1412 год), (он же Джахан Шах – (азерб. Müzəffərəddin Cahanşahxan; 1397, Хой – 1467, Муш) – правитель государства Гара-Гоюнулу с 1435 года по 1467 год – примечание переводчика). Переводы произведений Низами на европейские языки начались в 1798 году и продолжают до сих пор, так как творчество поэта не утратило за все эти века своей притягательности.

Истории известно много случаев, когда музыканты, поэты, художники, архитекторы при покровительстве и по заказу королей, царей, князей, религиозных учреждений создавали произведения искусства и культуры. Поэма «Лейли и Меджнун» также была создана в 1188 году по заказу Ширван-шаха Ахситана I.

И еще одна общая черта: для более глубокого наслаждения искусством, полного понимания всех аллегорических стихов этой поэмы требуются определенные знания. Например, Низами описывает «великих» личностей, в основном, с помощью

¹ Единственный сохранившийся экземпляр этого азербайджанского культурного достояния находится в Британском музее в Лондоне.

их гороскопов в соответствующей терминологии, и тут читателю могут помочь знания восточной астрологической и астрономической терминологии, использовавшейся в то время. Особенно ярко выражено это в поэме об Александре Македонском «Искендернаме» и поэме «Хосров и Ширин». Многие из этих гороскопов были расшифрованы Назилей Абдулгасымовой.

Видимо происходивший из хорошей семьи Низами имел доступ к образованию и медресе (религиозная школа / университет). Он знал звездный каталог Птолемея «Альмагест», а также «Элементы» Евклида, хорошо разбирался в астрономии и астрологии, приборах, используемых в этих науках, имел представление о геоцентрической системе мироздания, согласно которому центральное положение во Вселенной занимает неподвижная Земля, окруженная семью сферами, каждая из которых является домом для одной из семи (известных) планет, соответствующих в свою очередь определенному дню недели и цвету. При этом в его творчестве прослеживаются, среди прочего, семь состояний души и семь принцесс. Древний календарь равнялся 28 лунным орбитам и движениям Солнца и планет по знакам зодиака.

Из этого следует, что Низами также придерживался мнения, что будущее и судьба человека предопределены и их можно предсказать по гороскопу. Эту убежденность поэт привносит во все свои произведения.

Так, дату рождения поэта мы также узнаем из его гороскопа. Низами родился в азербайджанском городе Гянджа в августе 1141 года. Там же, в Гяндже, он скончался в возрасте 68 лет 12 марта 1209 года, и в этом же городе находится его мавзолей. Личное имя поэта Ильяс, его отца звали Юсуф, деда – Заки, так что его полное имя звучит: Абу Мухаммед ибн Юсуф, однако известен он стал под псевдонимом Низами Гянджеви. Биографические данные о поэте немногочисленны. В своих произведениях поэт «раскрывает» нам не только дату своего рождения, но и то, что его мать была женщиной благородного происхождения и потомком бывшего Хакима (губернатора) Гянджи. Но мы мало знаем о его семье. Это также может быть связано с тем, что Низами всю жизнь прожил в Гяндже, не принимая активного участия в общественной жизни.

Низами принадлежал к ортодоксальному шиитскому течению и, вероятно, жил как суфий (суфизм – мистический орден) с титулом муршид (или шейх) и занимался духовными поисками божественной любви. Ведя уединенный образ жизни, он в то же время имел учеников. Его одинокий образ жизни также может быть связан с тем, что поэт осиротел в раннем возрасте, и его воспитание взял на себя дядя по материнской линии (Ходжа Умар). С раннего возраста мальчик, проявив многие таланты и большую самодисциплину, привлекал всеобщее внимание, удивление и восхищение.

Низами родился во времена, когда то и дело возникали войны и политические беспорядки, но, несмотря на катаклизмы, это были времена расцвета науки и искусства. Создание обширного Арабского халифата, частью которого стал и Азербайджан, дало толчок развитию алгебры, геометрии, тригонометрии и методов навигации, что значительно укрепило экономику, а древние караванные пути¹, соединяющие Европу, Африку и Китай способствовали развитию торговли, ремесел и росту городов. В XI веке население Багдада выросло до 2 миллионов жителей². Во время правления Аб-

¹ Вышеупомянутую сеть междугородной торговли из Африки в Китай легче представить, если учесть, что Низами только в «Хамсе» («Пять сокровищ») упомянул следующие страны: Азербайджан, Китай, Тибет, Кашмир, Иран (Adscham), Ирак, Сирия, Ливан, Йемен, Оман, Аден, Эфиопия (Habescha), Синай, Египет, Магриб, регион Рима (греческая Византия), Андалусия (Испания), Муган (провинция Аббасидского халифата, сегодня в Иранском Азербайджане), Ширван (регион в Восточном Азербайджане), Арран (восточное Закавказье, родина Низами), Абхазия (Грузия), Армаган (Армения), Кашкар, Трансоксания, Мазандаран, Хузендаран, Чузестан, Джем, Кисир, Сарир, Хатай, Хорасан, Бадашхан, Гимгеле, Сансибар, Истахр, Ифранджат, Хаверан, Дагестан, Дженд, Гилан, Харас. Он даже называет Северный полюс. Также упоминаются десятки городов в Северной Африке, Южной Европе, Леванте, на Аравийском полуострове, в Иране, на Кавказе, в Средней Азии и Индии.

²В Париже, например, в 1200 году было около 50 000 жителей.

басидов (750–1258 гг.) халифы аль-Мансур, Харун ар-Рашид и, прежде всего, аль-Мамун (Альманон) была собрана большая часть произведений древнегреческой литературы, переведенной с греческого или сирийского. Они стремились получить как можно больше знаний о древних культурах и науке, в том числе Индии и Китая. В библиотеке «Дома мудрости» в Багдаде, которой управлял эрудит и математик аль-Хорезми (умер в 850) хранилось около 400 000 книг. Знание было золотом и ценилось не меньше этого драгоценного металла. Распространение знаний из центра Багдада до севера Азербайджана стало возможным ввиду большой терпимости традиционной тюркско-кочевой демократии династии сельджуков (1040–1194 гг.), победивших и изгнавших арабов в XI веке. Примерно в начале правления Аббасидов был основан город Гянджа, население которого во времена Низами выросло примерно до 500 000 человек, город во многом подражал Багдаду в обустройстве университетов, обсерваторий и большой библиотеки под названием «Дар аль-Кутуб»¹ во главе с Абульфазлом аль-Нахчывани². Гянджа процветала³. Низами назвал его «мой Вавилон» и использовал возможности всех учебных заведений города. Он, по-видимому, обладал исключительными энциклопедическими познаниями и говорил на азербайджанско-тюркском, арабском языках и, конечно же, на персидском (фарси), на котором и писал свои произведения. В XI веке он, как «король поэтов», создал и возглавил собственную поэтическую школу⁴.

Свою первую поэму, «Сокровищница тайн», Низами написал совсем молодым, ему не было и 30 лет, когда он стал известен как талантливый поэт и автор великолепных лирических стихов, вошедших в сборник коротких дидактических историй, посвященных вопросам поведенческих норм и нравов. Рассказы поражают глубиной философской рефлексии и отражают его религиозность и суфийский мистицизм. Поэма была посвящена Фахреддину Бахрам-шаху, правившему Эрзинджаном (Малая Азия) с 1165 по 1225 год⁵. Позднее эта поэма войдет вместе с другими четырьмя известными поэмами в «Пятерицу», образуя «Пять сокровищ» («Хамсэ»).

В знак признательности и благодарности правитель Дербента Дара Музаффар-ад-Дин прислал поэту в подарок рабыню с кротким нравом, кипчачку Афаг. Очевидно, она была идеальной женщиной для Низами и стала его женой в 1173 или 1174 году. По мнению многих исследователей, именно она оказала самое большое влияние на его творчество. В том же году у них родился сын Мохаммад. Низами был счастлив, что ярко прослеживается и в его поэзии и философских размышлениях. Его жена умерла в 1179 или 1180 году.

Тогда же Низами получил заказ от султана Тогрула III (1177-1194) на создание поэмы о любви. Поэт написал это произведение не столько из-за обещанной награды, сколько для увековечивания памяти своей любимой жены Афаг.

Именно в этой первой романтической поэме Низами говорит о своем гороскопе.

¹ В халифате IX века наука процветала, и правители (хакимы) окружили себя поэтами и учеными, они построили библиотеки, в которых работали такие выдающиеся ученые, мыслители и поэты, как аль-Кинди, аль-Хорезми, аль-Фараби, Ибн Сина. (Авиценна), аль-Бируни, аль-Кашкари, Бахманьяр и многие другие.

² В Азербайджане было несколько выдающихся арабоязычных ученых, в том числе такие великие, как философы Бахманьяр (умер в 1066 г.), Абу Бакр Ахмед Бардиджи (умер в 914 г.), Абу Саид Ахмед Бардаи (умер в 929 г.), Эйналгузат Миянаджи (умер в 929 г.) и поэты Муса Шахават (VII-VIII вв.), Исмаил ибн Яссар (VII-VIII вв.), Абул-Аббас аль-Ама (умер в 718 г.), Мансур Тебризи и другие.

³ В то время и в Германии происходили достаточно значимые события. Например, Любек получил права города в 1188 году, а Нюрнберг – в 1200 году, а Гамбург получил письмо о бесплатном порте от императора Фридриха Барбароссы.

⁴ Представителями этой новой школы являются Гатран Тебризи, Хагани Ширвани, Мехсети Гянджеви, Абул-Ала Гянджеви, Иззеддин Ширвани, Фелеки Ширвани и Муджираддин Байлакани. Они оставили глубокие философские труды, полные научных ключей и сложной терминологии, полные мифологии и аллегории. Настоящая сокровищница для современных исследований.

⁵ По словам историка сельджуков, после получения произведения Бахрам объявил: «Я отдам всю свою сокровищницу в подарок за эту книгу, которая увековечила мое имя в стихах, как жемчуг. Мир навсегда запомнит мое имя».

В произведении, посвященном Тогрулу III, поэт рассказывает о любви сасанидского князя, впоследствии шаха Хосрова II, к кавказской (албанской) принцессе Ширин. Он искусно описал чувства влюбленных, придав им поразительную психологическую глубину. Но это и неудивительно, ведь на Востоке поэты всегда искали духовные пути к самим себе. Чтобы показать всю глубину чувств, Низами выводит на страницы своей поэмы безупречного героя, молодого строителя и архитектора по имени Фархад, готового пойти на любые жертвы ради любви Ширин.

Впервые в литературной истории Ближнего и Среднего Востока Низами со всей своей гениальностью изображает образ героя во всем его богатстве, со всеми его противоречиями, взлетами и падениями.

«Хосров и Ширин» часто причисляют к величайшим шедеврам не только самого Низами, но и всей мировой литературы. Эту тему развивали в своих произведениях многие выдающиеся поэты Востока, такие, как Мир Алишер Навои и Амир Хосров Дехлеви.

Вскоре после смерти Афаг Низами женился второй раз. И снова он получил удар судьбы. Его вторая жена умерла в 1188 году. В том же году Низами получил заказ на новую поэму. Ширваншах Ахситан I попросил его создать поэму, основанную на арабской легенде о несчастных влюбленных Лейли и Меджнуне. Низами хотел отказать от заказа. Легенда ему казалась банальной и сухой, как песок пустыни. Поэтому он обогатил поэму, написанную им за год, многими философскими размышлениями о любви, аспектами ее развития, которая привела молодых людей к безумию.

Оба романтических эпоса («Хосров и Ширин» и «Лейла и Меджнун») содержат много песен и мугамных произведений¹. Только в «Хосров и Ширин» известные певцы и музыканты, такие, как Барбед и Накиса, исполняют 30 вокальных и 8 мугамных произведений. Очевидна тесная связь между традиционной поэзией и музыкой в Азербайджане. Сочиненные стихи о любви к женщине или к Богу также использовались в традиционных мугамах.

Здесь хотелось бы привести интересный факт. Вероятно, самый знаменитый лирический поэт немецкого средневековья Вальтер фон дер Фогельвейде жил с 1170 по 1230 год, то есть почти в то же время, что и Низами. Примерно с 1150 года песенная любовная поэзия впервые стала доступна в ритуальной форме на средненемецком, а вскоре и на литературном немецком языке. Это был так называемый миннезанг («песня о любви») придворных менестрелей, что стало началом стандартизации немецкого литературного языка и среди прочего, созданием нового образа женщины и новой концепции (христианской) любви. Христианские и мусульманские идеи приходили из Византии и Ближнего Востока, проникая на север через Азербайджан. Образ женщины и божественной любви были излюбленными темами и в мусульманском Азербайджане, где также сформировался новый, изысканный поэтический язык. И в поэмах Низами женские образы стали центральными столпами.

Наряду с мугамными произведениями, в поэмах дается много информации о музыкальных инструментах² и уже используемых терминах, таких, как мелодия, настрояние, ритм, гармония, и восьмая нота³.

Произведения поэта можно считать своего рода энциклопедией азербайджанского фольклора, усиленной представлениями о терминологии настольных игр (таких, как шахматы и нарды), а также его восприятием живописи.

¹ Названия вокальных произведений: «Дар ветра», «Жемчужный занавес», «Сладкий напиток», «Месть за Сиявуша» и «Сад Ширин», мугамы называются: «Rast», «Iraklılar», «Novruz», «İsfahanlı», «Uşag», «Rahavi», «Zirefand»und «Khisari».

² Он не только называет инструменты (на которых играют до сих пор), такие, как саз, уд, бербет, сетар, чанг, канун, мушкар, органум, каманче, рубаб, танбур, карна, сантур, кус, давул, даф, нагара и зандан, но также описывает их форму, количество струн, способы игры на них и их звучание.

³ Нота, длительность которой составляет одну восьмую длительности целой ноты.

Более всего интересовался поэт картинами из Рима¹ и Китая, реалистичность изображений которых его восхищала. Сегодняшние исследователи в первую очередь ищут в этих произведениях знаковый символизм. Ценно его отношение к изобразительному искусству, такому, как скульптура, настенная живопись, каллиграфия, а также выдающимся художникам и скульпторам.

Можно утверждать, что, обладая такой широтой и глубиной мировоззрения, Низами в XII веке мыслит современными гуманистическими идеями, его творчество до сих пор оказывает большое влияние на все сферы искусства. Во многих музеях мира представлены предметы декоративно-прикладного искусства, миниатюры и мотивы из его эпических произведений, особенно из «Хамсэ»², в качестве декоративных иллюстраций на коврах, настенной живописи, книгах, оружии и домашней утвари. А мотивы и сюжеты на темы из произведений поэта и в наши дни вдохновляют (особенно на Востоке) поэтов, композиторов, в том числе драматургов и дизайнеров. Гуманистические идеи, такие, как справедливость и справедливое общество, милосердие и щедрость, а также иллюстрации по произведениям Низами в эти дни демонстрируются на выставке в Москве (март, апрель 2021 года) и также будут главной темой выставки в Центре Гейдара Алиева в Баку летом 2021 года.

Но Низами не только философ-эстет, но и поэт-политик. Свой четвертый эпос «Семь красавиц» или «Семь куполов» поэт закончил в полночь 31 июля 1196 года. Поэма посвящена правителю Мараги Ала ад-Дин Корпе-Арслану ибн Аг-Сонгору.

Низами описывает приключения сасанидского царя Бахрама Гура (Бахрам V), а также его размышления о вечном вопросе: каким должен быть справедливый правитель. Низами представляет историю жизни сасанидского правителя в фантастических, веселых и поучительных историях о семи красавицах, каждую из которых он посещает в определенном настроении. Намерение Низами здесь, видимо, состоит в том, чтобы с помощью «дидактических» историй воспитать как правителя, так и народ, т.е. быть его учителем. К тому же Низами рассказывает о повседневной жизни в стране, которой жестоко, включая пытки и убийства, правит визирь-тиран. Узнав об этом, справедливый правитель казнил его.

В 1196 году Низами начал писать свою самую большую поэму – «Искендернамэ». Первая часть, «Книга Славы» («Sharaf-nāme»), описывает жизнь, войны, завоевания и подвиги Александра Македонского и посвящена внешней жизни героя, его деяниям и окружению. Вторая часть, «Книга счастья» («Ikbāl-nāme»), посвящена поискам смысла жизни и преображению Александра из завоевателя в царя-философа и (исламского) пророка. Низами рассказывает об участии Александра Великого в дискуссии в кругу древних ученых, включая Арастуна (Аристотель), Афлатуна (Платон), Сократа, Булуна Руминиана (Аполлония Тиранского), Валиса (Фалеса), Форфория (Парфирия Тирского) и Хормуса (Гермеса Трисмегистоса), предполагаемого основателя алхимии. С помощью этой вымышленного научного спора – Низами размышляет о происхождении вселенной.

В поэме Александр исследует множество стран, пока он, наконец, не находит на северо-востоке страну, которая кажется идеальной. Власть справедлива, нет ни угнетателей, ни угнетенных, ни бедных, ни богатых, ни воровства, ни мошенничества. Люди не болеют и умирают только в старости. Рай, как пророчество, или непреходящая мечта человечества?

¹ Речь идет о Султанате Римских сельджуков, названном так потому, что он находился на византийской (римской) земле (араб. Ар-рум) на территории нынешней Анатолии.

² Поэма была переписана в 1543 году специально для шаха Тахмасиба I (1514–1576) в Тебризе известными азербайджанскими представителями каллиграфии, такими, как Шах Махмуд Аль Нишапури, Ага Мирак, Мир Нусавир и Музаффар Али. Книга находится не в Баку, а в Британском музее в Лондоне.

Копия «Сокровищницы тайн», которая, вероятно, была скопирована непосредственно с подлинника Низами каллиграфом Фазлуллахом ибн Мохаммедом ибн Омаром в Баку в 1230 году, находится в библиотеке Управления Индии в Лондоне (а не как национальное культурное достояние в Баку).

В 1200 году умирает третья жена Низами. Ему самому уже под семьдесят. Многие его друзья и сверстники уже покинули этот мир, одиночество и ощущение приближающегося конца вызывают у него тоску. В конце «Искендернамэ» он просит своих читателей помнить о нем, следовать его советам и жить мирно.

Всего Низами написал около 20-28 000 лирических стихов, стихов и од в виде двухстрочных строф – бейтов. Они обобщены в его поэтическом сборнике «Диван». Нам известны только около 100 стихов, хотя женщины, которым они адресованы, неизвестны. Также неизвестно, какая женщина покоится в могиле рядом с Низами. Гельдерлин, Шиллер и Гете также создавали стихи наподобие восточных газелей¹.

Гете (1749-1832) после знакомства с творчеством персидского поэта Хафиза (1315-1390), знавшего все поэмы Низами, и открыв для себя литературу Востока, создает «Западно-Восточный Диван», представив новую перспективу и видение единения Запада и Востока (1819 или 1827).

**Памятник Хафез-Гете в Веймаре,
Германия**

Гёте, как и многие немцы, в том числе и Лессинг, считает, что Запад и Восток принадлежат друг другу и между ними нет никакого противоречия, но есть возможность плодотворного художественного соревнования, так как это единая мировая литература. В европейских странах только приверженцы колониальной политики, в том числе и Редьярд Киплинг (1885-1936), считали, что Восток и Запад никогда не сойдутся вместе, для них это спор о геополитике и культурном превосходстве. Но никакого противоречия быть не может, поскольку часть корней каждого европейского народа, его идентичности, имеет восточно-азиатское происхождение.

Низами и Гете, как великие личности, впервые намного раньше остальных всю свою жизнь, свой пылкий ум направили на изучение как естественных, так и гуманитарных наук. Оба всегда искали более глубокое, «божественное» знание или, выражаясь последними предсмертными словами Гёте, искали «большого света».

Низами и его творчество являются не только национальным достоянием Азербайджана, он одна из ярчайших звезд мировой культуры. Для того, чтобы наследие Низами продолжало жить, необходимо не только ученым, специалистам изучать его творчество и делиться новыми исследованиями, эти произведения должны быть прочитаны и поняты более широкой аудиторией. Предпосылки для этого создают родители, уроки культуры и литературы в школах и на семинарах в университетах, но не в форме сухих лекций с инъекциями идеологии и мировоззрения, а как полные энтузиазма и вдохновляющие беседы компетентных учителей и профессоров.

Перевод с немецкого Натаван ХАЛИЛОВОЙ

¹ Самые известные произведения в этом стиле: «Хлеб и вино» (Гельдерлин), «Прогулка» (Шиллер), «Die Xenien» (Гете и Шиллер) и «Римские элегии» (Гете).

ТЕМУР МАМЕДЗАДЕ

Corvus Corax

Фантастический рассказ

Сегодня вдруг резко похолодало, а ближе к вечеру повалил снег. Давно я не видел такого красивого снегопада. Последнее время зимы и зимой-то не назовешь. Нескончаемые унылые дожди, изредка мокрый снег, мрачное серое небо и непролазная грязь проселочных дорог, это скорее – слякотная осень, а не зима, и все эти аномалии и причуды природы нагоняли на меня жуткую тоску. Телевизор я не смотрю, хотя на вилле моего кузена, где я живу в последнее время, есть шикарный телевизор во всю стенку и спутниковая антенна, но побродить по просторам интернета или прочитать хорошую книгу, – это я могу и очень даже люблю. Иногда, ближе к вечеру, мне становится особенно тоскливо (не помогает ни любимый томик рассказов О’Генри, ни передачи National Geographic о дикой природе и жизни животных). Тогда я сажусь в глубокое кресло у горящего камина и смотрю на пылающие поленья, попыхивая трубкой и потягивая виски из стакана.

Лет десять тому назад Томас (это мой двоюродный брат и единственный мой настоящий друг) окончил магистратуру в престижном университете Лондона по специальности «Информационные системы и технологии» и перед отъездом домой заглянул ко мне в гости. Я тогда жил в пригороде, потому что люблю природу и равнодушен к животным (должен отметить, что я не люблю больших городов, тем более, мегаполисы) поэтому Лутон, расположенный в южной части графства Bedfordshire в полусотне километров от Лондона, устраивал меня во всех смыслах. С одной стороны, живешь в городе со всеми вытекающими из этого обстоятельства плюсами, а с другой – шикарная природа, много красивых парков, живописных озер, река и, наконец, вишенка на торте – великолепный зоопарк! В то время я был владельцем процветающей фирмы, специализирующейся на поставках оргтехники и канцелярских товаров для офисов, которая приносила мне стабильный доход. Одним словом, я уверенно стоял на ногах и вплоть до недавнего времени считал себя вполне успешным, а временами даже счастливым человеком, но... буквально на днях я развелся со своей женой, с которой прожил в браке всего лишь неполных три месяца. Моя попытка перейти на новый уровень отношений и связать себя узами Гименея с понравившейся мне женщиной потерпела полный провал, и это произошло не по моей вине. В то время я, несмотря на уже зрелый возраст, был наивен настолько, что все еще доверял людям. Я верил словам, заверениям в дружбе и даже признаниям в любви ... наивный лох! Слова – это мираж, абстракция и фикция, а еще это паутина, в которую тебя сначала заманят, а когда ты в ней хорошенько запутаешься, сожрут с потрохами. Поступки и конкретные действия – вот что должно быть мерилом в твоих отношениях с окружающими людьми. Но это я понял поздно... уже после развода, который очень многому меня научил. На протяжении целой недели я не мог прийти в себя из-за потрясения от предательства близкого, как мне казалось, человека, потому что никак не мог понять ход мыслей и психологию этой женщины. Если тебе так сильно нравился этот сноб с лошадиной физиономией и вечно сонным выражением лица с твоей работы... ну и выходила бы за него замуж! Тем более, как это выяснилось буквально накануне развода, вы, оказывается, были знакомы с ним намного ближе, чем это полагается просто коллегам по работе, задолго до того, как я

появился в твоей жизни. Но когда я стал прокручивать перед своим мысленным взором всю историю нашего знакомства и период совместной жизни, скрупулезно анализируя причины моего фиаско с женитьбой, я вдруг понял, что она, флиртуя со мной и даже выходя за меня замуж, преследовала одну единственную цель – заставить ревновать своего бывшего хахала. И как только этот самодовольный напыщенный индюк вновь воспылал к ней страстью, она, не задумываясь, подала на развод. Едва я понял её мотивы, мне стало намного легче, и вскоре я вновь обрел душевное равновесие. Я не ханжа, но хоть мы и живем в современном мире, считаю, что лицемерие и подлость не украшают человека... тем более женщину. В результате своих размышлений я также понял, что должен быть благодарен Судьбе за то, что она испытала меня на прочность и преподала мне суровый урок на всю оставшуюся жизнь... что я пожелал Нэнси на прощание?

– Флаг тебе в руки, детка, и барабан на шею, – сказал я ей честно, – ...ты сделала свой выбор и, надеюсь, не прогадала.

А теперь вернемся к Томми. Итак, мой двоюродный брат решил навестить меня перед отъездом (чему я был несказанно рад) и мы с ним хорошо посидели: выпили, поговорили «за жизнь», о моих и его планах на будущее, ну, все, как обычно. Когда мы приканчивали вторую бутылку «Jameson» (Томми предпочитает эту марку ирландского виски всем остальным за его терпкий выдержанный вкус), он вдруг разоткровенничался и рассказал, сколько он остался должен за обучение, и о том, что у него есть гениальная идея, но пока нет свободных денег, чтобы воплотить её в жизнь. Короче, засиделись мы с ним допоздна, вспоминая школьные годы, общих знакомых и забавные истории из детства, а утром я проводил его в аэропорт, и он улетел в Бирмингем. Должен отметить, что мы с Томми росли вместе, и хотя он моложе меня всего на пару лет, я всегда присматривал за ним в школе и на улице, как старший брат, и был его единственным другом. Наши отцы – родные братья, и наши семьи жили по соседству вплоть до тех пор, пока дядя, соблазнившись хорошим заработком, не переехал на Туманный Альбион, во второй по величине город Великобритании Бирмингем. По этой причине мы разлучились с Томми на несколько лет, но связи не теряли. Затем мы оба почти одновременно поступили в университет, он в Англии, а я у себя дома, в Штатах. После окончания университета я решил переехать в Лутон, чтобы быть поближе к Томми, который еще учился в Лондоне, и занялся бизнесом. Я преуспел, торгуя компьютерами, меловой бумагой, ластиками, карандашами и прочими прелестями, без которых не представляет своего существования ни один мало-мальски уважающий себя бюрократ или конторский служащий. Тем временем Томми, окончив университет, почти год мотался по свету, пытаясь найти себе место в жизни, а заодно и работу по душе, но вдруг... неожиданно поступил в магистратуру.

– Не подвернулось ничего путного, вот и решил пока продолжить грызть гранит науки, – коротко объяснил он мне свой маневр и достал расческу из кармана пиджака.

«Зная твой характер, Томми, не думаю, что найдется хоть один работодатель, условия труда которого могли бы удовлетворить твою щепетильную натуру и всех тараканов в твоей голове, – глядя на то, как он тщательно, с педантизмом, достойным лучшего применения, расчесывал свои волосы на пробор, подумал я, – ... поэтому ты правильно сделал, что решил продолжить обучение». Должен отметить, что Томми с детства был очень толковым и дальновидным парнем, и пока я в поте лица делал деньги, он решил работать на перспективу и продолжил углублять свои знания в области информационных систем и технологий... но я отвлекся.

Итак, на следующий день после отъезда Томми я, поразмыслив на трезвую голову о его планах, решил поддержать начинающего бизнесмена материально, хотя он

меня об этом не просил. Дело в том, что несмотря на то, что я ухлопал уйму денег на бракоразводный процесс, а до этого на капризы Нэнси, ублажая ее непомерные аппетиты во время походов по бутикам, обувным магазинам и ресторанам, у меня еще оставалась приличная сумма денег, которыми я был готов бескорыстно поделиться с моим другом. Короче говоря, вечером я позвонил Томми по скайпу и предложил ему свою помощь – во-первых, мой огромный жизненный опыт, на второе ему было предложено мое крепкое мужское плечо (на которое он мог опереться в трудную минуту) и, наконец, главный козырь... мой кошелек.

Томми, не задумываясь, отказался от второго пункта, ехидно заметив, что не такое уж оно у меня крепкое и надежное, как мне кажется, поскольку я дважды вывихнул это хваленое плечо на соревнованиях по регби.

– Трижды... – невозмутимо поправил я своего оппонента и, по-отечески снисходительно глядя ему в глаза, добавил торжественным тоном: – Томас Маккензи, ты всегда был тормозом и, несмотря на магистерскую степень, остаешься им и поныне. «Крепкое мужское плечо» – это была всего лишь фигура речи... – продолжал я развивать свою мысль, но заметив противную ухмылку Томми во весь экран, сменил пластинку и кротко спросил: – Что ты думаешь насчет первого пункта?

– Что касается вашего бесценного опыта, то к нему я отношусь с большим уважением. Скажу вам больше, сэр, я отношусь к нему с величайшим благоговением, – продолжал издеваться над моими сединами этот засранец, – но опытный маркетолог мне понадобится только на втором этапе, после разработки и внедрения в производство моей гениальной идеи. Что же касается вашего кошелька, то тут, увы, все зависит не только от его объема или размера, но и от глубины пропасти, в которую вы, высокочтимый сэр, будете готовы пасть в случае неудачи с моей затеей.

Должен отметить, что Томми с раннего детства был жутким занудой и упрямым педантом. Одним словом, засранец, которому вечно надо было что-то доказывать, раскладывать все по полочкам, затем развесить бирки и пронумеровать, чтобы этот тормоз начинал, наконец, действовать. Правда, после того, как он, уяснив для себя задачу и расставив главные приоритеты, начинал действовать, его уже никто и ничто на свете не могло остановить: хватка у этого прошельги с ангельским выражением лица была бульдожья, а упертым он был, как баран.

... помню, каких огромных трудов мне тогда стоило его уговорить подложить жабу в портфель моей соседке по парте Саре, за которой я начал ухаживать в четвертом классе, но был грубо ею отшит. Эта маленькая фурия, невинно хлопая длинными пушистыми ресницами, нагло заявила, что не дружит с мальчиками, которые ходят в школу пешком. Вскоре я выяснил, что ей нравится Джимми – белобрысый пижон из соседнего класса, которого подвозил в школу на шикарной машине его папаша. План мести созрел у меня в голове моментально, но вот с Томми пришлось повозиться, потому что он зрел не так быстро, как мне бы хотелось. Три долгих томительных дня мне пришлось его уговаривать и всячески ублажать (для этого мне даже пришлось разбить свою копилку, чтобы иметь возможность водить его кататься на карусели и при этом покупать ему ванильное мороженое, от которого он был без ума), но оно того стоило!

Солнечным утром того памятного дня визжала не только моя соседка по парте, но и все девчонки нашего класса, включая молодую учительницу. Признаться, я тоже заорал вместе с ними, но не от страха, а скорее от неожиданности, когда произошло это событие. К счастью, мой голос не был услышан в наступившем хаосе, и это обстоятельство спасло мое реноме.

... что произошло тем утром? ... в тот день Сара пришла на уроки в новом и очень красивом платье, чем вызвала огромный ажиотаж среди девчонок нашего класса, которые моментально столпились вокруг этой кокетки и стали трещать, обсуждая её обновку. Тем временем Сара, убедившись, что произвела должное впечатление,

чатление на своих подружек и весьма польщенная всеобщим вниманием, величественно водрузила портфель на парту и широко его распахнула, чтобы достать свои тетрадки и книги... и вот в этот самый момент из развернутой пасти портфеля вдруг неожиданно резво и очень высоко выпрыгнула здоровенная жаба!!! ... На своем веку я повидал немало жаб и прочих не менее «привлекательных» представителей различных видов земноводных, но этот экземпляр был неописуем! Это была не просто жаба... это было огромное буро-зеленое пучеглазое Чудовище, которое своим неожиданным появлением произвело эффект разорвавшейся бомбы, а спустя три секунды эффект намного усилился, потому что вслед за этой тварью из портфеля на волю весело выпрыгивало небольшое стадо молодых зеленых лягушек...

... где Томми достал эту огромную жабу и столько лягушек, которые, кстати, не были оговорены с ним в контракте?! Но главное – когда и как он умудрился запихнуть весь этот зоопарк в портфель Сары? Для меня это осталось тайной, разгадку которой я не смог у него выпытать, несмотря на все мои потуги.

Должен отметить, что для меня это событие прошло без последствий. У меня было железное алиби – в тот день я зашел в класс одним из последних и благоразумно не приближался к парте и к своей жертве, вплоть до того момента, пока Сара не поставила свой портфель на парту. Недаром говорят: мечь – это блюдо, которое подают холодным. Трезвый расчет плюс виртуозная обработка исполнителя и в результате – я был вне всяких подозрений, мое уязвленное самолюбие было удовлетворено, а Томми честно отработал свое морозное.

Но я отвлекся. Итак, мы продолжали препираться и обмениваться колкостями с Томми по скайпу до тех пор, пока у него не иссяк запас желчи. После чего мне пришлось еще битый час объяснять и доказывать этому чистоплюю, что глубина моего кошелька превышает ту сумму, которую он озвучил, будучи под сильной мухой у меня в гостях, а на случай падения в финансовую пропасть у меня имеется парашют в виде недвижимости...

... он сдался только после моих клятвенных заверений, что мой бизнес ни в коем случае не пострадает в результате предоставления ему кредита, потому что эти деньги я не изымаю из оборота – они просто лежат без дела в банке и не приносят мне никакой пользы. Короче, он согласился, но с одним условием. Деньги он возьмет только в том случае, если я пообещаю ему, что мы станем компаньонами на равных паях, когда его авантюра увенчается успехом, иначе он отказывается от моей помощи. Я принял его ультиматум только потому, что хотел, чтобы Томми взял эти деньги – ведь я с самого детства всей душой любил этого замечательного человека за его кристальную честность, надежность и глубокую порядочность. Такие люди нечасто встречаются в жизни, и мне крупно повезло, что у меня есть Томми. Поэтому, когда я принял решение спонсировать его, я сделал это из лучших побуждений и не преследовал никаких меркантильных интересов, я даже не думал о том, что его затея может выгореть, и спустя короткое время мы с ним станем не просто состоятельными, а очень богатыми людьми.

Вскоре после этих событий в моей привычной и налаженной жизни произошел резкий перелом. Видимо, Судьба решила вновь меня испытать. Обычно перед тем, как уснуть, я, лежа в теплой постели, прокручиваю перед мысленным взором события минувшего дня, анализируя свои решения, принятые на работе, совершенные ошибки и прочие свои поступки. Той ночью особо анализировать было нечего, так как рабочий день прошел идеально, и мои мысли переключились на собственную персону, но чем больше я думал о себе, тем мрачнее я становился. Материально я обеспечен, как говорится, грех жаловаться. Моя фирма процветает и расширяется. У меня хороший просторный дом, машина класса люкс и прочие атрибуты, демонстрирующие миру удачливого бизнесмена и состоявшегося человека ... но какую цену я за все это заплатил?!... и продолжаю платить до сих пор... а стоило ли оно того?!

... работать я начал, едва окончил университет, и с тех пор пашу в поте лица, как проклятый раб на галерах... я забыл, когда в последний раз брал полноценный отпуск, и не помню, когда я выбирался на рыбалку или просто отдыхал на природе. А ведь я выбрал местом жительства Лутон, чтобы иметь возможность чаще бывать на природе! Разве такой жизни я себе желал... об этом ли я мечтал? ... с меня довольно, – наконец решил я в два часа ночи и сразу же уснул сном праведника.

На следующий день, ближе к полудню, я вызвал в свой кабинет перспективного молодого человека (моего главного менеджера по продажам) и без лишней волокиты прямо ему заявил.

– Послушай, старик, что я тебе скажу... мне почти тридцать пять, а свой первый седой волос я заработал, когда мне стукнуло тридцать лет и с тех пор этой дряни на моей голове меньше не становится, и растет она быстрее, чем мои счета в банке...

Едва я начал говорить, мой собеседник – серьезный молодой человек в очках из роговой оправы, который до этого не был замечен мною в беспричинном зубоскальстве на работе, тем более, когда обсуждались важные вопросы, – вдруг расплылся в широкой улыбке. Чтобы выяснить причину разнузданного веселья моего подчиненного, мне пришлось прервать свою торжественную речь, чем не замедлил воспользоваться мой визави:

– Вчера я просматривал кое-какие документы...

– И...? – спросил я, с нетерпением глядя на собеседника.

– Судя по одному из них, этим летом вам исполнится сорок...

– Ты такой же зануда, как мой кузен, – проворчал я недовольно, – пойми и запомни на всю жизнь, Абрахам: не важно, сколько тебе лет по документам, важно то, на сколько лет ты себя ощущаешь. Вот в данный момент я ощущаю себя лет на тридцать... ну, максимум на тридцать пять... – и, обратив внимание на то, что мой собеседник все еще остается на ногах, спросил: – Ты чего стоишь? Садись за стол, но сначала, сделай мне одолжение, прихвати виски и стаканы из бара.

– А не рановато еще для виски, шеф? – глянув на часы, спросил Абрахам.

– Не рановато... – огрызнулся я незлобливо, – и прекрати обзывать меня шефом, – добавил я раздраженно, когда он отошел от стола и направился к бару. (На работе все сотрудники зовут меня по имени, и это требование относится ко всем без исключения).

– Извини, Гарри, – сказал Абрахам, возвращаясь к столу с выпивкой и стаканами, – я все время забываю об этом пункте нашего устного трудового соглашения.

Открыв бутылку «Chivas Regal» 18-ти летней выдержки, я разлил этот божественный напиток по стаканам и успел сделать первый глоток, пока мой собеседник поудобнее устраивался в кресле, стоящем напротив меня.

– Имя Абрахам, кажется, еврейское и значит «отец народов»? – начал я разговор издалека, но затем сразу перешел к сути: – Не хочешь ли ты, Абрахам, стать отцом для дружного коллектива нашей фирмы?

– В каком смысле? – спросил озадаченный молодой человек.

– В прямом... – ответил я коротко и отпил очередной глоток виски. – Дело в том, что вчера ночью я вдруг понял, что ужасно устал. Годы упорного труда не прошли для меня бесследно... и сейчас я чувствую себя глубоким стариком, плечи которого устали носить непосильную ношу ответственности за процветание нашей фирмы...

– Если мне не изменяет память, еще минуту назад вы говорили, что вам нет и тридцати, – не без ехидства заметил Абрахам и почесал переносицу, которую ему натерли очки.

– Она тебе изменяет, сынок, – сказал я, нагло глядя на собеседника, – или ты ослышался...

– У меня абсолютный слух, Гарри, – парировал этот упрямец, – что же касается проблем с моей памятью, то я могу прямо сейчас на спор составить список дебиторской задолженности всех наших клиентов и написать от руки текст любого договора о поставках на ваш выбор.

– Ладно, Абрахам, не кипятись, – примирительным тоном сказал я, – ну что ты сразу полез в бутылку, я вовсе не хотел тебя обидеть. Вот что ты такой дотошный, прямо как мой кузен Томми, он, как и ты, вечно придирается к моим словам и оговоркам. Ну, может минуту тому назад я и ощущал себя на тридцатник, но прошлой ночью я точно чувствовал себя стариком. Короче, вопрос с моим возрастом будем считать закрытым, а теперь перестань меня перебивать и выслушай, зачем я тебя вызвал.

Мой собеседник откинулся на спинку кресла и приготовился слушать, а я, выдержав паузу, продолжил.

– Так вот, Абрахам, я собираюсь уйти на покой, а чтобы за время моего отсутствия наша фирма не накрылась большим медным тазом, мне будет нужен надежный человек в качестве исполнительного директора... и лучшей кандидатуры на эту должность, чем ты, я не вижу.

Брови моего визави медленно поползли вверх, пока не уперлись в оправу очков, а глаза его чуть не повылазили из орбит. Я был весьма доволен произведенным эффектом и, залпом осушив стакан с виски, потянулся за бутылкой, наблюдая за реакцией моего собеседника. Тем временем Абрахам несколько раз открыл рот, но ничего не сказал... затем, озадаченно почесав переносицу, он одним большим глотком допил свой виски и, сняв очки, устался на противоположную стенку.

– Ну,... что ты на это скажешь? – спросил я.

– А как же вы? – наконец ответил Абрахам.

– Обо мне можешь не беспокоиться, – сказал я с усмешкой, – я стану сибаритом и проведу остаток жизни в удовольствиях и праздности.

Короче, к концу рабочего дня у меня уже был исполнительный директор, и я с чувством хорошо выполненного долга отправился домой...

... посадив вместо себя за весла на галере Абрахама, я получил относительную свободу, и это был для меня первый подарок Судьбы. На радостях я объездил все озера и живописные места в окрестностях Лутона, несколько раз побывал на рыбалке и наконец сходил в музей ... одним словом, впервые за многие годы я стал жить в свое удовольствие.

После развода я долгое время избегал серьезных отношений с противоположным полом и, едва почуяв малейший намек на углубление отношений со стороны наиболее притких представительниц прекрасной половины человечества из числа моих близких знакомых, не задумываясь, давал стрекача (как говорится, обжёгшись на молоке, дуешь на воду).

Это продолжалось до тех пор, пока одним солнечным погожим днем, будучи в зоопарке, я совершенно случайно не встретил удивительную девушку у вольера с дикими собаками, где я с интересом наблюдал за рыжими австралийскими красавцами. Мы познакомились, когда у нее села батарея на мобильном телефоне. Она стояла у вольера буквально в двух шагах от меня, когда ей позвонили на мобильный, и едва она успела ответить на вызов (насколько я понял, звонила ее мама), как ее телефон отключился, она попыталась реанимировать отказавшую технику, но ее усилия оказались тщетными. Заметив, что она попала в затруднительное положение, я, несмотря на риск быть обвиненным в харрасменте, решил предложить симпатичной незнакомке воспользоваться моим телефоном. Она на секунду замешкалась, но, окинув меня быстрым оценивающим взглядом, посмотрела мне в глаза и, верно, решив,

что я предлагаю свою помощь искренне, без всяких задних мыслей и похотливых помыслов, взяла мой телефон. Благодарно кивнув мне головой, она отошла в сторону и, набрав номер, закончила прерванный разговор. Спустя короткое время она вернула мне телефон со словами благодарности и извинилась за причиненные неудобства (ведь, возможно, я торопился, но из-за неё был вынужден задержаться). Я взял у нее телефон и рассмеялся, а затем, немного подумав, сказал, что, на мой взгляд, я не очень похож на человека, который куда-то спешит, потому что праздно провожу свое время в зоопарке у вольера с австралийскими эндемиками *Canis Lupus Dingo*.

Поскольку этот эпизод является ключевым моментом нашего знакомства с Оливией, я вынужден описать его более подробно и разложить все по полочкам.

Итак, вернув мне телефон, она уже собиралась уходить (как воспитанный человек, она соблюла все приличия – поблагодарила за оказанную помощь, извинилась за причиненные неудобства и попрощалась), в ответ я мог просто кивнуть ей головой, и на этом бы все закончилось.

Но тут в игру вступила Судьба, у которой были свои планы на мое будущее...

... почему я рассмеялся, хотя понимал, что мой беспричинный смех выглядит довольно глупо? Признаться, я и сам не знаю, но мой смех вынудил незнакомку задержаться, что дало мне возможность произнести короткую речь, в которую я умудрился впихнуть заумное словечко – эндемик – и при этом блеснул своими познаниями в латыни. Моя собеседница вначале просто улыбалась, отрешенно слушая меня из вежливости, но едва я произнес «австралийскими эндемиками», я сразу заметил в ее глазах удивление, которое переросло в неподдельный интерес, когда я выдал напоследок «*Canis Lupus Dingo*»...

... дело в том, что природа и наследственность наградили меня довольно внушительными габаритами: у меня рост под два метра, огромные кулаки, мощная мускулатура и короткая борода, которую я стал недавно отращивать. Одним словом, выгляжу я как разбойник с большой дороги или заблудший викинг, случайно оказавшийся не в том месте. Поэтому Оливия очень удивилась и, как ни старалась, не могла этого скрыть. Это все равно, что в ресторане с вами вместо официанта вдруг заговорит стол, за которым вы сидите. Честно говоря, я уже давно привык к такой неоднозначной реакции окружающих на мою колоритную внешность, резко контрастирующую с уровнем моего интеллекта, поэтому ждал, как на это отреагирует Оливия, которая тем временем молча размышляла. Наконец, видимо, решив устроить мне небольшой экзамен, она, глядя на меня честными голубыми глазами, в которых я заметил лукавые искорки, спросила, наивно похлопывая длинными ресницами:

– А как будет называться на латыни, ну... например... лошадь?

Я мысленно усмехнулся ее хитрому ходу и принял вызов:

– Все зависит от того, какая это лошадь, – ответил я уклончиво, на что она криво усмехнулась. Хотя мне очень понравилась ее ухмылка, от которой у нее появились ямочки на щеках, я правильно оценил ее значение – «ну, конечно... вызубрил пару терминов на латыни и пускает пыль в глаза наивным девушкам». Поэтому, выдержав небольшую паузу, я продолжил: – ...если это обычная рабочая лошадь, тогда будет *equus equa caballus*, а если это верховая лошадь, то это *equus sellarius*, но если речь идет о необъезженной лошади, тогда...

– ... *equus intractatus*... – закончила Оливия вместо меня и весело рассмеялась.

Пришел мой черед удивляться, впрочем, я тоже этого не скрывал. Слово за слово, и вскоре выяснилось, что у нас с Оливией есть куча общих интересов, которые мы непременно должны обсудить. Короче, мы чудно провели с ней всю оставшуюся часть дня. После лошадей (видимо, на это оказало свое влияние соседство вольера с дикими собаками) мы обсудили достоинства книг Джека Лондона «Белый клык» и «Майкл, брат Джерри». Спустя час мы уже сидели с ней за столиком в кафе зоопарка, где она удивила меня не только глубоким знанием литературы о животных,

но и познаниями в области кулинарии. Оказалось, что она умеет и любит готовить всякие вкусности для себя и своей мамы, потому что не любит еду из ресторанов и по этой причине, в основном, питается дома. Вскоре выяснилось, что она не только прочитала всего Джека Лондона, но и знакома с трудами Альфреда Брэма. А когда я спросил о Джеральде Даррелле, она, не задумываясь, перечислила с полдюжины его произведений, особо отметив его трилогию «Моя семья и другие звери», «Птицы, звери и родственники» и «Сад богов», которую она любит с детства. Сказать, что я был удивлен, значит не сказать ничего. Я был просто потрясен этой очаровательной девушкой, с которой никто из моих знакомых не мог сравниться. Она была невероятно красива и добра, и кроме того у нее было великолепное чувство юмора. Но самое главное, к моей огромной радости выяснилось, что она, несмотря на все свои достоинства, была до сих пор не замужем. Короче говоря, спустя короткое время я женился, и на этот раз весьма удачно... я души не чаял в своей избраннице и знал, что мои чувства к ней были взаимны. Она прекрасно готовила и любила кормить меня блюдами итальянской кухни (её мама была родом с Сицилии), но главное – она создала уют в моем просторном доме, которого мне так не хватало после того, как я съехал от родителей и начал жить самостоятельно. Прошел год со дня моей женитьбы, а я по-прежнему был счастлив, потому что чем больше я узнавал Оливию, тем больше ее любил, а к этому чувству вскоре стало примешиваться ещё и чувство огромного уважения к ней, как к личности, потому что она была невероятно добрым и глубоко порядочным человеком. Оливия была вторым и самым значимым для меня подарком судьбы. И, наконец, последний бонус – благодаря гениальной разработке моего кузена на мои счета в банках устремился сначала робкий ручеек финансовых поступлений, который затем очень быстро перерос в мощный денежный поток. Казалось, живи и радуйся жизни... Но не зря сказано – бойтесь данайцев, дары приносящих. Говоря иными словами, если судьба вдруг начала широко тебе улыбаться, не стоит обольщаться: возможно, она просто решила показать тебе свои зубы. В глубине души я боялся, что такое везение не может продолжаться вечно – за все хорошее рано или поздно приходится платить, и я не раз убеждался в этом на своем личном опыте... увы, я оказался прав, и час, когда мне пришлось платить по счетам, наступил. В этот раз Господь не взял у меня деньгами... глупый случай лишил меня самого дорогого, что у меня было на свете – любимого человека ... и у меня внутри что-то оборвалось...

... чуть более года тому назад, за неделю до сочельника, мы с Оливией отправились в Штаты, чтобы провести Рождество вместе с моими родителями (должен отметить, что идея навестить моих предков исходила от Оливии).

В Нью-Йорке я предложил ей отдохнуть пару дней, чтобы прийти в себя после длительного перелета (Оливия плохо переносила самолеты), и мы сняли номер в Luma Hotel Times Square на Манхэттене. Вечером мы поужинали с ней в ресторане, а затем прогулялись по Центральному парку. Вернувшись в номер, я решил принять ванную, а спустя пару минут Оливия вдруг со смехом сообщила, что длительный перелет, видимо, сказался на ее умственных способностях и полностью отшиб ей память.

На мой вопрос – что с ней не так, она ответила, что забыла свою сумочку в парке на скамейке.

– Не велика беда, – сказал я лениво, – завтра купим новую.

– Но в новой сумке не будет моего телефона, документов, кредитных карточек и пары сотен баксов наличностью, – возразила она, заглядывая в ванную через дверной проем. Это был серьезный аргумент, поэтому я предложил ей подождать, пока я не присоединюсь к ней, чтобы вместе сходить за пропажей. На что Оливия, улыбаясь, заметила, что она идет на прогулку не в дикие джунгли, а всего лишь в парк, где гуляет куча народу, и на каждом углу стоит полицейский. Я согласился и дальше не-

житься в ванной, как мне посоветовала Оливия, а она вышла из номера. Спустя час, не дождавшись Оливии, я спустился в парк и стал прогуливаться по дорожке, ведущей к нашему отелю, чтобы не разминуться с ней, когда она будет возвращаться, но она так и не пришла. Я обошел весь парк, но она будто сквозь землю провалилась. Спустя полчаса я поднял по тревоге всю полицию Нью-Йорка, но, увы, ее так и не нашли. Прошла неделя, в течение которой я почти не ел и не мог уснуть, ожидая известий о своей любимой. Наконец мне позвонили из полицейского участка и попросили зайти к ним, если я не занят и располагаю свободным временем. Я сломя голову помчался на вызов. Меня вежливо встретили у входа и препроводили в кабинет начальника участка. Пожилой, убеленный сединами мужчина, с участием глядя на меня, сказал, что понимает меня, как человека, и очень сочувствует моему горю, но в последние годы исчезновение людей увеличивается не только у нас в стране, но и во всем мире. Эту напасть уже называют «тихой эпидемией», и в США только по официальным данным ежегодно пропадает более миллиона человек. Согласно статистике, каждую минуту в полицейские участки поступают три сообщения о пропавших людях. На мой прямой вопрос – чего он хочет от меня конкретно, и зачем он вызвал меня в участок, если у него нет никакой информации о судьбе пропавшей Оливии, он смущенно ответил, что на него оказывают сильное давление в связи с этим происшествием, хотя он задействовал в этом деле своих лучших людей и делает все от него зависящее. Поэтому он просит меня впредь не подключать моих влиятельных друзей и немного ослабить давление, оказываемое на его участок, ибо это только мешает профессиональной работе его ребят...

... французы говорят – ищите женщину, я же говорю – ищите Томми...

... дело в том, что эту кашу заварил Томми. У него был близкий товарищ... курсник, который очень гордился своим отцом – конгрессменом, и Томми, едва узнав о несчастье, свалившемся на мою голову, незамедлительно обратился к своему приятелю и попросил его надавить на папашу, чтобы тот посодействовал в поисках Оливии, что тот и сделал....

... прошла неделя, но Оливию так и не нашли. Я был вынужден вернуться из Нью-Йорка домой и с тех пор живу по инерции – ем не потому, что проголодался, а потому, что пришло время обеда, ужина или завтрака. Ложусь в постель не потому, что хочу спать, а потому что так принято у нормальных людей ... кузен первое время ни на шаг не отходил от меня, а спустя пару недель, заметив, что я никак не могу прийти в себя после трагедии, настоял, чтобы мы сходили к врачу. Ну, к врачу так к врачу, я-то знал, что не болен... я просто потерял вкус к жизни, а это не лечится ни таблетками, ни внушением. После всевозможных процедур и утомительных бесед с мозгоправом, которые, как я и предполагал, оказались бесполезными, Томас решил, что не врачи, а смена обстановки и новые впечатления – вот то, что мне нужно. Я особо не возражал, и мы с Томми в течение месяца объездили полмира, нигде особо не задерживаясь, но, увы... мне по-прежнему было наплевать с высокой колокольни на все соблазны этого мира. Единственное, что меня еще беспокоило, это то, что я причиняю столько хлопот своему другу (бедняга не знал как меня утешить или развлечь). Поэтому, когда мы прибыли в Америку (где мы первым делом навестили моих родителей, а затем заехали на ранчо Томми, где он должен был решить лично кое-какие дела), я заявил ему, что хочу остаться здесь на некоторое время. Я объяснил свой каприз тем, что мне очень понравилось его ранчо и, если он не возражает, хотел бы пожить здесь немного в тишине на природе, чтобы собраться с мыслями. Хотя на самом деле я просто хотел избавиться от своего тягостного присутствия, потому что стал ужасно раздражительным и вел себя с окружающими как последняя свинья. Томас был очень рад, что меня наконец-то хоть что-то заинтересовало, и вскоре отбыл по своим делам, а я остался на ранчо.

Охотничий домик, как его называл мой кузен, в действительности оказался комфортабельной виллой с множеством спален, ванных комнат, домашним кинотеатром, бильярдной, крытым бассейном и прочими, на мой взгляд, излишествами. Весь первый этаж виллы занимал огромный холл, в котором помимо кресел, диванов, огромного бара, пестрых восточных ковров, разбросанных по паркету и развешанных по стенам, был еще и огромный аквариум на полторы тонны воды, в котором плавала, как мне показалось поначалу, огромная одинокая щука. Заметив мой изумленный взгляд, управляющий, который в данный момент знакомил меня с владениями кузена, встрепенулся и заговорил с удвоенным энтузиазмом. Оказалось, что щука эта вовсе не щука, а рыба-дракон или арована.

– Согласно фен-шуй, арована – это могущественный талисман, который приносит человеку несметное богатство, счастье и здоровье... – с воодушевлением начал пороть чушь управляющий, но я сразу перестал его слушать, потому что на дух не переношу разговоры про мистику, всякие фен-шуйи и прочую лабуду. В разговор я включился, только когда управляющий спустился с заоблачных высот китайской философии на грешную землю и произнес фразу: – ... должен отметить, сэр, что стоит арована весьма недешево – от 50 тысяч долларов за особь....

– Вы хотите сказать, что Томми заплатил за это недоразумение, что пучит на меня глаза из аквариума, 50 тысяч долларов?! – спросил я, не скрывая своего изумления.

– Нет, сэр, – почтительно ответил управляющий, – это серебряная арована родом из Колумбии, они стоят не так дорого, как азиатские. Если вам интересно, я могу посмотреть накладные и уточнить цену за эту особь.

– Мне глубоко начхать на то, сколько она стоит, Джон, – ответил я честно, – и послушайте, старина ... ну что вы заладили... – нет, сэр... да, сэр! ... зовите меня просто Гарри, договорились?

– Как прикажете, сэр, – глядя на меня искренними зелеными глазами, невозмутимо промолвил управляющий, а я, раздраженно мотнув головой, отошел от аквариума.

Джон своими манерами и исполнительностью до ужаса напоминал мне Реджинальда Дживса, великолепно сыгранного Стивенем Фраем в телесериале, снятом по мотивам романов Вудхауза о молодом аристократе Бертраме Вустере и его камердидере. «В конце концов, не мое дело, на что тратит свои деньги Томми, и кого он нанимает себе на службу», – подумал я, отходя от аквариума, и вскоре подошел к очень большой клетке, которая стояла на полу рядом с камином. Она показалась мне необитаемой, но тут я заметил сидящего на сухой дубовой ветке пепельно-серого попугая с крупным изогнутым клювом черного цвета и коротким красным хвостом, который, слегка наклонив голову, наблюдал довольно-таки ехидным взглядом за моими перемещениями.

– А это Жако, сэр, – подойдя к клетке, торжественным тоном провозгласил управляющий, будто речь шла не об обычном попугае, и в данный момент он представлял мне, по меньшей мере, Его Королевское Высочество герцога Эдинбургского. – Надеюсь, вы с ним подружитесь, – закончил говорить Джон, засовывая руку в карман пиджака.

– Как поживаешь, старый индюк! – завидев управляющего, неожиданно громко прокричал скрипучим голосом попугай и дико расхохотался... затем он вдруг сильно закашлялся, изображая кашель курильщика, да так ловко, что, закрыв глаза, можно было представить перед собой живого человека. Тем временем управляющий успел достать из кармана несколько крупных грецких орехов, расколотых пополам и, открыв дверцу клетки, положил их перед проемом дверцы на паркет. Завидев свое любимое лакомство, Жако издал победный клич, которому мог бы позавидовать самый страшный и могучий воин племени ирокезов, а вслед за этим разразился длинной ти-

радой на незнакомом мне языке... затем, ловко спрыгнув с ветки на пол клетки, он бодро зашагал к орехам.

– Что он сказал? – спросил я управляющего, потому что не понял ни единого слова.

– Он выразил мне свою крайнюю признательность за угощение, сэр, – напустил туману управляющий, но после моего многозначительного взгляда уточнил: – Как поживаешь, старый... – и так понятно, а «индюк» в переводе с военно-морского жаргона на гражданский язык означает – проверяющий.

– Спасибо за разъяснение, Джон, но я имел в виду последнюю фразу, которую этот серый комок перьев проорал голосом старого пьянчуги на иностранном языке, – продолжал я настаивать.

– Ах, это... – сказал Джон и заметно погрузстнел. – Должен признаться, сэр, что Жако иногда говорит по-русски, точнее, когда у него хорошее настроение, он выражает свои чувства на русском и... использует при этом, в основном, ненормативную лексику. Что касается конкретно его последней фразы, то... я не буду вам её переводить дословно, поскольку он виртуозно выматерился по-русски и, должен признаться, сэр, на этот раз он превзошел самого себя. Таких оборотов я от него ещё не слышал! Но мы должны его простить; Жако не виноват, что его первым хозяином оказался русский матрос, который обучил своего питомца матерным выражениям и передал ему весь свой богатый словарный запас, и у которого мистер Маккензи выиграл этого попугая в покер, когда был проездом в Сингапуре.

– Вы хотите сказать, что понимаете русскую речь на уровне её носителя? – спросил я, не скрывая своего удивления.

– До своего совершеннолетия я жил в Бруклине на Брайтон-Бич со своей бабушкой по материнской линии. Она чистокровная русская из весьма древнего аристократического рода, – ответил Джон с достоинством.

«Ну, теперь все понятно, – кивнул я, наблюдая за попугаем, который к тому времени успел доковылять до орехов и с удовольствием приступил к трапезе, – аристократизм Джона, его светские манеры и знание языка Пушкина и Толстого – от бабушки, а ненормативной лексики он, видимо, набрался на улицах Брайтона. Да-а, много, оказывается, я не знал про своего кузена Томми... фен-шуй, покер в значных заведениях Сингапура и управляющий – потомок русских аристократов... какие еще сюрпризы он мне приготовил?»

Тем временем Джон негромко присвистнул, и вскоре в помещение вбежал довольно-таки серьезный пес. Подбежав к нам, он, следуя едва заметному знаку управляющего, сел рядом с ним и уставился на меня. Пес мне понравился сразу; это был уже взрослый доberman с аккуратно купированными ушами и хвостом... и с очень умным взглядом...

– Позвольте представить вам последнего обитателя этого дома, сэр, – сказал управляющий и, выдержав небольшую паузу, добавил: – Это Нерон и, если не возражаете, он хотел бы познакомиться с вами поближе.

Я не возражал, и Нерон, обойдя меня вокруг и всего обнюхав, посмотрел на Джона, тот одобрительно ему кивнул, и пес сел у моих ног, а затем, подняв голову, посмотрел мне в глаза. С того самого дня мы стали с ним неразлучны. К счастью, не оправдались мои опасения, что персонал будет мне докучать излишним вниманием: жил я уединенно, хотя на ранчо, кроме меня, постоянно пребывали – управляющий, сторож, горничная, которая следила за порядком в доме, повар и садовник. Они жили в двухэтажном строении на другом конце усадьбы, а на виллу приходили по мере необходимости. Кроме них, на ранчо жила еще куча народу, они ухаживали за скотиной, лошадьми и прочей живностью, но их я тоже видел изредка, только когда покидал дом, чтобы наведаться на ферму или птичник, или когда заходил в конюшню за лошадью, чтобы прокатиться на ней верхом по близлежащим окрестностям.

Должен отметить, что наездник из меня был никакой и поэтому мне пришлось взять несколько уроков верховой езды. Только после того, как я научился правильно сидеть в седле, меня, наконец, доверили Бесси – смирной пегой кобыле американской породы сэдлбред, которая знала ранчо и его окрестности намного лучше своего наездника и могла вернуть меня домой, если я вдруг ненароком заплутаю.

Вот коротко о том, почему мужчина в расцвете сил оказался в добровольном заточении на ранчо вдали от общества... говорят, время лечит все... очень хотелось бы в это верить, но пока... либо лекарю наплевать на своего пациента, либо наоборот. По крайней мере, на данный момент у меня, кроме живых и здоровых родителей, есть преданный пес, попугай-матерщинник, феншуйная рыба со стеклянным взглядом, красавица Бесси и, наконец, любящий меня Томми, который каждый день справлялся о моем самочувствии... не так уж и мало...

Итак, сегодня резко похолодало, а ближе к вечеру пошел снег. Я, как обычно, сидел в глубоком кресле у горящего камина и, попыхивая трубкой, потягивал виски из стакана, а когда пошел снег, стал наблюдать через окно, как крупные пушистые хлопья, покружив в воздухе, медленно опускаются на землю. Нерон лежал у моих ног на персидском ковре и, задумчиво глядя на горящие дрова в камине, изредка поводил ушами.

Спустя три четверти часа он вдруг вскочил на ноги и подбежал к окну (должен отметить, что окна в холле широкие и высотой почти до потолка). Понаблюдав некоторое время за снегопадом, Нерон развернулся и куда-то убежал, но вскоре появился вновь, держа в зубах свой теплый комбинезон. Делать нечего, пришлось вставать с удобного кресла и идти с ним на традиционную вечернюю прогулку. Сначала я оделся сам, затем надел на Нерона комбинезон и, натянув ему на лапы шкарные водонепроницаемые утепленные сапожки, которые были сшиты на заказ, наконец открыл дверь. Спустя пять минут мы с Нероном уже гуляли по заснеженным дорожкам усадьбы, а когда стало темнеть, зажглись лампы освещения. Белоснежный, искрящийся в свете фонарей, падающий пушистыми хлопьями снег создавал вокруг удивительную и загадочную картину. Будто ты случайно оказался в волшебной Нарнии, и за следующим поворотом тропинки тебе непременно встретятся принц Каспиан и Люси, а вместе с ними и Великий Лев Аслан. Дойдя до конца аллеи, я остановился, потому что на открытом пространстве снега намело намного больше, чем на дорожках... Нерон стоял рядом со мной, почти по грудь утопая в снегу. Я уже собирался развернуться и идти домой, когда Нерон вдруг наострил уши и глухо зарычал. Я посмотрел в том направлении, куда указывал мне пес, но ничего особенного не заметил; кругом было белым-бело, и на снегу не было заметно никаких следов, которые могли бы насторожить Нерона. Я потрепал по шее своего пса и собирался надеть ему поводок на ошейник, чтобы отвести его домой, но Нерон вдруг сделал два прыжка вперед по направлению к фонарному столбу и остановился под ним, а затем передними лапами принялся ворошить небольшой сугроб, что намело под фонарным столбом. Мне стало любопытно, что он там обнаружил, и я, утопая по колено в снегу, подошел к Нерону и тоже стал разгребать снег ладонями. Спустя тридцать секунд мои руки наткнулись на что-то мягкое, и когда я осторожно расчистил снег, то обнаружил огромного ворона, который был еще жив. Когда я взял его в руки, он оказал мне слабое сопротивление, пытаясь клюнуть меня за палец, и махал крыльями (точнее, одним крылом, потому что второе у него было неподвижно). Делать нечего, пришлось идти к Джону на поклон, чтобы решить эту проблему. Спустя короткое время мы с Нероном уже входили в квартиру управляющего, куда он любезно пригласил нас зайти, а сам тем временем удалился в смежную комнату и вскоре вернулся, но уже не в халате, в котором он встретил нас у порога, а в своем обычном рабочем костюме, застегнутом на все пуговицы.

– Чему обязан такой чести, сэр? – спросил он вежливым тоном.

– Мне срочно нужен наш ветеринар, – сказал я, поглаживая ворона, который хоть и был еще жив, но с каждым вздохом становился все слабее. – Я встречал его на ферме, но не знаком с ним лично, и поэтому посчитал, что будет лучше, если к нему обратитесь вы.

Джон, не задавая лишних вопросов, достал свой мобильный телефон и спустя тридцать секунд произнес:

– Добрый вечер, Оливер... Я тебя не побеспокоил? ... Где ты сейчас? ... Как раз идешь домой?! ... Отлично... Не мог бы ты заглянуть на минутку ко мне, есть неотложное дело ... Хорошо... Дверь будет открыта, так что можешь смело проходить сразу в гостиную.

Спустя короткое время в помещение вошел, на ходу протирая носовым платком запотевшие стекла очков, невысокий плешивый мужчина. Одет он был в помятый серый костюм, коричневые сапожки на толстой подошве и клетчатую сорочку с черным галстуком-бабочкой. Свою верхнюю одежду он, видимо, снял в прихожей и, судя по тому, как он ловко ориентировался в доме, было понятно, что ветеринар здесь довольно частый гость. Первым делом он подошел к бару и, налив себе солидную порцию виски, залпом осушил стакан, а затем, крякнув, помотал крупной головой.

– Не понимаю, как люди могут пить виски, когда на свете существует шампанское, – сказал он звонким голосом и, близоруко прищурился, посмотрел на управляющего.

– Ты, наверное, ошибся бутылкой, Оливер, – невозмутимо произнес управляющий, – рядом с «Johnnie Walker» стоит початая бутылка «Вдова Клико», которую ты не успел допить вчера вечером.

Оливер пожевал губами и наконец, громко причмокнув, произнес:

– Правда? А я и не заметил... – и налил себе еще одну порцию виски, на палец выше предыдущей. – Знаешь, Джон, пожалуй, я был неправ... этот напиток чертовски хорош ... я только что ощутил пряные тона сухофруктов, изюма и немного вяленого чернослива, – сказал Оливер и, прикрыв глаза, медленно осушил второй стакан. Затем он стремительно подошел к столу и, сев на стул, спросил управляющего: – Зачем я тебе понадобился, Джон... к тому же так срочно и на ночь глядя? Только говори, пожалуйста, покороче, я чертовски устал... сегодня у меня был трудный день. Однорогая Люси никак не могла отелиться, и пришлось делать ей кесарево сечение... я только что закончил процедуру и шел домой, когда ты мне позвонил...

... и тут он, наконец, заметил меня. Я сидел на диване в другом конце комнаты, держа ворона на коленях и поглаживая Нерона, который сидел у меня в ногах, наблюдал за действиями ветеринара.

– Простите, сэр, – смущенно произнес доктор, – без очков я плохо вижу и поэтому не сразу вас заметил.

– Оливер, – сказал управляющий, глядя на ветеринара, – мистер Маккензи нашел в сугробе ворону и хочет, чтобы ты ее осмотрел.

Ветеринар, нацепив очки на нос, посмотрел в мою сторону и вскоре воскликнул:

– Это не ворона, Джон, а ворон... это *Corvus Corax*, точнее, *Corvus Corax Sinuatus*...

– Извините, док, – возразил я, – но я уверен, что я держу в руках не *Corvus Corax Sinuatus*, а *Corvus Corax Principalis*.

Оливер подскочил на своем стуле и, стремительно встав с места, подбежал к дивану, на котором я сидел. Поправив на своем длинном носу сползающие очки, он некоторое время изучал ворона, а затем уважительно посмотрел на меня.

– Да вы, сударь, оказывается, прекрасно образованы! По вам и не скажешь, что... ах, извините, сэр... – запоздало смутился он, сообразив, что сболтнул лишнего,

и, чтобы скрыть свою оплошность, продолжил засыпать меня вопросами: – Где вы заканчивали университет? Вы орнитолог? Я знавал одного выдающегося зоолога и классного специалиста, орнитолога Джеральда Маккензи ... мы встречались с ним на научных конференциях... кстати, он, случайно, не ваш родственник?

– Он мой отец, – получив возможность вставить хоть слово, сказал я и, набрав в легкие воздуха, хотел было продолжить, чтобы объяснить наконец ветеринару, зачем его вызвали в неурочный час, но мое признание только подстегнуло красно-речие чудаковатого собеседника.

– Да что вы говорите?! – всплеснув руками, воскликнул он. – Ну теперь понятно, откуда у вас столь глубокие познания в орнитологии... вы тоже зоолог, как и ваш батюшка?

– К сожалению, я не смог оправдать надежд своего отца, хотя он готовил меня к этому поприщу с детства, заставляя штудировать сотни книг по зоологии и орнитологии, – вынужден был я поддержать этот странный разговор, хотя меня уже начинала раздражать излишняя любознательность моего собеседника.

– А кто вы по профессии? – не замечая моего недовольства, продолжал допытываться Оливер.

– Я окончил Бостонский университет по специальности «Бизнес и менеджмент», – еле сдерживая себя, чтобы не нагрубить, ответил я, согрелая на коленях полуживую птицу, которую после осмотра доктора укутал в плед, что валялся на диване рядом со мной.

– Как интересно! – продолжал испытывать мое терпение Оливер и задал очередной вопрос: – А почему вы вдруг решили заняться бизнесом?

Я мысленно досчитал до десяти и, немного успокоившись, посмотрел на настырного ветеринара.

– Дело в том, что у меня была подружка в школе, классная блондинка... такая, знаете... с ногами от ушей... высокой грудью и упругой попкой... – ... челюсть моего пожилого собеседника отвисла, а брови его медленно поползли вверх, то ли от моей наглости, то ли от неслышанной пошлости, которых он не ожидал от меня услышать, а я тем временем продолжал: – Так вот... она готовилась поступать в Бостон, ну, а я, чтобы не разлучаться с такой красоткой, решил стать студентом в этом же учебном заведении.

– Надеюсь, вы были с ней счастливы, – наконец смог выдавить из себя Оливер.

– Увы, в первый же семестр она завалила все экзамены и вернулась домой, – тяжело вздохнув, ответил я. – А мне пришлось заканчивать обучение в одиночестве, долгими ночами со слезами на глазах вспоминая ее белокурые локоны и прочие ее прелести. Вот такая грустная история, док... – закончил я говорить и с мольбой посмотрел на управляющего, ища у него поддержки, потому что не был уверен, что смогу продолжать держать себя в рамках приличия, если Оливер начнет снова задавать мне вопросы.

Джон стоял в двух шагах от меня и чуть сбоку от Оливера и, наблюдая за нашим разговором, утирал носовым платком слезы, выступившие у него на глазах от беззвучного смеха, его плечи сотрясались, и мне показалось, что пару раз он даже хрюкнул, едва сдерживая себя, чтобы не расхохотаться.

Быстро сообразив, что от Джона в его нынешнем состоянии толку не будет, я решил взять, как говорится, быка за рога самостоятельно и произнес тоном, не терпящим возражений.

– Оливер, я честно ответил на все ваши вопросы, а теперь предлагаю вам без лишних разговоров заняться наконец этой бедной птицей и сделать все возможное, чтобы она не сдохла.

До Оливера наконец дошло, зачем его вызвали по тревоге на ночь глядя, и он засуетился.

Он бережно взял у меня из рук ворона, а затем отнес его поближе к свету от настольной лампы, на письменный стол Джона, с которого управляющий еще до прихода ветеринара убрал все лишнее и расстелил кусок клеенки. Склонившись над вороном, Оливер некоторое время тщательно его осматривал и наконец вынес свой приговор.

– Вы оказались правы, сэр, это действительно *Corvus Corax Principalis*, кстати, это самец и довольно взрослый, потому что вырос до максимального размера, характерного для этого подвида. Длина его тела почти 27 дюймов, а размах крыльев достигает пяти футов... *Corvus Corax Sinuatus* до таких размеров не вырастают, да и клюв у них намного уже и меньше. Сейчас конец февраля, самое время, когда вороны размножаются. Видимо, он летел к своему гнезду, когда какой-то бездельник пальнул по бедной птице от нечего делать, а возможно, это был случайный выстрел... одним словом, его подстрелили, сэр. Но жить он будет. С вашего позволения я заберу его в свой кабинет и там его подлатаю, надо будет вытащить из него пару дробинок, наложить шину и перебинтовать крыло. Не беспокойтесь, сэр, с ним все будет в порядке. Кстати, что вы собираетесь с ним делать дальше?

– Пока поселю его в клетке Жако, а когда он окончательно выздоровеет, посмотрим... – ответил я, немного подумав.

– Отличная идея, – согласился Оливер. – а насчет его питания можете не беспокоиться, я составлю такое меню, от которого он будет в восторге, и буду присылать вам еду по мере надобности.

– Спасибо вам огромное, док, за вашу заботу и извините за причиненные неудобства, – сказал я искренне.

– Да что вы, сэр, я всего лишь выполняю свою работу, – возразил Оливер, – а вот вам надо отдать должное за то, что вы спасли эту бедную птицу от неминуемой гибели, в сугробе она вряд ли дожила бы до утра.

Мы распрощались и разошлись: я с Нероном отправился на виллу, а Оливер с вороном на руках направился в свой кабинет. Прошло две недели, в течение которых я ежедневно навещался в кабинет ветеринара, где проходил курс реабилитации мой подопечный, и кормил его с рук всякими лакомствами, которыми снабжал меня Оливер. Вскоре ворон, которого я решил назвать Сэмом, окреп настолько, что мне разрешили забрать его с собой. И к моим домочадцам прибавился еще один персонаж, которого я, к великому недовольству Жако, поселил в его клетке. Стоит отметить, что Оливер оказался опытным профессионалом и так хорошо вылечил ворона, что вскоре он уже мог летать. Но это произошло не сразу. Некоторое время я кормил ворона в клетке, чтобы он привык к помещению, предварительно натянув на руки замшевые перчатки, но перчатки я надевал не в целях защиты (при желании Сэм мог спокойно сломать мне палец одним ударом своего мощного клюва). Просто я случайно заметил, что когда я надевал эти перчатки, ворон становился как шелковый. Не хочу врать, но мне кажется, что он запомнил, как руки в этих перчатках вытаскивали его из-под снега и согревали его. Возможно, он запомнил эти перчатки, когда я навещал его в кабинете Оливера и, держа на коленях, кормил его с рук... не знаю, в чем была причина, но когда я надевал эти перчатки, он сразу подходил ко мне и с готовностью брал из моих рук все, что я давал ему поесть. Кстати, вопреки устоявшемуся мнению, что взрослого ворона практически невозможно приручить, Сэм оказался приятным исключением из правил. Вскоре наступила весна, и я стал выводить Сэма на воздух, где он наконец смог продемонстрировать мне свой первый полет. Совершив несколько прыжков по дорожке он, взмахнув крыльями, взлетел и, плавно набрав высоту, долго кружил над виллой. Я уж было подумал, что он улетит навсегда, но Сэм, сделав пару кругов над фермой, вернулся ко мне и, к моему великому удивлению, сел ко мне на руку с надетой перчаткой, когда я вытянул ее перед собой.

С тех пор я стал каждый день выезжать на прогулку по окрестностям вместе с Сэмом, который сопровождал меня сидя на моей руке или паря в воздухе над моей головой.

Был конец апреля, когда одним теплым воскресным днем я выехал на опушку леса, где повстречал Джона, который ехал медленным шагом верхом на коне по проселочной дороге. Мы поздоровались и остановили лошадей, чтобы побеседовать, но не успели перекинуться и парой слов, как Сэм вдруг резко взлетел с моей руки и взмыл в воздух. Покружив над нами, он полетел, направляясь на север, но немного отделившись, вскоре вернулся и, сделав круг над нашими головами, вновь направился на север.

– Вам не кажется, сэр, что он приглашает нас следовать за ним? – сказал управляющий, понаблюдав за маневрами Сэма.

– Думаю, вы правы, Джон, – согласился я с собеседником, и мы направили своих лошадей на север, следуя за Сэмом. Спустя полчаса мы подъехали к тому месту, над которым кружил наш провожатый. Там оказалась гигантская сосна, в кроне которой на развилке ее ствола я заметил большое гнездо, куда спустя некоторое время опустился Сэм. «Вот и нашел он свой дом», – подумал я с грустью, потому что Сэм вряд ли вернулся бы к прежней жизни после того, как нашел свое гнездо. Тем временем Джон привлек мое внимание, указывая вытянутой рукой на трехэтажное строение, что виднелось неподалеку.

– Удивительно, сэр, но я как раз направлялся в этот госпиталь, когда вы меня остановили, – сказал он, глядя на меня.

– Болен кто-то из ваших знакомых? – поинтересовался я.

– Нет, сэр, – ответил Джон, – в конце каждого месяца я приезжаю сюда, чтобы выяснить у администрации, в чем они нуждаются. Дело в том, что мы снабжаем этот госпиталь свежими продуктами – молоком, мясом птицы, телятиной, куриными яйцами и прочими продуктами питания.

– А какое отношение мой кузен Томми имеет к этому госпиталю? – удивился я.

– К этому госпиталю имеет отношение не только ваш кузен, но и лично вы сами, сэр, – ответил управляющий, чем несказанно меня удивил.

Оказалось, что этот госпиталь был построен и содержался на средства благотворительного фонда Маккензи, учредителями которого являлись я и мой кузен Томас. Только после того, как Джон напомнил мне некоторые подробности, я наконец вспомнил, что несколько лет тому назад Томми, посоветовавшись со мной, учредил какой-то фонд. Честно говоря, я никогда не интересовался деятельностью этого фонда, полностью доверившись интуиции и порывам благородной души моего кузена.

– Раз уж вы оказались здесь, не могли бы вы вместе со мной провести инспекцию подшефного вам учреждения? – спросил Джон и с улыбкой добавил: – Думаю, персонал будет рад поприветствовать своего спонсора.

– Даже не знаю, что и сказать, – ответил я неуверенно, потому что действительно был удивлен и весьма озадачен неожиданным поворотом событий.

В это время у парадного входа госпиталя появился молодой мужчина и взмахом руки поприветствовал управляющего.

– Добрый день, Джон, – прокричал он радостным тоном, – давненько вас не было видно. Заходите и пригласите от моего имени вашего друга, я как раз заварил чудный кофе.

Отказываться от приглашения было уже поздно, и я был вынужден спешиться вслед за Джоном. Вскоре мы уже сидели в просторном кабинете хозяина и наслаждались ароматным бразильским кофе.

После непродолжительной беседы глава медицинского учреждения настоятельно попросил, чтобы мы с Джоном прогулялись с ним по госпиталю.

Оказалось, что Джон успел шепнуть на ухо гостеприимному хозяину, что его учреждение навещил один из главных спонсоров этого госпиталя, вот он и решил продемонстрировать мне свои владения.

Накинув халаты и натянув на обувь бахилы, мы втроем отправились на инспекцию и должен отметить, что я был впечатлен идеальной чистотой и порядком, царившими в этом Храме Асклепия.

Персонал был вышколен, каждый сотрудник был на своем месте и никакой показной суеты, одним словом, в госпитале царила деловая рабочая атмосфера. Оборудование было самое современное и, по словам нашего гида, на данный момент их учреждение ни в чем не испытывало нужды. Бегло осмотрев два этажа, мы наконец поднялись на третий, последний этаж, где находилось Отделение реанимации и интенсивной терапии.

– К счастью, на данный момент это отделение почти пусто, – проинформировал нас глава медицинского учреждения, – за исключением одного пациента.

Подойдя к стеклянной двери, он кивнул головой человеку в синем медицинском костюме, сидевшем в просторной комнате за небольшим столом перед монитором компьютера, а затем открыл дверь.

Признаться, мне не очень хотелось осматривать эту палату, впрочем, как и все предыдущие, но пока мы шли по длинным коридорам, Джон успел мне шепотом объяснить, что глава учреждения просто горит желанием продемонстрировать мне современное оборудование, которое имелось в его госпитале.

Пришлось скрепя сердце войти вслед за провожатым в очередное помещение, уставленное всевозможным оборудованием, где у входа нас встретил лечащий врач. За спиной врача я заметил еще одну дверь, которая открывалась в следующую просторную и светлую комнату, которая и была собственно палатой. На столе перед доктором, рядом с клавиатурой, я заметил небольшой фонарик, которым врачи пользуются для проверки рефлексов зрачка, пейджер, стетоскоп и небольшой молоточек для проверки рефлексов больного.

– Дональд, расскажите, пожалуйста, о состоянии здоровья вашей подопечной мистери Маккензи, – попросил врача глава медицинского учреждения, сопровождая свою просьбу улыбкой, но вдруг спохватился. – Извините, сэр, я забыл вас представить, – сказал он смущенно: – Дональд – один из лучших наших врачей-травматологов, который ведет эту больную со дня ее поступления в наш госпиталь, а мистер Маккензи – один из наших главных спонсоров.

Мы обменялись вежливыми улыбками и рукопожатиями с доктором, после чего он сразу приступил к отчету.

– Пациентка поступила к нам ночью за несколько дней до Рождества в прошлом году... – едва я услышал его слова, как мое сердце начало набирать обороты и вскоре уже бешено колотилось в моей груди... тем временем Дональд продолжал свой отчет: – При осмотре я обнаружил сильный ушиб правой половины ее лица, перелом запястья левой руки и ушиб левой стороны грудной клетки (у нее было сломано три ребра). Кроме того, налицо были все признаки сильного сотрясения мозга: у нее наблюдалась утрата памяти, частая многократная рвота с сильной головной болью и повышенное артериальное давление. Пару раз она впадала в коматозное состояние продолжительностью от двух дней до недели. Пострадавшая до сих пор не помнит прошлых событий, так как присутствует амнезия. Кстати, интересная, на мой взгляд, деталь, сэр: впадая в бесспамятство, она настойчиво звала свою маму и какого-то Гарри, но абсолютно не помнила о них, когда приходила в сознание...

... я сорвался с места и, распахнув дверь, ворвался в палату, где возле открытого окна увидел... Оливию, которая сидела в кресле-коляске и наблюдала за воробьями, что весело прыгали и скакали на подоконнике, собирая какие-то крошки ...

Прошел месяц, в течение которого я не отходил от Оливии ни на шаг. Я поселился рядом с ней в ее палате, сопровождал ее на всех процедурах, и все время рассказывал ей разные истории из нашей совместной жизни. Несмотря на осторожные прогнозы лечащего врача, я не терял надежды, и наконец настал день, когда она со слезами на глазах, глядя на меня, вдруг тихо произнесла мое имя. Вскоре она пошла на поправку, и к началу лета мы начали нашу новую совместную жизнь на ранчо, наслаждаясь обществом друг друга и наших питомцев, один из которых особо способствовал нашему воссоединению. Не будь Нерона, я бы никогда не нашел Сэма, благодаря которому смог найти Оливию. Кстати, вопреки моим опасениям Сэм не забыл меня и ежедневно навещался к нам в гости, а мы с Оливией не забывали кормить его разными вкусностями, которыми нас снабжал Оливер.

...О том, что произошло с Оливией, я мог только догадываться и строить предположения. Вероятнее всего, ее сбила машина, когда она переходила через дорогу. Испугавшись последствий, водитель (вероятнее всего, это был дальнбойщик) отвез жертву несчастного случая не в ближайшую больницу, а подальше от города, чтобы скрыть следы своего преступления. Он, видимо, решил, что сбил Оливию насмерть и поэтому избавился от ее тела, сбросив его на обочину дороги в сельском округе, только когда удалился от Нью-Йорка на достаточно большое расстояние, надеясь, что в случае обнаружения трупа без документов вдали от места происшествия его вряд ли будут искать. Но Оливии повезло: поздно ночью ее обнаружил местный фермер, который возвращался из города на свою ферму, и сразу же доставил ее в близлежащий госпиталь, где ей и была оказана необходимая квалифицированная помощь. Я до конца своих дней буду благодарен своему кузену Томми за то, что он создал этот фонд, благодаря которому я вновь обрел свое счастье. Должен отметить, что я нанял лучшего частного детектива, который рано или поздно найдет мерзавца, который сбил Оливию, но сделал я это не из чувства мести. Просто я считаю, что этот человек должен понести заслуженное наказание.

Я часто говорил о судьбе, но только после случившегося понял, что она испытывает нас не потому, что хочет нам насолить, а затем, чтобы, совершив очередную ошибку, мы в конце концов сделали правильный выбор. Мне кажется, я понял, к чему меня призывала судьба, посылая мне это испытание. Теперь я самым серьезным образом занимаюсь благотворительностью и, построив очередную школу, госпиталь или детскую площадку, получаю огромное удовольствие от проделанной работы. В конце мне хотелось бы сказать пару слов о Сэме: он был последним звеном в длинной цепи обстоятельств, значение которых я не мог понять, пока не дошел до самого конца.

...И вот опять не сплю полночи –
Домой, к бабуле сердце хочет...

5

Уносит туч мятежных череда
От нас осколки солнечного лета.
Смотрю на мир сквозь жизни и года,
Но не могу найти ответа
На сотни наших горьких «почему»,
На беспардонное засилие порока,
Безверье, грязь...
Все кануло во тьму,
Мы стали равнодушны и жестоки.
Что нам отдельно взятая слеза,
Что нам до тех,
кто послан был на муки?..

... Беспомощно сжимая руки,
Стою, молясь на образа.

Привычка

Ты стал моей,
пожалуй что, привычкой:
Когда ты есть – порой не замечаю...
А вот исчез – и знаешь?..
Я скучаю.
И тлею, тлею обгорелой спичкой...

Кто ты?

Кто ты – счастье мое или горе?
Может, только прохожий пустой?..

И за что мне несчастная доля –
Ни женой быть тебе, ни сестрой?

И за что мне такая награда –
Быть снежинкой в любимых руках?..

Кто ты?.. Радость моя и отрада –
Или боль, поражение, страх?..

Там

Полуправда, полуложь –
все мои стихи.
В них себя ты не найдешь –
даром не ищи.
В полумраке, в полусне,
вопреки мечтам,
в том ненастном мрачном дне
ты остался – там.

Приглашение

– Приглашаю!..
Милый друг, приходи!
Понимаю, что любовь позади.
Будешь гостем.
Будут чай и коньяк.
Ну, а после...
После – сущий пустяк:
бодро встанешь,
скажешь, мол, хорошо
посидели...
Мне пора. Я пошел.
Улыбнувшись,
дверь открою – иди!..
Видно, правда,
все уже позади.

Надоело

Надоело
писать «по системе»!..
Буду гнать
и треножить
свой стих!
Разрывая сухие катрены
и рифмовку
от сих и до сих!

Надоело
быть доброй
и милой.
Понимать
всех и вся
каждый раз.
На-до-е-ло!..
Устала...
Остыла...

Ухожу.
Закрываюсь
от вас.

Поэт

Говоришь: «Я – поэт!»
Улыбаюсь...
До поэта лишь малая малость:
жизнь прожить,
умереть и воскреснуть
в новом веке нетленною песней!

Вьюга

Дом мой наполняет тишина,
Та, что в сердце,
словно вьюга, плачет.
Это потому, что я одна,
Это ровно ничего не значит.

Это потому, что в каждом сне
Ищет мои губы и тоскует
Тот, кто спрятался в чужой стране
И меня в отчаянье взыскует!..

Своим родным

Когда остаешься одна,
совершенно одна,
никому не важна, никому не нужна...
Солнце всходит, заходит,
а на сердце – луна,
что всегда холодна.
Лишь тогда начинаешь
понимать и ценить
тех людей,
что не в силах тебе изменить.

Роман в сети

ты бываешь онлайн
с частотой раз в полгода
я пишу тебе письма –
твой ящик их не принимает
шлю тебе свои мысли –
он их возвращает

я рассматриваю на свет
папирусы своих электронных признаний –
они так чисты и прозрачны,
и призрачно лунны
сквозь них светит солнце
и я улыбаюсь сквозь слезы
(а вообще-то я очень серьезна)

я мечтаю о том, что когда-нибудь так же, как я,
ты будешь сидеть по полгода в сети
и ждать ответа –
которого нету
на колени встанешь перед монитором,
начнешь молиться, твердя: «О, Боже!»
но и это тебе не поможет никак...
потому что отныне она офлайн –
НАВСЕГДА

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

НЕПОНЯТЫЙ СОЛЯРИС

(Заметки о мировой кинофантастике)

Воля ваша, но кинематограф сам по себе – фантастика... Причем с самого своего рождения. Если фотография («светопись») сделала возможным лишь запечатлеть на специальной пластинке то или иное явление, человека, событие, - то синематограф сумел зафиксировать на специальной пленке все то же самое, но уже в движении... И очень скоро создатели фильмов (а равно и зрители) возжаждали необыкновенного! Что ж, безудержная фантазия плюс техника позволили воплотить на экране много такого, чего на самом деле не существует... но воспринималось и воспринимается зрителями как вполне реальное и даже само собой разумеющееся. И кино о необыкновенном стало не просто «развлекаловкой» – оно оказалось способным рассматривать важнейшие проблемы, связанные с этикой, моралью, Мирозданием... Все это, а также то, какое отношение к кинофантастике имеет город Баку, автор и попытался отобразить в своих заметках.

Творцы небывалого

Часть первая Чудесник Мельес

«Отцы» синематографа, французы братья Люмьер, были, по сути, кинодокументалистами. Ролик о прибытии поезда на вокзал вначале «взорвал», конечно, публику, но вскоре приелся – да и то сказать, прибытие поезда может увидеть каждый, стоит лишь сходить на вокзал; а публике хотелось чего-то необычного, чего в жизни не увидишь, а увидишь только в синематографе. Синематограф был подлинным чудом техники, а времена тогда были такие, что люди чуть ли не молились на технику: им казалось, что грядут новые времена, каких ранее не бывало. Телеграф! Телефон! Фонограф! Синематограф! Есть от чего потерять голову...

Одним словом, от кино ждали чуда. Должен был появиться режиссер, способный выжать из нового вида искусства небывалое. И такой режиссер действительно появился. Звали его Жорж Мельес.

Он родился 8 декабря 1861 года в состоятельной парижской семье обувщиков. С юных лет увлекся фокусами и вскоре сам начал выступать с фокусами перед публикой, причем весь необходимый иллюзионный реквизит изготавливал собственными руками. Это умение, как увидим, очень пригодится ему в будущем.

В 1888 году семья помогла молодому Мельесу купить парижский театр **«Роберт Гудин»**, который позже прославился именно иллюзионами нового хозяина. А восемь лет спустя, вдохновленный первым киносеансом на бульваре Капуцинов, умелый фокусник нашел новое применение своим талантам. Он попытался уговорить братьев Люмьер продать ему их уникальное тогда оборудование; получив отказ, создал собственное оборудование и начал снимать на нем свои фильмы. Но для этого Мельесу пришлось построить в своем имени под Парижем одну из первых во Франции киностудию.

Всего за период с конца 1890-х по начало 1900-х годов Мельес снял несколько сотен роликов. Назвать их «фильмами» можно лишь с большой натяжкой – каждый ролик длился от минуты до трех. Поначалу это были просто оживленные картинки, единичные иллюзионные трюки. Но уже с 1899 года Мельес начал снимать кинокартины, базируясь на сказочных сюжетах: «Золушка» (1899), «Красная шапочка» (1901), «Синяя Борода» (1901).

Сегодня смотреть мельесовы кинотрюки без улыбки невозможно; но следует учитывать, что все увиденное на экране чудесник и его команда делали вручную. Они сами рисовали, строили, снимали и даже раскрашивали. Да-да, практически все фильмы Жоржа Мельеса – цветные, раскрашенные от руки! В распоряжении киногруппы имелись: одна камера с ручным заводом, краски, картон, куклы из папье-маше. У них не было компьютеров, но зато в избытке имелась незаурядная фантазия, а это немаловажно.

Первым в истории кинематографа спецэффектом стала сцена в одноминутном мельесовском ролике «Рентгеновские лучи» (1897). После просвечивания рентгеном скелет продолжал стоять, а тело сползло на пол... Публика буквально выла от восторга, пытаясь понять, как это снято. А Мельес просто первым применил способ, который впоследствии назовут **«двойной экспозицией»**.

Другие спецэффекты возникли в результате курьезов. Вот, например: снимали обыкновенную парижскую площадь, а затем по техническим причинам съемку остановили; потом ее возобновили... а после проявки все так и ахнули: на пленке омнибус внезапно превратился в катафалк! За время остановки аппарата обстановка на площади изменилась, омнибус отъехал, а в кадр въехала похоронная процессия... Потом Мельес сокрушался по поводу того, что отправил в мусорную корзину много забракованной пленки – а вдруг и там нашлось бы что-нибудь интересненькое?

В 1902 году Жорж Мельес поставил свой общепризнанный шедевр. Им стала первая в истории полнометражная фантастическая картина **«Путешествие на Луну»**. Этот фильм длился уже не одну, а двадцать одну минуту, так что ее вполне заслуженно можно считать полнометражной. Мельес скомбинировал сюжет своего шедевра из двух нашумевших в то время романов классиков фантастики – «Из пушки на Луну» Жюль Верна и «Первые люди на Луне» Герберта Уэллса. Но и с литературными первоисточниками режиссер обошелся вольно: от Жюль Верна в фильме остались лишь пушка и снаряд с путешественниками внутри, а от Герберта Уэллса – гигантские грибы и насекомоподобные обитатели Луны, **селениты**. Но, несмотря на все это, получилось настоящее фантастическое кино! Под канкан и аплодисменты (а дамы платочки в воздух подбрасывали) громадный снаряд с первыми астронавтами (в роли изобретателя снялся сам Мельес) выстреливался из гигантской пушки, долетал до Луны (она походила на круглое человеческое лицо) и вонзался ей прямо в глаз!!! (этот кадр – с Луной, из глазницы которой торчит снаряд - многим знаком, он часто помещался в разных журналах и учебниках по истории кино; я увидел его впервые в детстве, в журнале «Пионер», в статье, посвященной творчеству Мельеса)

Путешественники бродили по лунной пустыне, наблюдая Землю на звездном небе, встречались с селенитами... Правда, герои Уэллса, обороняясь от лунных жителей, били их ломом, сминая хитиновые панцири; у Мельеса селениты взрывались от простого укола зонтиком... в фильме взрывались здания, на путешественников падали какие-то летучие твари, а снаряд так и норовил скатиться в лунную пропасть... В финале фильма путешественники благополучно возвращаются на Землю, чтобы присутствовать при торжественном открытии памятника... самим себе.

Так родилась кинофантастика.

После «Путешествия на Луну» Жорж Мельес снял еще одну научно-фантастическую картину (снова смешав сюжеты, на этот раз Жюль Верна и Эдгара По) – **«Завоевание Северного полюса»** (1912).

В этом фильме зрителей поразила сцена встречи арктических путешественников с ледяным великаном. Заставить двигаться первую огромную механическую куклу мирового кино – нешуточная задача. Минутную сцену снимали более четырех месяцев.

Мельес обращался не только к фантастике – среди его фильмов встречаются и исторические хроники. «Дело Дрейфуса» (1899) и инсценированные кинорепортажи о современных событиях, например, «Коронация Эдуарда Седьмого» (1902). Всего к концу своей кинокарьеры, продлившейся чуть менее двадцати лет, Жорж Мельес снял около четырех тысяч фильмов!

Но кинематограф неуклонно взрослел, и скоро публике захотелось не только иллюзиона, но и искусства. Или хотя бы полноценной истории на экране. Дела Мельеса покатались под гору; в 1912 году он окончательно разорился. Во время первой мировой войны негативы многих его фильмов были уничтожены, и сегодня мы можем судить о них лишь по случайно сохранившимся кадрам и воспоминаниям современников.

В 1920-е годы бывший кумир французских кинозрителей торговал с лотка игрушками на Монпарнасе... а десять лет спустя запоздавшая слава нашла, наконец, его. Французское правительство наградило Мельеса Орденом Почетного легиона и предоставило в распоряжение нищего 70-летнего старика бесплатную квартиру, в которой тот и окончил свои дни... Кстати, спустя 40 лет аналогичную квартиру получил в Париже от французского правительства другой кинорежиссер – Андрей Тарковский...

Умер Жорж Мельес 21 января 1938 года, оставшись в памяти зрителей отцом фантастического кинематографа...

Часть вторая Безумец Гигер

Ганс (или Ханс) Рудольф «**Руди**» Гигер, швейцарский художник, один из ярчайших представителей направления «**фантастического реализма**», родился 5 февраля 1940 года, а покинул этот грешный мир 12 мая 2014-го. Говорить о нем можно много, но чаще всего Ганса Гигера вспоминают в связи с тем, что он был дизайнером фантастического фильма «Чужой» (**Alien, 1979**).

Родился он и рос в семье аптекаря и с малых лет имел странную тягу к местам, где когда-то публично казнили всякого рода преступников, а также любил откапывать старые человеческие скелеты. Отец-аптекарь, видя такое увлечение сына, как-то подарил ему настоящий человеческий череп. Череп послужил катализатором развития воображения и без того не совсем нормального ребенка в области всего темного и таинственного.

Впервые рисунки Гигера (цикл **Atomkinder**, «**Атомные дети**») публиковались в 1959 году в школьном журнале города Кура, где рос Ганс, а также в некоторых подпольных изданиях. Через десять лет начинают публиковаться первые плакаты, в это же время открываются его первые персональные выставки.

Уникальное художественное качество гигеровским картинам придавал «**аэрограф**» – приспособление, распыляющее краску. Гигер доказал, что живопись может создаваться и при помощи механизма, да и основной тематикой его картин являлись им же придуманные биомеханизмы, состоящие как из плоти, так и из металла. Жанр этот называется «**фантастическим реализмом**», но многие художники именуют подобный стиль «**некро-готикой**» или «**биомеханикой**». По словам одного из искусствоведов, «**творения Гигера стали олицетворением демонической стороны фантастического искусства**». Кстати, сотрудничал художник и с рок-музыкантами,

оформив обложки многих групп и исполнителей; обложки альбомов Деборы Харри «Кoo Кoo» и трио «Эмерсон, Лэйк энд Палмер» «Brain Salad Surgery» были включены журналом Rolling Stone в список ста выдающихся обложек века...

Но истинная слава пришла к Гансу Гигеру в 1977-ом, с выходом третьей книги **«Некрономикон»** (напомню: «Некрономикон», она же «Книга Мертвых», – никогда не существовавшая книга, выдуманная американским писателем Говардом Лавкрафтом). Сборник постеров, выполненных Гигером к «Некрономикону», привлек внимание английского режиссера Ридли Скотта.

Скотт задумал научно-фантастический фильм, одним из главных действующих лиц которого должен был стать так называемый **«ксеноморф»**... Что такое «ксеноморф»? Дословно это – **«чужая форма»**, короче и проще – **«чужой»**, вымышленный инопланетный организм из вселенной фильма «Чужой» и его продолжений. Чужие отнюдь не являются какой-то там высокоразвитой технологической цивилизацией; это банальные хищники, чьи интересы не выходят за пределы размножения и уничтожения всех, кто попадет на пути... Цикл развития Чужих – **паразитоидный**, то есть их личинки развиваются в телах других живых существ, постепенно убивая своих носителей... В общем, неуязвимая кошмарная тварь со сложной зубастой пастью и кислотой вместо крови.

Но одно дело – придумать такое существо в воображении, и совсем другое – создать его во плоти. Ганс Гигер его создал. Как у него это получилось – вы, должно быть, видели (кстати, сам я впервые посмотрел «Чужого» еще в конце 80-х, в небольшом видеосалоне в подземном переходе у Кукольного театра... о, эпоха видеосалонов!!!)...

...В 1998 году Ганс Гигер приобрел шато Сен-Жермен в Грюйере (Швейцария), и теперь этот дом является действующим музеем Гигера и постоянным хранилищем его работ; также маэстро предоставлял экспозиционную площадь музея для выставок других художников, принадлежащих к направлению фантастического реализма. Последние годы Гигер жил и работал в Цюрихе. Умер он, как и говорилось, в мае 2014 года в больнице, от травм, полученных при неудачном падении с лестницы.

Покойтесь с миром, **творцы Небывалого!** Вам было дано много из того, что не дается обычным людям...

Волшебный халат и планета Бурь

Кинематограф любой уважающей себя страны гордится, помимо всего прочего, своими фантастическими фильмами, ибо фантастика – жанр необычайно востребованный и популярный, в том числе и в кино. Действительно, Советский Союз может зачислить в свой крепкий актив «Человека-амфибию», «Отроков во Вселенной», «Солярис» и некоторые другие работы. Соединенные Штаты... ну, что там говорить, «Чужие», «Терминаторы», «Звездные войны» и так далее, и тому подобное. Страна Восходящего Солнца – фильм-катастрофу «Гибель Японии», думаю, помнят и до сих пор, равно как и «Легенду о динозавре». Чешские режиссеры снимали очень умные и вместе с тем смешные фантастические картины. Нынешняя Россия – оба «Дозора», «Обитаемый остров», «Мы из будущего»... Что же касается Азербайджана – так и нам есть чем похвастать! Я имею в виду сказочно-фантастический фильм **«Волшебный халат»**, снятый в далеком уже 1963-м году. Конечно, это мое чисто субъективное мнение, но ни один из современных подростков не испытывал такого колоссального восторга от всех экранизаций «Гарри Поттера», как мы в свое время от «Волшебного халата». О, это было нечто!

Времена моего детства наполнены были романтикой и неповторимой духовной свежестью. Началось и успешно развивалось освоение Космоса. На дворе стояли «оттепельные времена» – пора относительной свободы и безбоязненности, пришедшая

после мрачной сталинской эпохи. Энтузиазм, вера в светлое будущее... Может, поэтому тогда очень многих привлекала фантастика, как в литературе, так и в кино?

Фильм «Волшебный халат» был поставлен режиссером Алисаттаром Атакишиевым, по оригинальному сценарию, написанному им совместно с А.Тарасовым. Сюжет картины сделал бы честь не только азербайджанскому или российскому кинематографу, но и, не побоюсь этого слова, Голливуду. Судите сами: во Дворец Пионеров, переделанный из старинного аристократического замка, является маг. Многочисленная ребятня занимается своими делами – спортом, подготовкой концерта, техническим творчеством, репетицией театрального кружка... Маг приносит с собой Волшебный Халат; надев его и произнеся определенные заклинания, можно отправиться либо в прошлое, либо в будущее. Один из мальчишек решает испробовать Волшебный Халат в действии и... оказывается в далеком прошлом, попадает в плен к Хану, хозяину того самого замка, в котором впоследствии и будет устроен Дворец Пионеров! Мальчишка переживает массу опасных приключений и в конце концов ему удается (при помощи Халата, конечно) вернуться в наше время, но... вместе с Ханом! Тут уже Хан переживает массу приключений, большей частью комических, ибо он, человек раннего средневековья, не понимает почти ничего из того, что видит. Особое негодование вызывает у Хана то обстоятельство, что его дворец отдан во власть каким-то неизвестным безродным соплякам... Во второй части фильма целая компания пионеров отправляется в 2001-й год и видит чудеса будущего – в частности, вполне будничную (для пионеров двадцать первого века) экскурсию в ракете на Луну... Школьники в скафандрах высаживаются на лунную поверхность, прыгают со скалы на скалу... Потом пионеры возвращаются в настоящее. Контекст фильма ясен: сегодняшние дети освобождены от проблем темного прошлого, они являются ростками грядущей светлой жизни...

«Волшебный халат» долгие годы пользовался неизменным успехом у нашей детворы. Помимо увлекательного сюжета, фильм отличался превосходной игрой актеров. Причем как взрослых (роль Хана, например, исполнял неподражаемый Алиага Агаев, родной наш Мешади Ибади!), так и детей (в частности, в этом фильме впервые снялся ныне очень известный азербайджанский писатель и кинематографист Юсиф Шейхов). Музыка к фильму сочинил великий Ариф Меликов... Дети-актеры (Азер Гурбанов, Солмаз Хатамова, Коля Логинов, Фуад Кязимов и другие) работали каждый день по 8-10 часов на протяжении нескольких месяцев, и даже получали гонорары!

Со съемками фильма связано множество забавных случаев. Так, например, когда утомленные жарой и страдающие от жажды юные и взрослые актеры не получили вовремя питьевую воду, то решили попросить винограда на одной из дач (съемки проходили на шоссе между Бузовна и Маштага). Нашли дачу, на которой жила отзывчивая старушка, и решились на невинный розыгрыш – сказали ей, что в стране нашей проездом находится арабский падишах. Падишахом представили Алиагу Агаева в одеянии Хана. Старушка поверила! (скажу честно: неподражаемому Алиаге поверил бы и я!) Она щедро угостила «падишаха» чаем и виноградом, и тогда артист попросил хозяйку угостить и свою «свиту» И съемочный коллектив получил большую корзину винограда...

5 ноября 2004 года я, писатель-фантаст, был приглашен в кинотеатр «Низами» на сорокалетний юбилей премьеры фильма «Волшебный халат» (которая, между прочим, в 64-ом состоялась там же, в «Низами»). Увы, ни режиссера, ни многих взрослых актеров уже нет с нами, и даже судьба исполнителя главной роли Азера Гурбанова неизвестна. Но на юбилей удалось пригласить снимавшихся в фильме юных музыкантов и танцоров (им уже поболее полувека исполнилось).

Наверное, по популярности с «Волшебным халатом» может конкурировать лишь снятый много позже сериал «Гостя из будущего» – сериал, ставший воистину культовым. А ведь оба эти фильма чем-то схожи: и там, и тут имеются перемещения

во времени и связанные с этим парадоксы и **«непонятки»**, и фантастические злодеи, и, что самое главное, в обоих этих фильмах дети решают свои проблемы не в одиночку, а сплоченным, дружным коллективом...

Сбылось ли что-нибудь из того, о чем фантазировали создатели фильма «Волшебный халат»?

Кое-что сбылось. Так, в фильме фигурировала видеокамера, выводящая снимаемое на большой экран. Упоминалось некое подобие компьютера. Луна... Что ж, там человек побывал, и неоднократно. Космических экскурсий, правда, пока что нет, зато есть космический туризм! Однако все это техника, а вот как обстоит дело с социумом?

Увы, в плане социума случилось то, чего не могли (и не умели) представить себе создатели «Волшебного халата». Лично мне врезалась в память вот такая деталь. В музее 2001 года пионеры видят внутри стеклянного куба манекен Хана – как нечто бесследно исчезнувшее в прошлом. Сегодня, пожалуй, под таким стеклянным колпаком можно разместить манекен Пионера – как нечто совершенно ушедшее из нашей жизни... И если в те времена, когда снимался фильм, дворцы аристократов отдавались детям, то сейчас дела обстоят с точностью до наоборот – мы знаем массу случаев, когда детские сады, дома детского творчества или библиотеки отдаются под офисы новоявленным ханам, не таким смешным, как в кино...

«Волшебный халат» вышел, напоминая, в 1964-ом году. А двумя годами ранее в Советском Союзе был снят другой фантастический фильм, ставший знаковым для целого поколения, – «Планета бурь».

В отличие от «Волшебного халата», к которому, повторяю, был написан оригинальный сценарий, у «Планеты бурь» имелся литературный первоисточник. Известный писатель, классик советской фантастики Александр Казанцев выпустил в конце 50-х роман «Внуки Марса». Роман повествовал о том, как на загадочную планету Венера летят две экспедиции – советская и американская. Космонавты первой экспедиции имеют великолепный вездеход, астронавты второй – мощного робота (**«железного Джона»**). Советским космонавтам приходится спасать попавших в беду американцев. А на Венере, оказывается, доисторические времена: исследователи встречают там всевозможных динозавров, девственные джунгли, сквозь которые с трудом продирается вездеход, действующие вулканы, в раскаленной лаве которых в конце концов и гибнет «железный Джон», громадные хищные цветы, и прочее; Венера окутана густыми облаками, там постоянно идут дожди, а также свирепствуют сильные бури. Казалось бы, все ясно – до появления разумной жизни на Венере еще очень и очень далеко. Но один из советских космонавтов находит обломок статуи – прекрасную женскую головку. Кто мог изваять такую красоту на планете, населенной одними лишь безмозглыми ящерами? Значит, разумные существа на Венере все же есть? Молодого космонавта преследуют видения, ему часто мерещится красивая девушка, мелькающая в инопланетном тумане, несколько раз этот призрак даже спасает парню жизнь... Но исследователи улетают обратно на Землю, так и не разгадав тайны. Вопрос, как принято говорить в таких случаях, остается открытым.

За постановку фильма взялся известный режиссер Павел Клушанцев, уже снявший до этого несколько научно-популярных и фантастических лент о Космосе и о других планетах. Клушанцев широко применял в своих работах разнообразные методы комбинированных съемок – конечно, на том уровне, который позволяла кинотехника 50-х – 60-х годов прошлого века. На сегодняшний взгляд, техника эта была убогой, примитивной и смешной... но так кажется сегодня, когда мы знаем, как снимались «Аватар» или «Обитаемый остров». Для того времени Клушанцев был – заслуженно – **кинофантаст №1**, и его даже настойчиво приглашали поработать в Голливуде! Разрешения такого режиссер, само собой, не получил. Но вот легендарный Стэнли Кубрик («2001: Космическая Одиссея») и не менее легендарный Джордж

Лукас («Звездные войны») откровенно признавались, что не раз просматривали фильмы Клушанцева и многому у него научились...

«Венерой» на время стал небольшой участок Крымского побережья. С помощью специальной установки на съемочную площадку был напущен туман, а постоянный дождь обеспечивали пожарные брандспойты. Создатели фильма загодя обратились за консультацией к известному ученому-палеонтологу (специалисту по вымершим животным и растениям) Флерову, и тот набросал эскизы подходящей флоры и фауны. Так появился лес из гигантских хвощей и папоротников (материал – дерево, резина, пластмасса...), а также муляжи ползающих и летающих динозавров (из тех же материалов). Надеюсь, фанаты «Аватара» не лопнут со смеху, если я поведаю, что маленьких хищных динозавров изображали акробаты-лилипуты в специальных резиновых костюмах? И что хищный цветок-спрут, чуть не сожравший космонавта, был изготовлен в мастерских студии из губчатой резины, внутри него сидел человек и двигал лепестками, а щупальцами шевелили другие люди, находящиеся за кадром – с помощью тонких веревок? И что робота «играл» чемпион СССР по вольной борьбе, помещенный внутрь пластмассового корпуса и ходивший по площадке практически вслепую? И что потоки вулканической лавы – это на самом деле бурлящее тесто, подсвеченное красными лампами? И что некоторые динозавры в фильме – это просто-напросто увеличенные ящерки и черепашки?.. Не надо смеяться, прошу вас. Технологія **3D** в то время существовала лишь на страницах фантастических романов.

Тяжело было всем – и великану-спортсмену, часами не вылезавшему из корпуса робота (да еще и таскавшему на плечах двоих космонавтов), и акробатам, изнывающим в резиновых шкурах динозавров, и актерам, игравшим космонавтов – они подолгу ходили в бутафорских скафандрах из пластмассы и поролонa, отчаянно потев и хлюпая ногами, потому что в скафандры затекал **«дождь»** из пожарных шлангов (кстати, одного из космонавтов играл тогда молодой еще, любимый всеми нами Георгий Жженов). Было тяжело и ассистентам, и осветителям, и декораторам, и прочим участникам рабочей группы (шикарный вездеход на воздушной подушке не имел мотора, и его таскали над землей с помощью крана). Съемки продолжались восемь месяцев. Когда фильм вышел в прокат, его просмотрело огромное количество зрителей, большая часть которых – дети... И я, и многие из моих друзей неоднократно смотрели его в школьных кинозалах, в пионерских лагерях, на утренних детских сеансах...

Повторяю, не надо смеяться над убожеством той кинотехники. Она выполнила свою задачу – мы, ребята, смотрели фильм на одном дыхании, вцепившись в подлокотники кресел, искренне переживая за героев фильма... А потом, выйдя из кинотеатра, мы возбужденно обсуждали и сам фильм, и много говорили о космонавтике, и о том, есть ли жизнь на других планетах, и о том, прилетали ли к нам пришельцы из Космоса. И часто задирали головы к вечернему небу, усеянному звездами, и звезды завораживали и манили нас... Разумеется, мы представляли себя на месте разведчиков Венеры. И кое-кто из нас впоследствии стал летчиком, надеясь в перспективе выйти, сами понимаете, в космонавты... А после «Волшебного халата» мы обсуждали не только полеты на Луну, но и возможности путешествия во Времени, о том, как интересна история, и что можно увидеть в прошлом, и какое замечательное время нас ожидает в будущем... И некоторые из моих приятелей потом всерьез занялись физикой, историей и археологией. Да и сам я – думаете, откуда взялась моя любовь к фантастике, биологии и астрономии одновременно?

Подобные фильмы сильно повлияли на наше мировоззрение, и создатели «Волшебного халата», и «Планеты бурь», и других подобных лент могут с полным на то правом считать, что оставили свой след и в эпохе, и в нашем сознании. А разве не об этом мечтает каждый творец, будь он художник, писатель, композитор или кинорежиссер?

От Москвы до Кассиопеи... через Баку

Когда летом 2010-го я прочитал в газете некролог на Исаю Кузнецова, писателя, драматурга, киносценариста (он скончался в Москве 30 июля, в возрасте 94 лет), то мне буквально сразу же захотелось почтить его память и написать о нем. Хотя, казалось бы, какое отношение имеет ушедший из жизни (в весьма почтенном, кстати, возрасте) российский киносценарист к нашему славному городу? А ведь имеет!

...В памяти всплывает далекий уже 1974-ый год. Начало лета. Дворец имени Ленина (ныне он называется Дворцом имени Гейдара Алиева). На многочисленных флагштоках перед дворцом полощутся на ветру флаги союзных республик. В Баку проводится VII Всесоюзный кинофестиваль.

Дворец открылся совсем недавно, но в нем уже прошло несколько превосходных концертов (первым был сольный концерт великого Муслима Магомаева), а теперь вот – кинофестиваль.

По нашему городу гуляли известнейшие тогда кинорежиссеры, киноактеры, сценаристы, операторы. Гуляли они в окружении восторженных бакинцев, раздавая автографы и измученно улыбаясь. А форменное столпотворение на теннисном корте (том, что у Тязя-базара) объяснялось тем, что в теннис играл Савелий Крамаров собственной персоной!

Попасть тогда во Дворец удавалось лишь избранным счастливицам. Однако картины, представленные на Всесоюзных кинофестивалях, а тем более – премированные на них, тут же выходили в широкий прокат; их смотрела многомиллионная зрительская аудитория и очень оживленно обсуждала; об этих картинах писали в прессе, говорили по телевидению и так далее... Так обстояло дело тогда.

Главной интригой того кинофестиваля стало вручение главного приза. Жюри присудило его фильму **«В бой идут одни «старики»** – прекрасному фильму о войне и об искусстве на войне. Но режиссер «Стариков» Леонид Быков отказался от приза в пользу другого режиссера – Василия Макаровича Шукшина, который представил на этот фестиваль свою работу **«Калина красная»**... Быков счел, что фильм Шукшина более достоин главного приза. Напомню, что оба этих Человека являлись не только режиссерами вышеназванных картин, но и сыграли в них главные роли, а Шукшин, кроме того, написал и сценарий на основе собственной одноименной повести. И сейчас можно встретить таких, кто ставит фильмы по своим сценариям и играет в них; но можете ли вы представить себе, чтобы в наше время кто-то отказался от приза в чью-либо пользу?!

А премию за лучший фильм для детей получила фантастическая дилогия **«Москва-Кассиопея» / «Отроки во Вселенной»**, снятая по сценарию Авенира Зака и Исаю Кузнецова. Того самого Исаю Кузнецова.

Этот творческий «тандем» уже был известен в то время благодаря сценариям к фильмам «Достояние республики» и «Пропавшая экспедиция». Первая картина представляла собой добротный, крепко сделанный боевик советского периода, повествующий о первых послереволюционных годах и о том, как сотрудник уголовного розыска гоняется за авантюристами, похитившими из музея ценнейшие произведения искусства. Головокружительные трюки, погони, стрельба и единоборства – и в то же время яркие, совершенно нешаблонные образы главных героев, как положительных, так, между прочим, и отрицательных! И, по-моему, нет такого человека, которому не была бы известна «Песенка о шпаге» из этого фильма – **«Вжик-вжик-вжик, уноси готовенького!»** – в исполнении благородного вора по кличке Маркиз (которого воплотил на экране неподражаемый Андрей Миронов)...

«Пропавшую экспедицию» можно считать, не побоюсь этого слова, **«вестерном»**, также написанным на материале времен гражданской войны. Острый, захва-

тывающий сюжет о приключениях экспедиции геологов и красноармейцев, отправившихся в Сибирь на поиски месторождений золота... Им, естественно, противостоят белогвардейцы, бродяги-старатели, отшельники-староверы и просто таежные бандиты... В фильме «Пропавшая экспедиция» (и в продолжении его, картине «Золотая речка») снимались такие известные «звезды» советского кино, как Вахтанг Кикабидзе, Николай Гринько, Александр Кайдановский, Евгения Симонова, Николай Олялин, Александр Абдулов... К слову сказать, именно в этой дилогии дебютировал мальчик Сережа Шевкуненко – позднее он прославится как исполнитель роли Миши Полякова в культовых советских телесериалах «Кортик» и «Бронзовая птица», а еще позднее сделается известным криминальным московским авторитетом по кличке **«Артист»** и в середине лихих девяностых найдет свою смерть от пули киллера...

Казалось бы, с Заком и Кузнецовым все ясно. Приключения, революция, гражданская война. В те годы снималось не так уж и мало подобных фильмов – и суперпопулярнейшее до сих пор «Белое солнце пустыни» Мотыля, и «Свой среди чужих, чужой среди своих» Михалкова, и узбекский боевик «Седьмая пуля», и таджикский «Телохранитель», и украинская картина «Ищи ветра!», да и наш известнейший фильм «Семеро сыновей моих», – содержат в себе явные элементы «вестерна» (или «истерна», как иногда говорят). Но совершенно неожиданно (для меня, во всяком случае) Зак и Кузнецов обратились к нелегкому жанру кинофантастики.

Сюжет дилогии «Москва-Кассиопея» / «Отроки во Вселенной» построен таким образом, что любой западный сценарист мог бы в знак почтения снять шляпу перед нашими кинодраматургами. Итак, из глубин Вселенной до Земли долетает радиосигнал с планеты **Шедар**, расположенной у звезды Альфа в созвездии Кассиопеи. Это – призыв о помощи. Лететь туда очень далеко и очень долго, но талантливый московский школьник разрабатывает проект звездолета, на котором можно добраться до планеты Шедар. Правда, экипаж комплектуется из школьников. Трое мальчиков и три девочки должны провести в звездолете около тридцати-сорока лет (корабль оснащен всем необходимым для жизнеобеспечения и образования юных космонавтов) и к месту назначения прибыть уже взрослыми людьми. Но почти в самом начале путешествия звездолет проваливается в «черную дыру» и практически мгновенно оказывается у Шедара! С командой школьников, которые так и не успели вырасти! Земную цивилизацию (так уж вышло) вынуждены представлять шестеро детей... пардон, семеро, поскольку на звездолет «зайцем» пробрался еще один школьник! Представляете?

Таково содержание первой части дилогии. Дальше сюжет начинает раскрываться подобно отпущенной тугой пружине.

Оказывается, приславшие сигнал бедствия обитатели Шедара вынуждены ютиться на орбитальной базе, вращающейся вокруг их планеты. Много лет тому назад шедарцы еле унесли ноги со своей родной планеты, спасаясь от роботов, которых сами же и создали. Роботы должны были максимально облегчить жизнь шедарцев, но роботы пошли еще дальше и принялись насильственно **«осчастливливать»** своих создателей, лишая последних всех эмоций и прочих качеств, присущих живому существу. То есть каждого шедарца, который не успел вовремя бежать, роботы превращали в то, что на современном сленге называется **«овощ»**. Такая же угроза нависла и над нашими земными ребятами, которые неосмотрительно высадились на Шедаре. Девочки оказываются пленницами роботов, и мальчишкам приходится их спасать, нешуточно рискуя жизнью... Кстати, в самый пиковый момент героев спасает милая детская привычка таскать в карманах всякие «архинеобходимые» предметы – гвозди, например... Пересказывать весь фильм не вижу смысла, многие его видели, остальным настоятельно рекомендую посмотреть. Это крепкий, добротный фантастический **«ЭКШН»**, к тому же пронизанный юмором (чего стоят, например, сцены, в которых роботы меняются головами, или когда роботы начисто перегорают «моз-

гами», не в состоянии отгадать детскую загадку «**А и Б сидели на трубе...**»). Поставил диологию Ричард Виктор – единственный, по моему глубочайшему убеждению, советский режиссер (не считая Павла Клушанцева), который относился к кинофантастике со всей подобающей серьезностью. Главным консультантом картины был летчик-космонавт Береговой, чем объясняется поразительная достоверность космической техники, изображенной в фильмах. А какой «цветник» актеров в них снялся! Иннокентий Смоктуновский, Лев Дуров, Наталья Фатеева, Игорь Ледогоров! И талантливые школьники, исполнители ролей юных космонавтов...

Кинодиалогия о юных звездолетчиках произвела громадное впечатление на миллионы юных зрителей Советского Союза. Более того, диалогия остается популярной и сейчас, у нее существуют многочисленные фанаты. Один из таких фанатов ярко описан российской писательницей Викторией Платовой в романе «**Из жизни карамели**» – достаточно взрослый, но не вполне адекватный мужчина, взявший себе инопланетное, шедарское имя **Агапит**, человек, для которого герои фильма роднее и ближе реальных людей, человек, который ежегодно отмечает символический день запуска звездолета к созвездию Кассиопеи! Разумеется, это крайность. Подавляющее большинство фанатов – адекватны, что было видно из ток-шоу, устроенного российским телеканалом в честь 35-летия выхода диалогии на экран. В студию были приглашены те, кто снялся в роли школьников-космонавтов, и их многочисленные поклонники. Таково было влияние фильмов на тогдашние юные умы, ведь больно ко времени пришелся показ, на самый расцвет космической эры... А ремейк песни из диалогии «Москва-Кассиопея» / «Отроки во Вселенной» сейчас частенько звучит по радио...

Добросовестности ради упомяну, что создатели фантастической кинодиалогии были удостоены Государственной премии имени братьев Васильевых (1977), диалогия получила специальный приз жюри Международного кинофестиваля научно-фантастических фильмов в итальянском городе Триесте (1975), Серебряный приз Международного кинофестиваля в Москве в разделе детских фильмов (1975), премию «Платеро» на Международном кинофестивале для детей и юношества в испанском городе Хихон (1975), и еще ряд престижных премий, среди которых далеко не последнее место занимает и премия, врученная в Баку...

Но в том же 1974 году Авенир Зак скончался от неизлечимой болезни. Исай Кузнецов продолжал, тем не менее, активно работать. Он пишет сценарии к фильмам «Золотая речка», «Похищение «Савойи», «Ученик лекаря», которые были сняты. Он пишет сценарии, которые так и не были никогда воплощены на экране. Он пишет пьесы, романы, мемуары. Несколько лет Кузнецов преподавал сценарное мастерство во ВГИКе, среди его учеников – Валерий Тодоровский и Аркадий Высоцкий... Но в начале нового тысячелетия блестящий кинодраматург остался не у дел. «Я давно уже не пишу сценариев, – признавался Кузнецов в интервью, данном примерно девять лет назад. – Чтобы сейчас сделать фильм, нужен даже не режиссер – нужен продюсер. У меня пробивать что-то уже нету сил. Теперь я пишу прозу. У нее, в отличие от сценариев, есть одно достоинство: она может лежать и ждать своего часа...»

Каждый человек, в том числе и киносценарист, хочет, чтобы его долго помнили даже после кончины. Исай Кузнецов, безусловно, заслуживает этого. В фильме «Москва-Кассиопея», ставшем классикой советской кинофантастики, герои поют под гитару песню на стихи Роберта Рождественского, песню, в которой перечисляется все то, без чего нельзя отправляться в межзвездный полет. Там есть такие строки: **«Я возьму этот большой мир, каждый день, каждый его час. Если что-то я забуду – вряд ли звезды примут нас...»**

Пусть это было и давно, но я рад, нет, я просто счастлив, что путь от Земли до Кассиопеи пролегал в свое время через Баку...

Четыре жизни Ихтиандра

Целиком и полностью вымышленному парню со странным именем **«Ихтиандр»** сильно повезло – сначала стала бестселлером книга, написанная о нём; позднее кассовым стал фильм, сделанный о нём; потом об Ихтиандре сняли ремейк в России (тоже вполне успешный), да и Голливуд, похоже, не прочь снять ремейк – настолько занимательна история о юноше, которому талантливый хирург вшил акульи жабры... Впрочем, всё по порядку.

Лично для меня всё началось с фильма «Человек-амфибия», снятого режиссёром Владимиром Чеботарёвым в 1961-ом году на киностудии «Ленфильм». В том смысле, что это был вообще самый первый фильм, который я помню в своей жизни. Родители взяли меня, годовалого малыша, с собою в кинотеатр, и именно на «Человека-амфибию». Я мало что тогда понял, но в память на всю жизнь врезалась волшебная, фантастическая музыка композитора Андрея Петрова, а также изумительные подводные съёмки. И ещё этот фильм дорог мне потому, что съёмки некоторых его сцен проходили в любимом моем Баку... Однако если начинать, как говорят, **ab ovo**, иными словами – от самых истоков, то надо рассказать об Александре Романовиче Беляеве, «литературном отце» Ихтиандра, давшем этому парню первую жизнь.

Беляев родился в 1884 году в Смоленске. Учился в консерватории и на юридическом факультете. Все дети мечтают летать; а маленький Беляев прыгал с крыши сарая с самодельными крыльями и с большим отцовским зонтом и во время одного из таких прыжков серьезно повредил позвоночник. Позднее травма вылилась в костный туберкулез. Какое-то время Беляев был парализован, потом ему с огромным трудом удалось подняться. Но всю жизнь писатель неизменно мучился, временами он не мог ни стоять, ни сидеть, ему приходилось писать лежа. Тем не менее, Беляев, переезжая из города в город (Харьков, Ялта, Ростов, Москва, Ленинград), работал то журналистом, музыкантом в оркестре, то художником-декоратором, то библиотекарем, то воспитателем в детском доме, то фотографом в уголовном розыске, то служащим почтамта. Во время ночных дежурств на почтамте он пробовал писать стихи и фантастическую прозу. Получалось хорошо, особенно проза. Со временем Беляев стал профессиональным писателем, классиком советской фантастики, создателем множества рассказов, повестей и романов, известных всем от мала до велика. Даже люди, не любящие фантастику, терпимо относились к Беляеву – за удивительное правдоподобие его невероятных историй. Но всенародную и даже, можно сказать, всемирную славу принесла ему повесть «Человек-амфибия» – печальная история об аргентинском юноше, которому хирург-экспериментатор подарил уникальную возможность жить и на суше, и под водой. Великолепно чувствующий себя в океане, но совершенно неприспособленный к реальности Ихтиандр (**«рыбочеловек»** – так назвал юношу хирург, доктор Сальватор) влюбляется в случайно увиденную им в море девушку по имени Гуттиэре, уходит в город на ее поиски и сталкивается с суровыми реалиями жизни... Практичные злодеи, прознав об уникальных способностях Ихтиандра, решают пленить его и заставить работать на себя – ведь сколько жемчуга и сокровищ с затонувших кораблей может добыть человек-амфибия! И так далее, и так далее (пересказывать сюжет не вижу смысла – многие и так его знают, а тем, кто еще не читал, не хочу **«перебивать аппетит»**). Повесть вначале печаталась в журнале «Вокруг света» в 1928 году, с продолжением из номера в номер. Выпуски с «Человеком-амфибией» буквально рвали друг у друга из рук. Потом повесть вышла отдельной книгой и сразу же стала первым официально признанным советским **«бестселлером»** (в 1930 году «Вокруг света», тираж которого насчитывал 250 тысяч экземпляров, опубликовал анкету: редакция просила читателей назвать самые популярные произведения фантастического и приключенческого жанра, вышедшие на русском языке за последние пять лет, и в результате с большим отрывом первое

место в списке читательских симпатий занял «Человек-амфибия»). С тех пор и до наших дней повесть бесчисленное количество раз переиздавалась, переводилась на все языки народов СССР и многие иностранные языки...Впоследствии слово **«Ихтиандр»** зажило самостоятельной жизнью, им стали называть опытных ныряльщиков и многочисленные дайверские клубы...

Умер Беляев зимой 1942 года на оккупированной фашистами территории, умер от истощения. По горькой иронии судьбы хоронить его помог немец-комендант. Русский староста грубо прогнал вдову писателя, отказавшись помочь, а вот комендант оказался поклонником Беляева (читал его книги в переводе на немецкий) и обеспечил вдову санями, гробом и местом на кладбище и даже выделил людей для похорон. Так вот иногда бывает...

Позднее на могиле поставили белый обелиск с раскрытой книгой и пером и надписью: *«Здесь похоронен писатель-фантаст Александр Романович Беляев».*

Справедливости ради надо отметить, что Беляев был не первым, кто «придумал» человека с жабрами.

До него французский писатель Жан де ля Ир в своём романе **«Иктанэр и Мои-зетта»** описал человека-акулу, которого использовала в преступных целях некая организация, намеревавшаяся захватить весь мир... Думается, беляевский Ихтиандр всё же привлекательней...

Сам писатель признавался, что на создание повести его натолкнула небольшая заметка в одной из аргентинских газет. В заметке говорилось, что некий очень талантливый хирург, немец по происхождению, пересадил больному индейскому мальчику жабры акулы, и что они успешно прижились. Правда это или нет, неизвестно, но вот из этой маленькой заметки и выросла повесть «Человек-амфибия» (мне, как биологу, известно, что подобная трансплантация маловероятна, но в жизни всегда есть место счастливому шансу – ведь самое первое в истории переливание крови, когда раненому солдату влили овечью кровь, закончилось успехом благодаря редчайшему стечению обстоятельств). По другой версии Беляев, якобы, прочитал *«в одной из тогдашних западных газет сообщение о мальчике с жабрами из бразильского города Белу-Оризонти; мальчик этот уже родился а жабрами и умер в 10-летнем возрасте».* Кстати, существует и такая легенда...а может быть, и не легенда... Незадолго перед войной Беляев лечился в одном из санаториев и там подружился со своим малолетним поклонником, мальчиком-сиротой. Мальчик больше всего на свете любил книгу «Человек-амфибия» и приставал к Беляеву – когда же тот напишет продолжение? И вот в течение нескольких дней, специально для мальчика, Беляев написал продолжение – в одном экземпляре, карандашом, в общей тетрадке...В этой рукописи рассказывалось, как хирург пересадил жабры и девушке Гуттиэре тоже, и Ихтиандр со своей возлюбленной ушли в океан, где пережили немало приключений... К величайшему сожалению, тетрадка эта бесследно исчезла, равно как и мальчик, поклонник Беляева.

Когда режиссер Чеботарев (совместно с Геннадием Казанским) решили дать Ихтиандру вторую жизнь и затеяли экранизацию беляевской повести, они даже не представляли, какие неслыханные трудности их ждут. Ведь это были самые первые в истории советского кино съемки игрового фильма под водой! И оператор фильма Эдуард Розовский, и еще 20 человек (актеры, осветители, художники, декораторы) прошли специальные водолазные курсы и почти 400 часов провели на морском дне, чтобы отснять подводные кадры. Им помогли спортсмены и профессиональные аквалангисты. Но все равно – ни у кого еще не было опыта построения подводных сцен, сооружения декораций на морском дне, постановки освещения. Не хватало необходимой техники; пришлось заново мастерить и специальные подводные осветители, и новую камеру в специальном герметичном боксе, похожем на маленький самолетик. Чешуйчатый костюм человека-амфибии был сделан из искусственной ткани, из ко-

торой обычно изготавливаются безразмерные чулки; ткань обработали под перламутр; костюм хорошо облегал тело, не мешал движениям и не промокал.

Подводные съемки проводили на Черном море, в местах с самой прозрачной водой. А под Севастополем, в Голубой бухте, на глубине 10 метров, был построен целый съемочный павильон. Расставили осветители, проложили рельсы для камеры; а позднее установили декорации – искусственные кораллы и водоросли. Были изготовлены резиновые макеты акулы и дельфина, внутри которых мог поместиться аквалангист. Ну, «акула» так и не пригодилась, а вот «дельфин» сыграл свою «роль» в одном из бакинских бассейнов.

Первоначально на роль Ихтиандра пробовался молодой актер Василий Ливанов (позднее прославившийся исполнением роли Шерлока Холмса). Но в конечном итоге был утвержден выпускник государственного института театрального искусства Владимир Коренев. Ни он, ни актриса Анастасия Вертинская, игравшая Гуттиэре (возлюбленную Ихтиандра), не умели ни плавать, ни нырять. В подводных сценах Коренева дублировал чемпион Ленинграда по подводному плаванию и плаванию в стиле «дельфин». А вот Вертинская «тонула» без дублера. На подводной съемочной площадке постоянно находились водолазы с запасными аквалангами. Они располагались так, чтобы не попадать в кадр, но в нужную минуту давали **«ГЛОТНУТЬ ВОЗДУХА»** Вертинской и дублёру. Вспомните, как легко, грациозно двигается под водой Ихтиандр, словно у него и вправду жабры! Как медленно, плавно опускается на дно бесчувственная девушка! А ведь все это они проделывали на «вдохе», который надо было постоянно обновлять! Вертинская никак не хотела «тонуть», ее легкое тело пришлось утяжелять свинцовым балластом, надетым под купальник. Проработав в воде около часа, актеры выбирались на сушу, надевали шерстяную одежду, влезали в спальные мешки, пили горячий чай из термосов и после небольшого отдыха – снова в воду, температура которой была 13-14 градусов. И так изо дня в день. Но никто не ныл, всем было интересно сниматься в таких необычных условиях. Всего под водой было отснято около 8 тысяч метров пленки, в фильм же вошло всего 550 метров... Впрочем, «на высоте» оказались все занятые в фильме актеры, даже те, которым не пришлось нырять в воду – Михаил Козаков, Николай Симонов, Владлен Давыдов...

А когда пришло время снимать сцены в Буэнос-Айресе, съемочная группа приехала в Баку по архитектуре своей весьма напоминал некоторые города Латинской Америки... Художники-постановщики задекорировали улочки Ичери-шехер плакатами и вывесками на испанском языке (реклама сигарет «Кэмэл» потом еще долго висела на одном из домов), подогнали машины-иномарки (тогда их трудно было отыскать, не то что сейчас!), одели статистов в аргентинские костюмы... Сцена, где ошалевший Ихтиандр бежит между потоками машин, снималась у Пассажа, там, где сейчас сидят художники и продавцы сувениров. Певичка исполняла шлягер **«Эй, моряк!»** в одном из открытых бакинских кафе. А фонтан, в котором плескался измученный жарой Ихтиандр, был специально построен там, где сейчас находится здание таможни... Попали в кадры и Бакинский порт, и баиловская тюрьма... Знаменитая сцена погони полицейских за Ихтиандром снималась в Ичери-шехер; очень долго и тщательно готовился четырехметровый прыжок с крыши на крышу – весьма сложный и опасный трюк. Для его исполнения были приглашены циркачи из Москвы. Один из них, акробат Женя Ванзэвей, и совершил тот знаменитый прыжок. Правда, он чуть-чуть не долетел до края противоположной крыши, уцепился за карниз и виноградные плети, однако сумел благополучно подтянуться и побежать дальше...

Но вот фильм был наконец закончен и ...профессиональные кинокритики его дружно зарубили, обвинив в **«пошлости»**. Так бы и легла картина «на полку», но по счастливой случайности была послана на фестиваль молодежных фильмов в Болгарию и встретила там бурный восторженный прием. После этого «Человека-амфи-

бию» решились все-таки выпустить в советский кинопрокат. Успех был ошеломляющим. Фильм, в пух и прах разбитый критиками, принес крупные кассовые сборы. Практически на следующий же день после премьеры фильм выбился в лидеры советского кинопроката. За короткий промежуток времени его посмотрели более 65 миллионов зрителей. Так история о юноше с жабрами стала «бестселлером» во второй раз. Некоторые фразы из фильма прочно вошли в народную речь: **«Марш в воду, жаба!»**, например, или **«Сумасшедший миллионер»**. А блистательная Настя Вертинская и красавец Владимир Коренев мгновенно сделались советскими «секс-символами», если только можно совместить эти несомнимые понятия... На международном фестивале фантастического кино в итальянском городе Триест картина получила престижный приз **«Серебряный астероид»**.

Фильм вышел очень и очень романтичный, не беляевский даже, а какой-то, скорее, гриновский. Кроме того, он возбудил интерес молодежи к подводному миру; многие позднее признавались, что к занятию дайвингом их подтолкнули два фильма – документальная лента молодого тогда еще Жак-Ива Кусто и его друга Л.Малля «В мире безмолвия» (удостоенная, кстати, **«Оскара»**) и «Человек-амфибия». Что до меня, так я просто стал фанатом «Человека-амфибии». Тогда о видеоманитофонах еще никто не слышал, и, чтобы увидеть любимую картину, мне приходилось выискивать кинотеатры, в которых шли сеансы повторного фильма. Кроме того, я не пропускал ни одного показа «Человека-амфибии» по телевидению (кстати, фильм был дублирован и на азербайджанский язык). Я постоянно напевал «Эй, моряк!» и «Балладу о рыбаке», а над моим письменным столом прикипела была фотография Ихтиандра и его возлюбленной под водой – фото было преступно вырезано мною в библиотеке из журнала «Советский экран», поскольку о ксероксах в то время тоже никто не слышал...(лет двадцать назад мне сказочно повезло: бутафор со Свердловской киностудии дал мне подержать кинжал Ихтиандра – длинный, с волнистым лезвием...) Я любил и до сих пор продолжаю любить этот фильм. В нем сконцентрировалось, как солнце в капле воды, все то светлое и праздничное, что было в моем детстве: море, солнце, Баку, музыка, любовь, фантастика... И я уверен, что многие, очень многие могут сказать то же самое.

В постсоветской России Ихтиандр обрёл третью жизнь благодаря режиссёру Александру Атанесяну. На момент его выхода (в 2009 году) это был самый дорогостоящий российский телефильм. Съёмки велись на Кубе с ее роскошной тропической природой, в том числе и в прекраснейших водах Карибского моря, с применением современной киносьемочной техники. В роли Ихтиандра снялся Саид Нигматулин, в роли Гуттиэре – Юлия Самойленко. Доктора Сальватора сыграл великолепный литовский актер Регимантас Адомайтис; в фильме также были заняты грузинские актеры Элгуджа Бурдули и Левани Учанейшвили. Что и говорить, сериал получился очень красочный и достоверный; правда, создатели внесли в него немало отсебятины, но это, наверное, свойство всех экранизаций. В ремейке была частично сохранена волшебная музыка Петрова из первого фильма, и это правильно – вряд ли возможно написать другую такую же...

Увы, ни в первую, ни во вторую экранизацию так и не вошел очень важный, на мой взгляд, эпизод повести, связанный с судом над доктором Сальватором. Хирургу предъявили обвинение в вивисекции – опытах над человеком, что являлось серьезным преступлением как с точки зрения светских властей, так и католической церкви. Священник обвинил доктора в том, что тот вмешался в божественную природу человека, исковеркал ее самым непотребным образом, что совершенно недопустимо. Выступавший вслед за священником военный, наоборот, очень одобрил смелый эксперимент Сальватора и намекнул даже – нельзя ли наладить массовое производство таких вот людей-амфибий, которые могут стать подводными боевыми пловцами и топить вражеские корабли?..

А после выхода ремейка стало известно, что права на экранизацию «Человека-амфибии» приобрел продюсер и президент компании Stone Village Picture Скотт Стейндорфф – создатель таких известных фильмов, как «Запятнанная репутация», «Пенелопа», «Туристы», «Любовь во время холеры» (таким образом, Ихтиандра ожидает четвёртая уже по счёту жизнь). В интервью российскому корреспонденту Стейндорфф признался: *«...меня поразило, насколько глубоко ваш писатель проникает в характер героя, используя формулу «а что, если...», и развитие характера и сюжета идет по этой формуле. Там есть приключения, фантастика и любовь – три составляющие для успешного коммерческого фильма»*. Но существенное затруднение, сетует продюсер, заключается в том, что очень трудно будет подыскать подходящих актеров на роли Гуттиэре и Ихтиандра... Я его понимаю: эпоха романтических героев бесследно канула в прошлое, и легче будет, наверное, пересадить человеку жабры, нежели найти вторую Вертинскую и второго Коренева. Тем более, что сам Чеботарёв, режиссёр той, старой версии фильма, сказал так: *«При выборе исполнителей главных ролей я взял для себя кредо: у Ихтиандра в глазах должно быть море, у Гуттиэре в глазах – небо. Вот таких возвышенных, неземных актёров мы искали...»*

Форма воды... в Черной лагуне

В январе 2018-го, когда я писал эти строки, у всех любителей кино на устах было название фильма **«Форма воды»**, снятого культовым мексиканским режиссером Гильермо дель Торо. Насколько я знаю, фильм демонстрировался и в Баку, но очень быстро был снят с проката; поговаривали, что в отдельных сценах этой картины якобы углядели не только *порнографию*, но и пропаганду *зоофилии*... Впрочем, мало ли что говорят? И не такое скажут...

Гильермо дель Торо родился в 1960 году в Гвадалахаре (Мексика). В начале 80-х основал в Мексике собственную кинокомпанию «Некропия». Прорывом стал снятый в 1993-м фильм «Хронос», выигравший на Каннском фестивале в «неделе критики». После успеха фильма «Хребет дьявола» он снял уже в Голливуде (предыдущие фильмы снимались в Мексике) фантастическую ленту «Блейд-2» (2002). Его успех подтвердил вышедший в 2004-ом «Хеллбой» и его продолжение «Хеллбой 2: Золотая армия» (2008). На данный момент дель Торо является одним из самых коммерчески успешных режиссеров и продюсеров Голливуда. Был номинирован на «Оскар» за сценарий фильма «Лабиринт Фавна». А за фильм «Форма воды» режиссер был удостоен «Золотого льва» Венецианского фестиваля и премии «Золотой Глобус» (не остался фильм и без «Оскаров», получив их аж четыре: как лучший фильм, за лучшую режиссерскую работу, за лучшую музыку и лучшую работу художника-постановщика).

Кто-то, уже не помню, кто, назвал «Форму воды» **«сказкой для взрослых в антураже шпионского детектива 1960-х годов»**. Действие фильма и вправду происходит в разгар «холодной войны».

Спецслужбы держат в секретной лаборатории выловленного где-то подводного человекообразного монстра, дышащего жабрами и сплошь покрытого чешуей. Несчастливого мутанта подвергают различным исследованиям и испытаниям, рассчитывая использовать его в борьбе с коммунистами – в частности, запустить в Космос как альтернативу советским собачкам Белке и Стрелке...

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы... если бы в чешуйчатого монстра не влюбилась немолодая и некрасивая уборщица (к тому же и немая), прибирающая в секретной лаборатории. Она вначале из жалости подкармливала монстра вареными яйцами (монстр просто обожал их!), а потом у нее возникло к этому уроду чувство... Подводное существо ответило женщине взаимностью. Дошло дело и до «постели»: женщина и подводный обитатель вступают в близость (это, что ли, зоофилия?)... В

конце концов, уборщице удастся хитростью вырвать необычного любимого из лап спецслужб и выпустить его в океан.

Должен заметить, что мировой кинематограф не впервые обращается к подводным человекообразным монстрам. Ярким тому примером может послужить «Тварь из Черной Лагуны» (***Creature from the Black Lagoon***), американский фильм ужасов, вышедший в 1954 году, первая картина из цикла про «жаброчеловека» (***Gill-man`a***). Фильм входит в классическую серию фильмов ужасов студии Universal.

Вот о чем он повествует.

...В верховьях Амазонки экспедиция под руководством профессора Карла Майя занимается раскопками, ища ископаемые остатки «*девонского*» периода. Неожиданно они находят окаменевшую пятипалую конечность, очень похожую на рыбий плавник. Профессор срочно отправляется в институт морской биологии, оставив на месте раскопок своих помощников. Сотрудники института, молодые ученые Марк, Дэвид и девушка Кей с энтузиазмом принимают предложение профессора участвовать в раскопках. Экспедиция фрахтует судно под командованием капитана Лукаса и отправляется вглубь Амазонии.

Прибыв на место раскопок, профессор и его спутники видят, к ужасу своему, разгромленный лагерь: за время отсутствия Майя на рабочих, оставшихся в лагере, напало таинственное чудовище и убило их...

Несмотря на это, экспедиция продолжает раскопки. И тут профессор вспоминает, что приток, протекающий рядом с лагерем, впадает в так называемую Черную Лагуну, откуда никто еще не возвращался. Молодой ученый Дэвид предлагает исследовать это место.

Он и Марк, используя акваланги, приступают к подводным исследованиям. Взятые ими образцы оказываются идентичными образцам с прежнего места раскопок, так что ныряли они не зря. И все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство.

Оказывается, в лагуне обитает он, **жаброчеловек**. Возня аквалангистов привлекает его внимание. А когда девушка Кей решает искупаться в лагуне, жаброчеловек вообще приходит в сильное возбуждение и долгое время плывет за ней. И попадает при этом в трал, которым ученые собирают камни со дна лагуны. Люди спешно вытягивают сеть, но монстр проделывает в ней дыру и удирает, оставив на память свой обломанный коготь...

Дэвид и Марк погружаются с аквалангами под воду, один из них вооружен фотокamerой в водонепроницаемом боксе, второй – гарпунным ружьем. Наткнувшись на жаброчеловека, Марк стреляет в него гарпуном. Лучше бы он этого не делал – гарпун не причинил особого вреда твари, но лишь сильно разозлил ее, и она, взобравшись на судно, убивает одного из матросов.

Ученые решают во что бы то ни стало изловить подводного монстра. Капитан Лукас советует им применить «**ратенон**» – вещество, вызывающее у рыб состояние, похожее на опьянение (этим приемом пользуются местные индейцы). Со второй попытки вместе с рыбами всплывает и захмелевший жаброчеловек. Он пытается скрыться от преследующих его людей в подводном гроте, душит при этом еще одного матроса и хватает девушку Кей... Марк хочет убить тварь, но Дэвид останавливает его. Диковинное существо заключают в клетку из толстых древесных стволов.

Вот тут бы и завершить экспедицию и с триумфом вернуться домой, везя сенсационную находку (этого, во всяком случае, хочет Марк)... но Дэвиду позарез надо обследовать грот. Эта задержка оказывается роковой.

Действие ратенона заканчивается. «Протрезвевший» монстр ломает клетку и пытается убить еще одного члена экспедиции доктора Томпсона. Его спасает девушка Кей, бросив в монстра керосиновую лампу. Монстр снова удирает.

Теперь уже никто не хочет задерживаться в этом дурном месте, но узкий выход из лагуны завален бревнами – вредина жаброчеловек постарался – и судну здесь не

пройти. Люди пытаются растащить бревна с помощью лебедки – ан не тут-то было, жаброчеловек обрывает трос... Дэвид и Марк прыгают в воду: первый – чтобы самолично закрепить тросы, второй – чтобы попытаться еще раз поймать проклятую тварь. А тварь убивает Марка! Положение отчаянное! Дэвид сооружает распылитель, наполняет его остатками ратенона и при следующем погружении ему удается-таки основательно отравить жаброчеловека. Люди спешно закрепляют тросы и освобождают выход из лагуны от бревен... Однако плохо вы, господа, знаете Тварь из Черной Лагуны! Монстр приходит в сознание, вскарабкивается на борт судна, хватается за жаброчеловека в рукопашную, но где ему тягаться с водоплавающим монстром! Профессор Майя и капитан Лукас хватаются за пистолеты и начинают чудовище изрядной порцией свинца, но даже выстрелы в упор не убивают его...

Вот такой вот фильм ужасов, напомним, 1954 года производства.

Режиссер картины – Джек Арнолд. В фильме снимались Антонио Морена (профессор Майя), Джулия Адамс (Кей), Ричард Карлсон (Дэвид), Риард Деннинг (Марк), Нестор Пайва (капитан Лукас). Жаброчеловека изображали два актера: Бен Чепмен на земле и Рику Браунинг под водой...

За «Тварью из Черной лагуны» последовало еще два продолжения, но они получились намного слабее оригинала.

...Меня порядком раздражает, что почти все критики, пишущие о «Форме воды» и «Твари из Черной лагуны», называют монстров из обоих этих фильмов «Ихтиандрами». Мол, и те, и этот – человекоподобные жабродышащие... Минуточку! Беляевский Ихтиандр был вполне себе обычным человеком, нормальным индейским пацаном, которому гениальный хирург имплантировал акульи жабры; существа из фильмов дель Торо и Арнолда не являются людьми – это смысленные морские животные, у которых жабры наличествуют с рождения, и чешуйчатый покров растет прямо из кожи, а не является костюмом; просекаете разницу? Кто-то из российских нелюбителей всего советского не так давно попробовал было заикнуться, что знаменитый советский фильм «Человек-амфибия» (1961 год, режиссеры В. Чеботарев и Г. Казанский) слизан, дескать, с американской «Твари из Черной лагуны»... Это сколько ж надо выпить, чтобы ляпнуть такое?! Как вообще можно сравнивать банальный американский ужастик со светлой, романтической советской лентой?! Кстати, до выхода фильма «Человек-амфибия» к экранизации беляевского романа примеривался великий Уолт Дисней, но отступился, сочтя такой объем подводных съемок попросту невозможным (это Дисней-то!).

А меж тем создателей фильма «Форма воды» обвинили, ни много, ни мало, в плагиате...

Сын американского драматурга Пола Зиндела, Дэвид, заявил, что сюжет картины Гильермо дель Торо был *«вдохновлен и явно заимствован»* из пьесы его отца **«Позволь услышать твой шепот»** (1969). Сын драматурга считает, что имя Зиндела должно быть упомянуто в титрах фильма (*«Мы шокированы тем, что крупная киностудия выпускает фильм, так явно заимствованный из творчества моего покойного отца, даже не признавая этого и не обращая к нам за предоставлением прав»*, – сказал он). Пока неизвестно, намерен ли наследник довести дело до суда.

Сюжет «Формы воды» и вправду перекликается с пьесой Зиндела; в последней также фигурирует уборщица исследовательской лаборатории, влюбившаяся, правда, в дельфина, и вызволяющая его из заточения. В свою очередь представитель режиссера заявил, что дель Торо никогда не читал пьесу Зиндела и даже не видел ее, сценарий «Формы воды» написан им самолично, вместе с Ванессой Тэйлор; однако, заявил представитель, дель Торо готов к диалогу с наследниками драматурга.

Вот такие вот пироги – с жаброчеловеками...

Непонятый Солярис

Весна 2017-го. На **Euronews** – сообщение: **Proxima b**, планета в системе Центавра, целиком покрыта океаном и глубина его примерно 200 километров!

Стоп-стоп. Давайте по порядку. Планета **Proxima Centauri b** была открыта астрономами Европейской Южной обсерватории менее года назад. При этом известии я снисходительно улыбнулся: это астрономы открыли планету только что, а фантасты предсказали ее существование массу лет тому назад. Я, старый зубр, помню фантастические книжки, написанные на рубеже 50-х – 60-х годов прошлого века; практически каждая вторая межзвездная экспедиция в этих книжках отправлялась именно к Проксиме Центавра. А что, логично ведь – это самая ближайшая звезда к нам, к ней лететь всего четыре года со скоростью света; ну и, чтобы астронавты не летали попусту, фантасты уверяли: у Проксимы Центавра есть планета!

Как оказалось, планета там действительно есть. Proxima b.

Она расположена очень близко к своей звезде, красному карлику, в 20 раз ближе, чем Земля к Солнцу, поэтому планета делает оборот вокруг своего светила за 11 земных суток. На Proxima b есть атмосфера, сходная с земной. По расчетам специалистов, средняя температура на поверхности планеты достигает примерно 30 градусов по Цельсию. И еще там есть океан, целиком покрывающий планету 200-километровым слоем. Напомню, что на Земле максимальная глубина Мирового океана – 11 километров... Кое-кто из журналистов поспешил сравнить **Proxima b** с планетой **Солярис**, описанной великим польским фантастом Станиславом Лемом в одноименном романе. Я бы лично не стал этого делать. В фантастике имеются более подходящие примеры: планета Сабрия у американского фантаста Джека Вэнса («Дар речи», 1955), Венера у американского фантаста Пола Андерсона («Сестра Земли», 1959), планета Здарг у советского фантаста Георгия Гуревича («Яхта Здарга», 1973). Все перечисленные планеты по воле авторов были или полностью, или почти полностью покрыты океаном из воды.

Планета Солярис у Лема – совсем иное дело. Солярийский океан состоял не из воды, а из протоплазмы; фактически это – чудовищной величины клетка, окутывающая планету. Кроме того, что немаловажно, солярийский океан был **мыслящей** субстанцией.

...Вот заговорил о Солярисе – и вспомнил, при каких обстоятельствах произошло мое первое знакомство с фильмом Андрея Тарковского «Солярис», премьеры которого состоялась в марте 1972 года.

Я хорошо помню тот год и ту весну, кинотеатр «Дружба» и саму премьеру. Бакинские любители кино и фантастики выстраивались в длинные очереди перед кассами кинотеатра; несмотря на то, что фильм шел с утра до вечера в обоих больших залах, желающих посмотреть его было хоть отбавляй. Лично я, школьник-шестиклассник, смог купить билет лишь на третий день. Но еще перед началом фильма случилось нечто странное: в динамиках кто-то прокашлялся, и женский голос невнятно произнес: *«К сведению зрителей. Фильм кончается тогда, когда Крис Кельвин возвращается на Землю. Повторяю: фильм кончается тогда, когда Крис Кельвин возвращается на Землю»*. Я опешил. Приятно было, конечно, что кто-то заботится о зрителях и разъясняет им, что к чему, но не слишком ли это – уточнять, на чем именно кончается фильм? (сейчас это назвали бы **«спойлером»**). Потом я догадался, в чем дело: очень многие зрители уходили с сеанса, не досмотрев кинокартины. Дотерпев «Солярис» до конца, я понял, почему они это делали. Их разочаровал фильм. Откровенно говоря, меня он разочаровал тоже. Почему – об этом после. Тем горше, что этот фильм мы ждали с нетерпением: незадолго до его премьеры на рекламных стендах (старожилы Баку помнят эти длинные рекламные стенды на Торговой, рядом с Госбанком, стенды, на которых вывешивались фотографии из новых кинофильмов)

появились фотографии из фильма «Солярис» – интерьеры космической станции, актеры Донатас Банионис, Наталья Бондарчук, Юрий Ярвет, Анатолий Солоницын, Николай Гринько, Владислав Дворжецкий...

Идея экранизации «Соляриса» возникла у Тарковского в 1968-ом. После цензурных проблем с «Андреем Рублевым» работать режиссеру не давали; в этом плане научно-фантастический жанр казался Тарковскому более «проходным» у киноначальства. Расчет оправдался: проект запустили в производство, не ожидая от экранизации популярной фантастики никаких идеологических подвохов. Киноначальство к тому же рассматривало «Солярис» как своего рода советский ответ нашумевшей «Космической Одиссее: 2001» Кубрика.

Первый вариант сценария «Соляриса» Тарковский подготовил в соавторстве с Фридрихом Горенштейном летом 69-ого. В этой версии две трети действия разворачивались на Земле. Версия не устроила ни «Мосфильм», ни Станислава Лема. Лем привлекался к дальнейшей работе, обернувшейся чередой конфликтов; в итоге писатель так и остался недоволен окончательной версией сценария, готовой к лету 70-го. Еще бы: Тарковский изменил сюжетную линию романа, сместил акценты с научной проблематики на нравственную, убрал ряд важных сцен, зато ввел новых героев... короче говоря, создал, скорее, фантазию на тему оригинального романа, нежели экранизацию. Любопытно, что сценарий проходил нечто вроде научной экспертизы, консультантом выступил известный астрофизик Иосиф Шкловский; впрочем, он, судя по всему, отнесся к экспертизе довольно поверхностно... Съемки «Соляриса» начались в марте 1971 года и с перерывами продолжались до декабря. География съемок была достаточно обширной. Павильонные сцены снимали на «Мосфильме». Натурные – в Москве, в Крыму и в Звенигороде, на берегу речки Рузы. А в сентябре-октябре часть группы посетила Токио, здесь нашли эффектную многоуровневую автостраду с необходимым футуристическим типом архитектуры (тоннели, развязки, эстакады и под городом, и над ним). Таким образом, Токио сыграл роль **«города будущего»**.

Декорации картины разрабатывались «Мосфильмом» совместно с заводом Всероссийского института легких сплавов, который принимал участие в создании кое-какой космической техники, например, луноходов. Декорации космической станции «Солярис» занимали самый большой павильон студии и составляли целый комплекс (стартовую площадку для ракет, библиотеку, полукольцо станции, **«зеркальную комнату»**; правда, сцена с «зеркальной комнатой» была вырезана Тарковским из фильма). В то же время в оформлении станции присутствовали элементы материальной цивилизации Земли – книги, статуя Венеры Милосской, полотна Брейгеля-старшего, альбомы с фотографиями старинных монастырей... Художником фильма был Михаил Ромадин.

На «Солярисе» Тарковский в четвертый (и, как оказалось, в последний) раз работал с оператором Вадимом Юсовым. Режиссер и оператор постоянно спорили, чего раньше между ними не было. Фильм снимали на дефицитную пленку Kodak. С одной стороны, это положительно сказалось на визуальной стороне картины, с другой – кадры старались снимать только после тщательной подготовки, с одного дубля, поскольку количество пленки было строго ограничено.

Научно-фантастический фильм не мог, естественно, обойтись без спецэффектов. Невесомость в кадре обеспечивалась двумя штангами, на которых сидели актеры, штанги не были видны в кадре, отчего и создавалась иллюзия свободного парения. Ракета, стартующая со станции, на самом деле поднималась тросами вручную, но подъем сопровождался дымом и пламенем. Главный же спецэффект фильма – солярийский Океан – снимался в обычном тазу (!) на столе, и представлял собой смесь ацетона, красителей, алюминиевой пудры, подсвеченной особым способом и бурлящий медленно и величественно благодаря замедленной съемке... Все это – работа оператора комбинированных съемок Василия Севостьянова.

Особое место в фильме занимает музыка Эдуарда Артемьева, который в то время всюю экспериментировал в области электронной музыки и имел в своем распоряжении первый советский музыкальный синтезатор «**Синти-100**». Знаменитый мотив фильма «**Слушая Баха (Земля)**» – это фа-минорная хоральная прелюдия, переработанная Артемьевым, одна из самых одухотворенных тем в истории советского кино.

Самым сложным для режиссера был выбор исполнительницы на роль Хари. В 1970-ом Тарковский видел в качестве основной претендентки шведскую актрису Биби Андерссон. Также рассматривались Алла Демидова и Ирма Рауш (первая жена Андрея Тарковского). Однако позднее режиссер остановил свой выбор на Наталье Бондарчук и не ошибся – на съемочной площадке Наталья, которой было всего двадцать лет и у которой был мизерный опыт работы в кино, сумела затмить более опытных коллег (Баниониса, Ярвета, Солоницина).

Фильм вышел на экраны, демонстрировался на международном фестивале, был отмечен рядом престижных премий. Многие, очень многие считают «Солярис» Тарковского безусловным киношедевром. Наверное, так оно и есть. Но лично мне фильм не понравился тогда и не нравится сейчас. Кстати, Станиславу Лему фильм не понравился тоже. Я его понимаю.

В своем романе (выпущенном в 1960 году) Лем сумел выстроить интереснейшую, уникальную фантастическую ситуацию. В будущем, в далеком Космосе встретились люди Земли и мыслящий Океан – разумные существа, стоящие на крайне противоположных концах шкалы разумности. Люди, потомки степных обезьян, пришли на планету Солярис, неся в своей памяти всю историю, весь опыт земной цивилизации, а также кое-какие личные постыдные тайны, закапсулированные глубоко в подсознании. А Океан... колоссальная клетка, **протоплазма**, окутывающая планету, Океан, никогда никого не знавший, кроме себя, никогда ни с кем не общавшийся, кроме себя, никогда ни с кем, кроме как сам с собой, не игравший... Люди десятилетиями присматриваются к этой протоплазме, наблюдая, систематизируя, меняя гипотезу за гипотезой... но и Океан присматривается к этим мошкам, которые вьются над ним, щекоча его своей техникой... И Океан имеет возможность материализовать из себя все то, что содержится в памяти людей, в том числе и то постыдное, закапсулированное. И тогда каждый из людей на станции «Солярис» получает возможность лицом к лицу встретить то, с чем бы он не хотел встречаться ни за что на свете – и мучается, и сходит с ума, и даже сводит счеты с жизнью... Вот такой вот Контакт между столь непохожими носителями Разума.

Перечитывая роман, раз за разом отмечаю, как тщательно, как любовно, как мастерски описывает Лем разнообразные процессы, происходящие в Океане, а также как он, Океан, выглядит при восходе и закате двух своих разноцветных солнц... У Лема Океан – одно из действующих лиц; у Тарковского Океан служит всего лишь фоном. В этом, как мне кажется, просчет Андрея Тарковского. Он не увидел в Океане действующее лицо. Для режиссера остался непонятым «Солярис» Лема. А для меня остался непонятым «Солярис» Тарковского.

И такие разные концовки у романа и у фильма: в книге Крис Кельвин опускает руку в Океан и ощущает легкое ответное пожатие субстанции... киношный же Кельвин возвращается в дом родной и прижимается к отцу в позе рембрандтовского **блудного сына**...

Гром грянет...

Не пожалел времени, посмотрел на канале TV-3 фильм «**И грянул гром**». Я видел его и раньше, но он как-то плотно лег на упорно преследующие меня в последнее время мысли о прошлом, настоящем и будущем...

Фильм был снят в 2005 году в США, на студии Franchise Pictures, режиссером Питером Хайамсом, по одноименной новелле великого американского писателя-фантаста Рэя Брэдбери.

Как известно, у каждой американской (да теперь уже и не только американской) кинокартины имеется рекламный слоган, так называемый «тэглайн», в котором кратко сформулирована главная мысль фильма. «И грянул гром» тэглайн имеет такой: **«Некоторые правила никогда не должны нарушаться»**. Чтобы более досконально разобраться, что к чему, надо, наверное, начать с литературного первоисточника, который лег в основу фильма. Фантастический рассказ Рэя Брэдбери впервые был опубликован 28 июня 1952 года в журнале *Collier`s*. Включался в авторские сборники «Золотые яблоки Солнца» (1953) и «Р» – значит «ракета» (1964). Согласно информации авторитетного журнала *Locus*, рассказ «И грянул гром» занимает первое место по количеству переизданий среди всех научно-фантастических рассказов.

О чем же он?

Его действие начинается в Америке будущего. Богатый охотник-любитель по имени Экельс за большие деньги отправляется на сафари в мезозойскую эру – вместе с еще несколькими охотниками и в сопровождении инструктора-проводника Тревиса. Охота на динозавров – занятие престижное, как принято говорить, для самых крутых... но сафари обставлено жесткими условиями: убить разрешается лишь то животное, которое и без этого должно вот-вот погибнуть (например, будет придавлено ранее сломавшимся деревом), а перед возвращением необходимо тщательно уничтожить все следы своего пребывания в прошлом (в том числе и извлечь из убитого животного пули). Все это нужно, чтобы не повлиять на будущее. Охотники и проводник облачены в специальные скафандры и дышат взятым из своего времени воздухом, а передвигаются по специальной стальной тропе, подвешенной высоко над землей на антигравитационной подушке. Нельзя ни травинку задеть в прошлом, ни микробов туда несвойственных надышать, ибо это может внести непредсказуемые изменения в будущее. Неужели ж столь незначительные детали способны вызвать грандиозные исторические потрясения? Тревис, инструктор-проводник, утверждает, что да, способны:

«Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое изменит облик всей Земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека – смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь – и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь – и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер, Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с нее!»

Во время охоты группа встречает хищного тираннозавра, который заранее был отслежен инструкторами и вот-вот должен был найти гибель свою под рухнувшим деревом. Но Экельс впадает в панику и соскакивает со стальной полосы, тем самым грубо нарушив правила.

Повлияло ли это каким-либо образом на будущее?

Повлияло, да еще как.

Вернувшись в свое время, охотники вдруг обнаруживают, что их мир изменился! Даже орфография стала другой, а у власти вместо президента-либерала стоит жестокий диктатор... Причина этой исторической катастрофы выясняется тут же: к ботинку Экельса прилипла бабочка, которую он нечаянно раздавил, спрыгнув на землю... Взбешенный Тревис поднимает ружье. Щелкает предохранитель. Последняя фраза новеллы повторяет ее название: «...И грянул гром».

Чем же так привлекателен и интересен рассказ Брэдбери?

Тем, что иллюстрирует так называемый **«эффект бабочки»**. Правда, термин появился намного позже рассказа и совсем не связан с доисторической бабочкой, неосторожно раздавленной Экельсом. Термин закрепился после того, как в 1972 году Эдвард Лоренц, математик и метеоролог, забыл дать тему доклада на собрании Американской ассоциации продвижения науки, и ее сформулировал метеоролог Филипп Мерилис, сказавши: **«Предсказуемость: если бабочка взмахнет крыльями в Бразилии, начнется ли торнадо в Техасе?»**. Однако рассказ Брэдбери часто цитируется в работах по так называемой **«теории хаоса»**.

Википедия: *«Теория хаоса – математический аппарат, описывающий поведение некоторых нелинейных динамических систем, подверженных при определенных условиях явлению, известному как хаос (динамический хаос, детерминированный хаос)»*. Поняли что-нибудь? Самое знакомое словечко здесь – **«хаос»**; хаос – это состояние беспорядка. Ну, тогда скажем попроще: теория хаоса гласит, что сложные системы чрезвычайно зависимы от первоначальных условий, и небольшие изменения в окружающей среде могут привести к непредсказуемым последствиям. Помните? **«Предсказуемость: если бабочка взмахнет крыльями в Бразилии, начнется ли торнадо в Техасе?»**. Взмах крыльев бабочки символизирует мелкие изменения в первоначальном состоянии системы, которые вызывают цепочку событий, ведущих к крупномасштабным изменениям. Если бы бабочка не хлопала крыльями, то траектория системы была бы совсем другой...

У Брэдбери это звучит следующим образом: *«Машина времени – дело щекотливое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь важное животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида...*

...Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет, верно? Не будет потомков от потомков от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну, и не десяток, и не тысячу, а миллион, миллиард мышей!

...Не хватит десяти мышей – умрет одна лиса. Десятью лисами меньше – подохнет от голода лев. Одним львом меньше – погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющей весь мир, гонимый голодом выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, мой друг, раздавив одну мышь, тем самым раздавили всех тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе, не просто один человек, нет! Это целый будущий народ. Из его чресел вышло бы десять сыновей. От них произошло бы сто – и так далее, и возникла бы целая цивилизация. Уничтожьте одного человека – и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно, что убить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей Земли, в корне изменит наши судьбы».

Теперь понимаете, что значит **«некоторые правила никогда не должны нарушаться»**? То есть – попав в прошлое, не сходи с заранее провешенной тропы, не задень травинки, не раздави бабочки, иначе длинная цепочка причин и следствий приведет к такому изменению будущего, что мало не покажется!

Собственно, и фильм Питера Хайамса о том же. Правда, сценаристы значительно расширили сюжет и продолжили историю, сочиненную Рэем Брэдбери. Ну, начинается фильм так же, как и рассказа: Америка будущего, 2055 год, путешествия во времени стали прибыльным бизнесом и отраслью туризма для очень богатых людей, и любители экстремальных развлечений могут отправиться на машине времени в доисторическую эпоху и пострелять динозавров. Как и у Брэдбери, путешественникам и охотникам необходимо строго соблюдать правила: ничего не оставлять

после себя в прошлом, ничего не брать с собой назад и ничего в прошлом не менять, ибо даже малейшее нарушение этих правил может непредсказуемо повлиять на ход истории. Все экскурсии и сафари в прошлое контролируются специально созданным для этого Федеральным агентством управления временем. Как и у Брэдбери, динозавр, предназначенный под «дичь», обречен: он так и так должен через пять минут подохнуть в болоте, угодив под извержение вулкана... Знакомо? Знакомо. Правда, в фильме никто из охотников не может выстрелить раньше инструктора Тревиса, ибо все ружья заблокированы с ружьем Тревиса... Однако техника есть техника, даже в самых совершенных устройствах будущего может произойти сбой, и он таки происходит: ружье инструктора разблокируется, давая остальным возможность палить, когда им вздумается...

Вернувшись с сафари, охотники обнаруживают, что привычный для них мир катастрофически изменился. Причина? Все та же раздавленная в мезозое бабочка... Знакомо? Знакомо... На этом заканчивается рассказ Брэдбери, но не фильм Хайамса. В фильме подробно показано, **как** изменился мир: иным стал климат, совсем другим путем пошла эволюция растительного и животного мира, и Землю теперь населяют небывалые монстры – гигантские угри, полуобезьяны-полудинозавры, полулюди-полусумы... Планета поросла громадными растениями с ядовитыми колючками...

Что делать?

Члены экспедиции совместно с изобретательницей машины времени Соней Рэнд берутся все исправить. Они отправляют Тревиса в прошлое на несколько секунд раньше того момента, как бабочка будет раздавлена... Если все закончится благополучно, рассуждают они, то будущее останется прежним, и люди вообще ничего не будут помнить о произошедшем! Слово и не было ничего!

Ну, удалось им это или нет – не скажу. А вдруг вы фильма еще не видели, и я вам всю интригу поломаю!

Первоначально дата выхода фильма «И грянул гром» была назначена на 2002 год, но из-за сильного наводнения в Праге, где снималась картина, и из-за возникших финансовых затруднений дату перенесли на более поздний срок. В итоге кассовые сборы составили 10 миллионов долларов (против 80 миллионов, затраченных на съемку).

Р. С. Буквоеды, встречающиеся во все времена и во всех странах, не преминули заметить, что в текст Брэдбери вкралась некая палеонтологическая неточность: мол, в эпохе, куда охотники отправились пострелять динозавров, таких бабочек, к которым мы привыкли (и которых рисуют на всех иллюстрациях к рассказу «И грянул гром»), еще не существовало, и насекомое, угодившее под ботинок Экельса, напоминало скорее моль... Впрочем, пусть их. Рассказ ведь не об этом. Рассказ о том, что есть правила, которые категорически нельзя нарушать – иначе и вправду грянет гром...

Мальчик из чемодана

Из года в год в дни новогодних праздников практически по всем каналам неизменно «крутят» трехсерийную ленту **«Приключения Электроника»**. И нет, пожалуй, такого человека, который не знал бы этой истории о роботе-андроиде по имени Электроник и живом мальчишке Сереже Сыроежкине, похожих друг на друга, как две капли воды. Песни из фильма распевают по сию пору. Исполнителей главных ролей – повзрослевших братьев Торсуевых, Юрия и Владимира – можно часто видеть в разных телепередачах. Цитаты из фильма до сих пор нарасхват. Но я сейчас не об этом. Данный сериал – экранизация книги. Увы, многие люди, как молодые, так и зрелые, ошибочно считают автором книги известного советского детского писателя-фантаста Кира Булычева! Но ведь книгу про Электроника написал другой,

тоже известный советский детский писатель-фантаст – Евгений Велтистов. Сначала меня это огорчало (ну как же, **«Муму» Тургенев написал, а памятник Пушкину поставили!»**), но потом я остыл: не каждому ведь дано быть знатоком советской детской фантастики или хотя бы внимательным человеком...

Но душа моя жаждет справедливости. И, прежде чем поговорить об Электронике, я расскажу вам, любезные моему сердцу читатели, об его «отце».

Евгений Серафимович Велтистов родился в 1934 году в Москве, в семье военного инженера. В детстве (пришедшемся на годы Великой Отечественной войны) он очень много читал. Его как-то спросили, кем он хочет стать, когда вырастет. *«Продавцом детских книжек, – ответил Женя. – Чтобы прочитать все»*. Но потом он передумал и решил стать журналистом. Окончил факультет журналистики МГУ, работал в печати – сначала в газете, потом редактором отдела в популярном журнале «Огонек». Ведал фельетонами и всякой всячиной, что печаталась на последних страницах. В юмористической стенгазете, вывешиваемой в праздничные дни, Евгения Велтистова изображали так: голова на третьем этаже, туловище – на втором, а бегущие ноги – на первом. И не только потому, что Велтистов везде успевал – журналист был очень высокого роста (2 метра 2 сантиметра). Любопытно, что слово **«велтист»** в переводе с древнерусского означает «великан»... а в переводе с греческого **«велтистос»** – «наилучший»... И то, и другое было вполне применимо к Евгению Велтистову. Он был репортер, что называется, от Бога.

Помимо работы в периодике, Евгений Серафимович пробовал писать фантастику для детей и для взрослых. Печататься начал с конца 50-х. Первая научно-фантастическая публикация – «Приключения на дне моря» (1960). Потом были «Тяпа, Борька и ракета» (1962), «Гум-Гам» (1970), «Миллион и один день каникул» (1979), «Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников» (1985). Некоторые вещи он написал совместно с женой, Мартой Барановой.

Интересные сюжеты, легкий язык, яркие образы и доступное изложение самых сложных материалов сделали свое дело – со временем Евгений Велтистов стал ведущим автором советской детской научной фантастики. Но широкую известность (да что там известность – славу!) принесла ему трилогия об Электронике – роботе, созданном в облике обычного мальчишки... Первые две книги трилогии были экранизированы, что лишь умножило славу писателя. За сценарий многосерийного художественного фильма «Приключения Электроника» Велтистов в 1982 году был удостоен Государственной премии СССР (Премия за произведение литературы и искусства для детей). Также он был награжден орденом Дружбы народов и орденом «Знак Почета». Умер Евгений Серафимович в 1989 году. Такова краткая биография замечательного писателя. И, прошу вас, больше не путайте его с Киром Булычевым, ладно?

В 1964 году издательство «Детская литература» выпустило научно-фантастическую книжку **«Электроник – мальчик из чемодана»** с великолепными иллюстрациями художника Евгения Мигунова. На обложке – пожилой очкастый профессор в задумчивости склонился над раскрытым чемоданом-контейнером, в котором дремлет похожий на мальчишку робот... Книга вышла на пике популярности кибернетики, тогда практически все задавались вопросами – что же такое робот, на что он способен? А в 1979 году вышел трехсерийный телефильм режиссера Константина Бромберга, снятый на Одесской киностудии. Но почему я, вопреки мнению многих и многих, больше тяготею к книге, нежели к фильму? Попробую объяснить.

Велтистов писал свою книгу в начале 60-х, но действие ее происходит в Москве примерно 2000-го года – в школе у каждого ученика на парте стоит персональный компьютер, да и вообще в быту полно **хай-тека**, человечество покорило Мировой океан, устроило базы на Луне, подбирается к Марсу и Юпитеру... короче, светлое будущее. Бромберг же перенес действие в современную ему (конец 70-х) Одессу.

Далее. В книге Велтистова «Рэсси – неуловимый друг» (вышла в 1971-ом) герои путешествуют по разным странам (Индия, Африка, Мировой океан) и вступают в противоборство с «западным» профессором Манфредом фон Кругом. Профессор, будучи неплохим бизнесменом, создал по всему миру сеть зоопарков, в которых людям демонстрируют, наряду с живыми зверями и птицами, роботов. Роботы изготовлены столь искусно, что зрители принимают их за настоящих слонов, жирафов, львов, бегемотов, горилл; одно лишь гнетет профессора фон Круга – его механические твари бесстрастны, неземональные, и этим невыгодно отличаются от животных... Прознав, что в Москве имеется робот, умеющий проявлять эмоции (а в конце первой книги Электроник обрел способность проявлять человеческие чувства), фон Круг решается выкрасть его и отдать на растерзание своим техникам. И профессор посылает в Москву своего личного телохранителя и исполнителя самых деликатных поручений – бывшего боксера и охотника на слонов, тяжеловесного молчуна Мика Урри. Тому удается похитить Электроника и тайно вывезти его в чемодане за границу. Одного не учли злодеи: на выручку Электронику бросается им же собранный собакообразный робот Рэсси. А Рэсси, скажу я вам, это в высшей степени динамичная, совершенная и практически неуязвимая машина! Выпуская крылья, Рэсси умеет летать; выпуская ноги, подобные страусиным, он умеет быстро бегать; выпуская винт, он умеет плавать и нырять; Рэсси оснащен также выдвижным бивнем, как у нарвала, и прочими подобными штучками-дрючками... В общем, в книге начинается такое!.. Чего стоят, например, схватки Электроника, его друзей и Рэсси с **«сонными стрелками»** профессора фон Круга – охотниками, которые с помощью усыпляющих пуль добывают для своего шефа зверей по всему миру...

В фильме же Бромберга Рэсси ничем таким не обладает и внешне мало отличим от обычного эрдельтерьера (его роль «исполнил» живой дрессированный пес по кличке Чингиз); способности же кино-Рэсси вызывают скорее улыбку, нежели восхищение. Экзотических стран и сафари в фильме тоже нет. Да и похищает Электроника не **«безумный ученый»**, а обыкновенный уголовник Стамп, главарь банды гангстеров, специализирующейся на краже произведений искусства, и мальчик-робот нужен ему всего лишь как электронная отмычка для проникновения в музей...

Но не это заставляет меня относиться к фильму с прохладцей. Редкая экранизация в точности копирует книгу, изменения в той или иной степени, видимо, неизбежны. И не в том для меня беда, что режиссер сильно упростил книгу. С этим, в конце концов, можно смириться.

Понимаете, Сережа Сыроежкин в книге – любознательный, мечтательный, неординарно мыслящий мальчишка. Он часто задумывается о серьезных вещах: например, на каком языке можно будет говорить с инопланетянами, или как выглядит «зазеркалье», в котором «право» и «лево» меняются местами (антимир!), или как будет себя чувствовать обычный человек в «плоском», то есть двумерном мире... (кстати, четверть века спустя о том же самом задумается уже другой, американский мальчишка по имени Кевин – герой романа Стивена Кинга **«The Sun Dog»** (**«Солнечный Пес»**)), узревший сквозь фантастическую фотокамеру «плоский» город Полярлойдсвилль). В то же самое время Сыроежкин из книги – порядочный лодырь, прогульщик и любитель развлечений. Сыроежкин же из фильма – лишен мечтательности и фантазерства: он просто мальчик, втянутый в необычную историю и старающийся выжить из нее максимум приключений и пользы для себя...

...Трехсерийный телефильм режиссера Бромберга имел потрясающий успех. Вспыхнул новый интерес и к литературному первоисточнику. После премьеры фильма в библиотеках Советского Союза выстроились длиннющие очереди за книгой. Книгу выдавали всего на два дня. Ажиотаж! В редакцию «Пионерской правды», на телевидение на имя автора пришло около 80 тысяч (!) писем от читателей и зрителей. А потом письма и вовсе перестали считать... Трилогию о приключениях Электроника и

Сыроежкина (там есть еще и повесть «Победитель невозможного», впервые увидевшая свет в 1975-ом; в экранизации третья часть никак не отражена) перевели на немецкий, греческий, французский, японский, болгарский, вьетнамский языки. Доктор физико-математических наук, профессор Сергей Капица назвал Электроника **«Бура-тино наших дней»**, а его историю – сказкой, спроецированной на электронный век.

Но я по-прежнему предпочитаю книгу – фильму. С фильмом меня примиряют лишь добрейший Николай Гринько в роли создателя Электроника, профессора Громова, колоритный Владимир Басов в роли шефа гангстеров и неподражаемый Николай Караченцов в роли Урри (Урри-книжный и Урри-киношный – это ж небо и земля!), а также Евгений Весник в роли учителя математики Таратара. Еще мне нравятся песни из фильма – и не только бессмертный детский хит всех времен и народов «Крылатые качели», песня о собаке – преданном существе, песня о том, до чего дошел прогресс – но даже песенки бандитов (**«Давайте будем нести искусство людям: берут они охотно старинные полотна!»** или **«Я только в одном глубоко убежден – не надо иметь убеждений!»**). Напомню, что прекрасную музыку сочинил Евгений Крылатов, а тексты – Юрий Этин... Да и к цитатам из фильма я прибегаю частенько – **«Ну где же у него кнопка?»**, **«Чурбан железный! Чтоб ты заржавел!»**, **«Кто ударил шефа?!»**, **«Слушаюсь, господин пес!»**, **«Роботы какие-то... Да разве такое возможно? – Запомните: в школе возможно все!»**

Мой самый любимый эпизод из фильма – знаете какой? Похищенного Электроника гангстеры катают на машине по европейскому капиталистическому городу, показывая достопримечательности. Один из бандитов рассказывает, что когда-то, в старину, мальчик и собака спасли город от вражеского нашествия, и в память об этом горожане отлили из чистого золота фигуры мальчика с собакой в натуральную величину и установили их на шпилье высокой башни – как символ города. Посмотрев на шпиль, Электроник наивно спрашивает: **«А почему там сейчас ничего нет?»** Бандит только собирается объяснить, почему, собственно, там ничего нет, но шеф-Басов с маху запечатывает бандиту рот ладонью и со скорбным видом отвечает: **«Многое изменилось с тех пор...»** Актуально! Актуалиссимо!

И еще мне нравится шутка, придуманная кем-то из зрителей: **«Приключения Электроника» – это детство Терминатора...»**

Ради последней фразы

Я где-то читал, что весь фильм **«Кинг-Конг»** (я имею в виду самую первую версию, хотя это касается и всех последующих) затевался ради последней фразы. Мол, эта необыкновенная история с путешествием киноэкспедиции на страшный остров Черепа, дикари, поклоняющиеся гигантской горилле, сама гигантская горилла, влюбившаяся в прекрасную блондинку, драки между гориллой и динозаврами, коварное пленение Кинг-Конга и доставка его в Нью-Йорк, выставление в цепях на потеху почтеннейшей публики, бунт гориллы и ее побег, ее убийство – короче, все это было лишь своеобразным «гарниром» к последней фразе... Когда над мертвой громадной обезьяной, расстрелянной самолетами и свалившейся с небоскреба, склоняются двое нью-йоркцев, и один говорит другому: **«Его убили не самолеты... Чудовище убила красота»**.

Что ж, бывает и так. Я имею в виду, красота убивает; кроме того, иногда длинную и насыщенную приключениями (или мыслями) историю задумывают ради финальной фразы.

И коли уж упомянули Кинг-Конга... Недавно, зимой 2017-го, состоялась премьера картины «Конг: Остров Черепа» (**Kong: Skull Island**) режиссера Джордана Вот-Робертса. Фильм является перезапуском франшизы «Кинг-Конг», в нем занят настоящий звездный состав: Том Хиддлстон, Бри Ларсон, Сэмюэль Л. Джексон, Джон

Гудман. Фильм существенно отличается от прежних версий. Это уже не авантюрно-романтическая история, происходящая в 30-х годах прошлого века; это самый настоящий боевик, время действия которого перенесено в 70-е годы XX века, и поэтому на остров отправляются ученые вперемежку с военными, прошедшими Вьетнам и Лаос, а гигантская горилла сражается не только с природными чудовищами, но и с боевыми вертолетами, сшибая их чудовищной величины кулаком... Вообще же истинная цель экспедиции, отправившейся на Остров Черепа – выяснить, под влиянием какого фактора на острове все живое вырастает до гигантских размеров, а попутно изловить подходящего монстра для нужд военно-промышленного комплекса... Такой вот новый взгляд на старую историю.

(если верить американской кинофантастике, военно-промышленный комплекс США крайне нуждаются во всякого рода чудовищах – жаброчеловеке, гигантской обезьяне...)

Но хотелось бы поговорить о чем-то новом, не имеющем аналогов в прошлом... новом и серьезном.

...Я просмотрел, наконец-то, американскую научно-фантастическую картину Дени Вильнева **«Прибытие» (Arrival)**. В ее основе – повесть Теда Чана **«История твоей жизни»**. Героиня повести, лингвист Луиза Бэнкс, в процессе контакта с космическими пришельцами-**гептаподами** осваивает их язык и понимает, что для них не существует ни времени, ни истории – они знают и то, что было, и то, что будет, и живут в одновременности всего происходящего... Гептаподы следуют своей судьбе как единственно возможной и непреложной, и таких понятий, как **«свобода воли»** или **«свобода выбора»** для них просто не существует... Изучение языка гептаподов меняет и саму Луизу – отныне она ясно видит, что ждет ее саму и ее близких. Как вы думаете, легко ли жить с таким знанием?

Но то повесть. Дени Вильнев же фактически переписал книгу и вложил в нее новый смысл. Режиссера заинтересовал не столько фантастический опыт Луизы, сколько ее старания установить контакт между правительствами стран Земли. В фильме Луиза Бэнкс спасает мир и использует опыт общения с гептаподами для налаживания глобальной коммуникации на разобщенной Земле. И в повести, и в фильме доктор Бэнкс приглашена военными для того, чтобы найти общий язык с гептаподами, прибывшими на нашу планету с неясными целями, и установить их статус: туристы ли это, исследователи или завоеватели? За два часа экранного времени она вникает в устройство устного и письменного языка гептаподов, познает нелинейность времени и знакомится с печальным сценарием собственной жизни.

Поделюсь-ка я своим мнением. И начну издали. С космических пришельцев.

Спору нет, их колоссальные космические корабли бобовидной формы, вертикально висящие над Землей, сделаны мастерами спецэффектов неплохо. Но вот сами пришельцы... Безусловно, полускрытые туманом (являющимся, видимо, атмосферой родной планеты пришельцев) прямоходящие спрутообразные существа, «разговаривающие» посредством чернильных клякс, впечатляют, но... Мне несколько не понравилась угловатость их движений. У существ, напоминающих осьминогов (в данном случае – семиногов), обычно отсутствуют кости и суставы, в противном случае это будут не осьминоги-семиноги, а, например, насекомые. Я ожидал плавности движений, но щупальца гептаподов изгибались в нескольких местах, словно бы в суставах, и это живо напомнило мне старые советские киносказки, в которых чудовищ изображали куклы-марионетки, управляемые плохо замаскированными нитями... Звуки, издаваемые пришельцами из Космоса, показались мне знакомыми; потом я понял, что одни и те же звуки исторгают из себя и гептаподы из «Прибытия», и марсиане из «Войны миров», и монстры из «Мглы»... Голливудские мастера звуковых эффектов не балуют наши уши разнообразием.

Но не это главное.

По моему мнению, вся эта история с прибытием на Землю необыкновенных существ из иного мира, существ, которые знают наперед не только свою судьбу, но и судьбу каждого мыслящего существа во Вселенной, общение земной женщины с этими существами, ее, женщины, предсказанная судьба во всех ее трагических подробностях – короче, вся эта история придумана была и показана была ради последней фразы. Когда Луизу Бэнкс, предупрежденную о том, что ее родившийся в браке ребенок по достижении двенадцати лет заболеет неизлечимой болезнью и умрет (и тут не может быть никаких вариантов – раз гептаподы сказали, что ребенок умрет, то он непременно умрет!), когда Луизу Бэнкс муж, ни о чем об этом и не подозревающий, спрашивает: «**Ты хочешь ребенка?**», женщина без колебаний отвечает: «**Да**». Вот она, последняя фраза, на которой балансирует вся громада фильма «Прибытие». И в этом нет ничего плохого. Ибо фраза себя оправдывает.

Скажу еще, что всезнающие космические пришельцы являются здесь своеобразными гарантами predeterminedного будущего. То есть, их прогнозы не подлежат ни малейшему сомнению, так здесь поставлен вопрос. Я подумал: какие еще приемы мог бы применить автор, чтобы показать героиню, наперед знающую о смерти будущего ребенка, но, тем не менее, пожелавшую его зачать? Какая-нибудь пророчица, гадалка, цыганка, например? Или супер-пупер компьютер, с максимальной точностью предсказывающий грядущее? Или путешественник из будущего, посетивший нашу эпоху (ведь наше будущее для него – настоящее или даже прошлое, уж кому знать, как не ему!)? Но у любой цыганки Азы всегда найдется процент неправильных предсказаний; любой, самый совершенный компьютер может ошибиться (вероятность этого ничтожна, но все-таки существует); с путешественником во Времени вообще может выйти казус, ведь во многих фантастических произведениях будущее изменяют, предприняв какие-то действия в настоящем... короче говоря, во всех перечисленных вариантах всегда остается мизерная щелочка допуска (а вдруг дитя да не умрет!), что несколько ослабляет трагедию Луизы Бэнкс. А вот гептаподы с их специфическим восприятием времени, которые и прошлое, и будущее видят одинаково отчетливо, словно дорогу как позади, так и впереди себя, – годятся! Гептаподы – это неумолимый, неизменяемый приговор, тяжелый, как гранитная могильная плита, которую не сдвинуть слабыми детскими ручонками...

Тут, правда, возникает еще один вопрос – этического характера. Права была или неправа Луиза Бэнкс, решившая занять ребенка, который (это было известно доподлинно) проживет всего двенадцать лет? Не проявление ли это женского эгоизма, или неразумного упрямства, или какой-то глупой надежды совершенно без надежды? Не жестоко ли это – дать жизнь человечку, который обречен (сто процентно) на раннюю смерть?

А с другой стороны, что она, Луиза Бэнкс, могла поделать, если и рождение дочки, и ранний уход ее, все, все – **предопределено**? Разве у Луизы имелся выбор? Разве она в силах была что-либо изменить? Ведь ее несла неизменяемая река, в лодке без весел и руля; и бесполезно было просить, чтобы тебя миновала чаша сия, потому что она тебя все равно не минует, как не миновала в свое время и Иисуса Христа, который просил о том же самом... Эгоизм или покорность судьбе? Свобода выбора или ее полное отсутствие?

Такие вопросы постоянно встают перед каждым из нас. Одни из нас фаталисты; другие – нет. Но, благодарение Богу, нам не дано знать предначертанного – или не-предначертанного – будущего, потому что, в отличие от Луизы Бэнкс, мы не общались с пришельцами из иного мира, которые и прошлое, и будущее видят одинаково отчетливо, словно дорогу как позади, так и впереди себя...

А фильм «Прибытие» я все же рекомендую посмотреть всем любителям фантастики. Пусть он даже и снят, как мне кажется, ради последней фразы.

АЗЕР ЭФЕНДИ

Разговор с незнакомцем

– Писать стихи – какая чушь!
Бесцель словесных выкрутасов!
Поэт – властитель женских душ!..
И тонко-тканых педерастов...

– Нет, всё не так, ты ловко шьёшь!
Но мне не нужен ментор ражий.
Стих опустил ты до подошв,
А стихотворцев – ниже даже.

– Ну, что ты!.. Вы всё о луне,
О тонком, о высоком льёте!..
Душа поэта – мулине!
И в каждом есть кусочек Гёте...

Так, каждый небо на себя,
Как одеяло, тянет шустро,
И путь свой славой серебря,
Спешит на ярмарку искусства!..

Глянь, а не я ль вам подарил
Плоды, таящие угрозу?..
Поэт, на гвоздик пару крыл
Повесь! Садись чеканить прозу...
Поэзия... – что Бог пошлёт...
А в прозе – сам хозяин Слова!..

– Поверь я в этот анекдот –
И резюме твоё готово:
«Сей тип – отъявленный гордец!
Закрото дело!» – мне *писец*...

Я лёг в тени раскидистой чинары,
Но сквозь листву сочилась с неба синь...
И веяли полуденные чары,
И я кого-то будто бы спросил...

Как хорошо!.. Всё замерло в истоме...
Мгновенья кончились, остались лишь века...
Но от чего же Отче наш искомый
Нас любит – верю! – лишь издавека?..

И кто-то в белом облаке, как в тоге,
Присел у изголовья моего
И так сказал: не сомневайся в Боге,
Ты – выдумка любимая его.

Бог в лёгком ветерке, нисколько не диктуя,
Нашёптывает ласковое: Сын,
Я здесь, всегда с тобой, всегда тебя люблю я,
Я сохраняю жизнь твою и сон...

Ветер проказник, ветер шалун!
Ветер подол задирает у женщин,
Ветер бакинский порывист и юн,
Если обнимет, объятья – как клещи!

А на волнах – он лихой сёрфингист!
Прыгает ловко с гребня на гребень,
В скалах прибрежных стоит его свист –
Скалы дробит, растирает в щебень.

Некогда в мае он так завывал!..
Бился, царапал окна в отеле
Так, что Есенин концерт сорвал,
В кокон зарывшись своей постели...

Но в Мардакянском саду ветерок
Всё искупил, розой алой вея,
Он нашептал много дивных строк,
Пряностей, шёлка, любви не жалея!

О, Абшерон! царство диких ветров!
Диких ветров и нежнейших поветрий...
В недрах твоих льётся тёмная кровь,
В Девичьей Башне – все тайны поверий...

Плач по читателю

Ничто меня не тянет вверх,
Как будто нет подъёмной силы,
Как будто шквал меня поверг
И трепыханья некрасивы...

А крылья, вроде бы, целы,
Вот только машут понапрасну...
Летать не могут и орлы
По безвоздушному пространству.

«Времена года»

**Когда умён, силён, удачлив и красив,
И молод, и с хорошим аппетитом,
Жизнь стелется, как золотой курсив,
Средь судеб, мелко набранных петитом.**

**А в средние года, собирая урожай,
И яблочком похрустывая сочным...
Ах!.. далеко ещё горит пожар
Закатных облаков, промежду прочим...**

**Но золотая осень, хоть не жди,
Всегда приходит тихо, на мысочках,
И барабанной дробью бьют дожди,
По окнам рассыпая многоточия...**

**А вслед и снег глаза запорошит,
И мысль: «...ну, всё!..» закроет рот уздою...
И тихо жизнь куда-то прошуршит,
И вспыхнет на снегу упавшею звездою...**

**Как солнце осенью ненастной
Воспоминанья о тебе...
И жизнь становится прекрасной
Наперекор моей судьбе...**

**И длится-длится лето-лето...
Эльдарских сосен аромат,
Приливы ласкового ветра
И стрекотание цикад...**

**И я в глаза твои, как в бездну,
Бросаю взгляд, и он – погиб!..
А вслед за ним и я исчезну –
Несчастный маленький пиит...**

**Но будут жить воспоминанья
В струеньи безыскусных строк,
Порукой ветхого признанья,
Что в каждом слове дышит Бог!**

**Благослови мой скромный ужин:
Лаваш и сыр, и сладкий чай...
Я жив пока и не простужен,
И мнится мне, что невзначай**

Когда-нибудь, а может, скоро
Ты отворишь мне дверь в стене,
Дверь-невидимку, за которой
Мир спит на розовом слоне,
А слон, на трёх китах плывущий, –
Надёжный, верный капитан...
Ему доверил присносущий
Небесный море-океан...

Чертополох, чертополох,
И ты не плох, и я не плох.
Оба мы не злючие,
Хотя на вид колючие...
Листья сплошь пятнистые,
Но души наши чистые.
Нектар наш любят пчёлки –
Золотые чёлки.
Оба мы от Бога –
Поживём немного...

Чёрного кобеля
Не отмоешь добела.
Да и как его отмыть,
Коль родился чёрным быть.
Чёрный папа, чёрный дед –
От генетики привет!
И на чёрной-чёрной морде –
Их видать издалека –
Даже в мрак при непогоде
Грозно блещут два клыка!

В копилке лиц, бесспорно, дорогих
Есть лик, как блик, мелькнувший в одночасье...
Я было с трепетом к нему приник,
Но не нашёл горячего участия.
И разомкнул и руки, и уста...
Щека, как яблоко, была свежа, упруга...
Не знаю, может быть, я попросту устал,
И в миг угасла «чувственная вьюга».

И с удивленьем вдруг я ощутил
Зарницу радости в предчувствии Свободы...
Ах! как легко тебя я отпустил,
Оставив блик мелькать в душе на годы.

**Мы хрупкой мечты
Прутья сплетём,
Строя корабль
Лёгкий, как крик.
В трюм понабьёт
Боцман старик
Грёз, и айда
Счастья пытаться,
Мы заскользим
В море надежд,
Чуть-чуть прикрыв
Щёлочки вежд,
В сказку вплывём,
В сказку вплывём,
В сказку вплывём...**

«Колыбельная»

**Колыбельная моя
Песенка простая:
Сон окутает тебя
Танцем горностая...
Белый-белый горностай
На снегу блистая,
Сном окутает тебя,
И, во сне растая,
Заберётся на луну,
И взметнётся стая
Белых-белых лебедей,
Как метель густая...
И слетит один из них
От других украдкой
Осенит тебя крылом...
Сядет на кроватку,
Шейку гибкую согнёт,
Тихо напевая:
Колыбельная моя
Песенка простая...**

АЛИ САФАРОВ

ТАЙНЫ КНИГ

Вместо предисловия

Всё больше становится писателей, всё меньше остаётся читателей.

Народ, некогда считавшийся самым читающим, скоро превратится в самого пишущего.

Причин этому немало, главная, наверное, заключается в том, что писать стало выгоднее и легче, чем читать. Цензуры нет, а в результате многолетних стараний «писателей» литературные вкусы читательской аудитории опущены до нулевой отметки. Сняты все ограничения. Теперь главное требование к автору – не талант, а маркетинговая ловкость.

А надо сказать, что утрата литературы – катастрофа не меньшая, чем истощение природных богатств, ведь от того, какие книги человек прочтёт в течение своей жизни, во многом зависит сама эта жизнь. Ленин говорил, что произведение Чернышевского «перевернуло его жизнь». Через это «перевертывание» одна, далеко не самая удачная, книга сокрушила судьбы миллионов. Вот какая это сила! И какая нужна осторожность в обращении с ней.

Разобраться в истоках этой силы, возможно, более важно, чем научиться владеть термоядерной энергией. Ведь главный вопрос заключается в том, в чьих руках окажется эта энергия.

Сейчас говорят, будто выдающиеся учёные, такие как Альберт Эйнштейн, Никола Тесла, скрыли некоторые свои фундаментальные исследования из опасения передать их результаты в руки людей, интеллектуально и нравственно не готовых к владению такой силой. Даже если это выдумки, проблема нравственной зрелости человечества нисколько не теряет своей остроты. Опасность прогресса науки, не сопровождающегося нравственным прогрессом, очевидна. Все разговоры о том, что искусство никому ничего не должно, – мошенническая уловка. Как минимум, оно должно воспитывать в людях способность отличить это самое искусство от подделок под него. Труднейшая задача, огромный долг. Но не только это. У нас нет более совершенного инструмента самопознания, чем искусство. Живописное творчество, мировая литература рассказывают о человеке куда больше, чем исследования психологов. Призыв «познай себя» по сей день не имеет лучшего ответа, чем художественное творчество. «Тайная вечеря» рассказывает о людях куда больше, чем исследования Фрейда. Художник, писатель, артист призваны открывать нам тайны, недоступные обыденному сознанию. Но самые важные истины не могут быть целиком переданы путём простого сообщения и, тем более, банального нравоучения, приобщение к ним требует максимального усилия не только от повествующего, но и от внимающего ему. Искусство восприятия не менее значимо, чем искусство повествования. Чтобы воспринимать откровения одарённых свыше, надо научиться разгадывать их иносказания и метафоры. Рассказать интересную историю, захватывающую внимание читателя, в глубине которой таится сокровенное, – это дарование, отличающее писателя от мошенника-графомана. Думаю, даже сами гении не всегда вполне осознают весь глубинный смысл своих откровений. Ведь, как говорил старец Зосима из романа «Братья Карамазовы», «...корни наших мыслей не здесь, а в мирах иных».

Каждая настоящая книга имеет свою тайну, своё скрытое сообщение читателю. Надо только научиться разгадывать эти тайны. Вот поистине увлекательное и захватывающее занятие!

Я не имею права на высказывание идей, доказательства правоты которых могут вызывать сомнения у добросовестного, но критически настроенного и образованного читателя. А именно к такому читателю я обращаюсь. Будучи человеком преклонного возраста, сыном небольшого народа, и не имея никаких званий и степеней, я должен быть предельно доказательным в суждениях. Как показала практика обсуждения идей, изложенных в моей книге, главным и досадно единственным возражением является вопрос: «Да кто ты такой, чтобы иметь суждения! На это есть специалисты с дипломами и учёными степенями». К счастью, это правда, такие специалисты ещё есть, но ведь книги написаны для читателей, а не для литературоведов. Почему же читатель не может иметь права на свой взгляд?

Кроме того, и в первую очередь, степень ответственности за мои суждения во много раз повышена от того, что на мне лежит ответственность за научную репутацию моего соавтора, молодого человека, посвятившего свою жизнь серьёзной науке. Много из того, о чём хочу рассказать, появилось на свет благодаря обсуждению и дискуссиям с Анастасией Селементевой, и этот факт ставит передо мной серьёзную проблему: не указав фамилию соавтора, я поступаю нечестно, указав же её, тем самым сразу и неотвратимо подвергаю Анастасию риску разделить со мной участь всякого, кто имеет смелость сообщить о новом взгляде на привычные предметы научного рассмотрения. Думаю, наиболее правильным будет просто сказать, что роль Анастасии в рождении и формировании публикуемых мной соображений была очень велика. Но вернёмся к теме об искусстве чтения. И приведём примеры результатов заинтересованного и живого чтения. Для начала обратимся к творчеству Ильфа и Петрова и Булгакова. Так проще научиться видеть скрытое, эти авторы не слишком глубоко его прятали, порой даже будто нарочно оставляя на виду ключи к тайникам. Принято считать, что романы Ильфа и Петрова просто произведения, забавно повествующие о похождениях некоего мошенника, Остапа Бендера, а роман Булгакова «Мастер и Маргарита» полон мистики и чертовщины. Думаю и берусь доказать, что всё не так просто. Произведения Ильфа и Петрова – глубоко мистические, они полны сокровенных тайн, а роман Булгакова – бытовой, повествующий о простых людях и их жизни.

Вечный великий комбинатор

Роман «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова – типичное произведение, повествующее о поиске сокровищ. «Золотой телёнок» – плутовской роман. Вторая книга представляется слабее первой. Блекнет и сам главный герой дилогии, Остап Бендер, деградирует из искателя сокровищ до шантажиста. В «Стульях» он романтичный авантюрист, блещущий остроумием. В «Телёнке» – алчный вымогатель. Во втором романе удалась лишь образы трёх мелких жуликов: Балаганова, Козлевича и Паниковского, они – живые люди, существующие среди манекенов. Они да ещё один эпизодический персонаж, старик Синицын, дед совершенно манекенной девушки Зоси.

Главная причина притягательности этих книг заключена в мистической и довольно сумеречной тайне.

Начнём с названий. «Двенадцать стульев». Двенадцать – одно из ключевых чисел нумерологии. Двенадцать созвездий зодиака, двенадцать апостолов.

Можно было бы посчитать это название случайным, если бы имя второго романа тоже не было бы столь связанным с тайноведением. Золотой телец – это идол, которому поклонялись евреи в отсутствии пророка Моисея. Он – антипод божественному. Символы тельца и льва – самые распространенные среди зооморфных

символов. Крылатый бык ассирийцев далеко не самое древнее свидетельство этому. Бык появляется ещё в пещерных росписях и через тысячелетия прослеживается в бесчисленных примерах. Микенские росписи, мистический бык орфиков, в индийском эпосе «Калила и Димна».

Названия романов – скрытый знак, предупреждающий о тайне. Носитель тайны – главный герой обоих романов, человек с причудливым именем – Остап-Сулейман Берта Мария Бендер бей. Или, коротко, Остап Бендер. Он – единственное связующее звено двух книг. Это очень странно, ведь в конце первой его убивают. Но, как ни в чём не бывало, он появляется во второй. Кроме устойчивости к смерти Бендера отличают две особенности: мы ничего не знаем о его прошлом, и он не имеет постоянного пристанища.

Манера повествования авторов такова, что о прошлом каждого, даже эпизодического героя мы узнаём множество подробностей. Эти длинные описания являются одним из слабых мест романов. Живущие в нескольких строках Скумбриевич и Паламидов тащат за собой истории их жизней. На прошлое отца Фёдора потрачено более шестисот слов. Куда подробнее предыстории Воробьянинова и Корейко. Биография же Остапа укладывается менее, чем в пятьдесят слов. Из неё мы не узнаём ничего, кроме того, что его отец был турецкоподданным. Подданным турецкой империи мог быть кто угодно: араб, грек, армянин, иудей, болгарин. О тех, кто играет в повествовании второстепенные роли, мы узнаём много, даже излишне много, а о главном – ровным счётом ничего. Его словарный запас, манера речи, особенно некоторые реплики, указывают на высокий образовательный уровень. Откуда бродяга, чьё семнадцатилетие пришлось на революцию, мог знать о существовании Заратустры? Тем более о том, что этот самый Заратустра не позволяет бить рыло Паше Эмильевичу.

Итак, он бессмертен и широко образован, прошлое его неизвестно. Кто же он, кавалер таинственного антибожественного ордена Золотого тельца? Ответ – в истории, рассказанной им журналистам в литерном поезде. А история эта об Агасфере, Вечном жиде, убитом – в который-то раз! – петлюровцами. Оказавшись среди профессиональных охотников за сенсациями, Остап, по природе своей позёр, склонный к производству эффекта на окружающих, не выдерживает и рассказывает свою сокровенную историю, оставаясь, конечно, анонимным. Вот прямая речь Бендера: «Не так давно старик (Агасфер) проживал в прекрасном городе Рио-де-Жанейро, пил прохладительные напитки, глядел на океанские пароходы и разгуливал под пальмами в белых штанах. Штаны эти он купил по случаю восемьсот лет назад в Палестине у какого-то рыцаря, отвоевавшего гроб господень, и они были ещё совсем как новые».

Напомню первую фразу, которую мы слышим от Остапа в этом романе: «Нет, это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже». Кому может прийти в голову мысль сравнивать российский провинциальный городок со столицей Бразилии? Конечно же, только тому, кто не так давно проживал там, пил прохладительные напитки и всё остальное по тексту.

А вот что произошло с Агасфером дальше: «Аккурат в 1919 году Вечный жид в своих рыцарских брюках нелегально перешёл румынскую границу». Дальше мы узнаём, что Агасфер был схвачен петлюровцами и убит. «Молчи, жидовская морда, – радостно закричал губатый атаман. – Рубай его, хлопцы-молодцы! – И вечного странника не стало. Вот и всё, заключил Остап».

Всё, да не всё. История эта определённо рассказана от лица человека, присутствовавшего при убийстве. На это указывают подробности: губатый атаман, радостно закричал, и другие, не могущие быть известными тому, кого там не было. Значит, либо Остап был в числе петлюровцев, либо... Либо конец истории об Агасфере – жителе города Рио стал началом истории об Агасфере – Остапе Бендере. Ведь сколько бы его ни убивали, Высший судья присудил ему жить до Страшного суда. И своево-

лие мелкого атаманчика, конечно, не может отменить божье наказание. Дальше было так: прожив в советской стране одиннадцать лет, Остап – Агасфер соскучился по «прекрасному городу Рио». На протяжении всего романа он несчётное количество раз говорит о своём стремлении попасть туда. Разбогатеет, решается, и какой выбирает маршрут? Конечно же, испробованный, тот, по которому пришёл. Через румынскую границу. Пересекая её, он оба раза несёт контрабанду. Вот он идёт сюда: «Стоит ли говорить о том, что на животе у него хранилось восемь пар шёлковых чулок и флакон французских духов». Вот идёт отсюда: «Особенно трудно было передвигаться с золотым блюдом на животе». Привычка – вторая натура. Здесь отмечу, возможно уже и излишне, что никто, кроме самого бессмертного контрабандиста, не мог знать точное количество пар шёлковых чулок, спрятанных у него на животе. Случайный рассказчик сказал бы: «несколько». Кажется, авторы ведут игру с читателем, как преступник со следователем, специально оставляя на виду явные улики.

Но, конечно, если бы не минутная слабость Остапа в литературном поезде, когда, желая блеснуть своей осведомлённостью, он рассказывает подлинную историю об Агасфере, которую никто, кроме самого Агасфера, знать и не мог, мы никогда не узнали бы правды о Великом комбинаторе. Все решила создавшаяся ситуация, поезда так располагают к откровению. В другой раз, в вагоне, он расскажет комсомольцам о своём миллионе. В отличие от юных комсомольцев, журналисты оценили рассказ Бендера по достоинству. Это подлинная сенсация, и оборотистый Генрих тут же продаёт её американцу-сионисту за сорок долларов. Он имеет на это право, ибо именно его глупая болтовня о комсомольцах Адаме и Еве, о новом Авеле и новом Каине и, наконец, о Вечном жиде так проняла Остапа, что он не удержался, открыл свою тайну. Нет, ну а кто бы удержался, когда в его присутствии начинают авторитетно говорить всякую ерунду о нём же самом! Ведь Агасфер во всём – самый обычный человек, пожалуй, только отношение к вечности отличает его от нас. Он обременён ею. Шутливо, но искренне он признаётся Козлевичу: «...Я не хочу жить вечно. Я хочу умереть».

Вспомним, что это говорит тридцатилетний авантюрист, охотник за богатством. Едва ли ему могло прийти в голову что-то подобное. А вот Вечному жидам – вполне. Он просто должен был когда-то проговориться, высказаться по самому большому вопросу. Рядом оказался Козлевиц.

Впрочем, он и раньше, в ещё более молодом возрасте, ещё в бытность свою охотником за сокровищами, спрятанными в стулья, проговаривался, позволял себе странные высказывания. Примечателен его диалог с Воробьяниновым по поводу предстоящей женитьбы Остапа на мадам Грицацуевой.

«– На всю жизнь! – прошептал Ипполит Матвеевич. – Это большая жертва.

– Жизнь! – сказал Остап. – Жертва! Что вы знаете о жизни и жертвах? Вы думаете, что если вас выселили из особняка, вы знаете жизнь?»

Воробьянинов был предводителем дворянства, поездил по миру, вероятно, его жизненный опыт должен быть несравненно богаче, чем опыт юного проходимца, пусть даже очень ловкого и энергичного, но, по определению, молодого и необразованного. О жизни и о жертвах старый Воробьянинов знал, конечно, больше Бендера. Бендера, но не Агасфера.

Скрыв своего героя под псевдонимом, Ильф и Петров сделали очень сильный ход, перекрывающий все перечисленные художественные недостатки их произведения. Произшло главное – книга приобрела Тайну.

Очень ярко дана тема о бесприютности Остапа. Настолько, что если даже исключить все приведённые прямые доказательства его идентичности с Агасфером, все равно придётся признать их тождество в отчаянном и безнадёжном поиске пристанища.

«И снова Остап провел день на извозчике, с нетерпением дожидаясь курьер-

ского поезда, где можно умыться, отдохнуть и почитать газетку». «Великий комбинатор провёл пятнадцать ночей в разных поездах, переезжая из города в город, потому что номеров нигде не было».

Для Великого комбинатора задача с нахождением свободного номера в советской гостинице – пустяк: десятка администратору, вот и всё. Только магическая сила проклятия могла помешать дать взятку и обрести покой. Та инстанция, что обрекла его на вечные скитания, взятку не берёт. Замените слова «Остап» и «Великий комбинатор» на Агасфер, и всё встанет на свои места.

Знание истинного имени главного героя романов Ильфа и Петрова помогает понять причину сверхпопулярности диалогии. Интуитивно ощущаемая тайна влечёт читателя. При этом, повторю, первая и вторая книги не равны по художественной ценности. Первая – смешная и даже лиричная, вторая – схематичная и натянутая. Неудивительно, ведь в «Стульях» загадывается загадка, в «Телёнке» – хоть и скрытая – отгадка. Образ ребусника Синицкого дан неслучайно.

Тайна Остапа – не единственная в первой книге, там есть ещё два других соискателя сокровищ, Воробьянинов и отец Фёдор.

Почему блестящего Агасфера сопровождают два этих ничтожных человека?

Случайно ли они представляют привилегированные сословия разрушенной России?

Физическое истребление представителей этих сословий не устранило опасности превращения их в легенду, а лишь усилило её. Время стирает детали, в исторической памяти остаются наиболее характерные признаки персонажей и явлений. Трудно опровергнуть, что ум и дух человека в России девятнадцатого столетия трудились с максимальным напряжением. Роль высших сословий в этом тяжком и радостном труде была, бесспорно, ведущей. Жалкие попытки сбросить Пушкина с парохода истории лишь разоблачали тех, кто стал новой элитой, а именно разоблачений они больше всего боялись.

Как строить «новую жизнь», как воспитывать «улучшенного человека», имея таких предшественников-врагов? Побеждённых, но не превзойдённых. Так появился соцзаказ на осмеяние дворянства и духовенства. Это очень древний и действенный обряд. Наряду с казнью и изгнанием комическое пародирование – одна из самых суровых мер социальной защиты. Передразнивая за трапезой струсившего охотника, шаман навсегда лишал его шанса занять высокое положение в родовой иерархии.

Пародия на богослужение лежит в основе культа сатаны, цель которого – высмеять духовное, обратив его в непотребное. Рисуя пародийные образы предводителя дворянства и священника, Ильф с Петровым лишали шанса на возрождение духа побеждённой России. Ловко вонзают они булавки сатиры в эти фигурки для колдовства.

Юноша или девушка, с увлечением прочитавшие «Двенадцать стульев», пойдут ли в церковь, на пороге которой стоит, пусть незримо, алчный дурак Фёдор Восстриков в утином картузике, с косо обрезанной бородой?

Описывая ухаживания Воробьянинова за молоденькой вегетарианкой Лизой в зеркальном зале ресторана «Прага», авторы поднимаются до высот почти сервантесовских, с той лишь разницей, что смешного Дон Кихота невозможно не любить, а смешного Ипполита невозможно не презирать. И тут же они проговариваются, выдают свои цели в реплике: «Если бы старгородские заговорщики видели гиганта мысли и отца русской демократии в эту критическую для него минуту, то, надо думать, тайный союз «Меча и орала» прекратил бы своё существование». Ну, так ведь Ильф с Петровым его и показали в эту самую «критическую минуту», предотвратив тем самым появление множества подобных «союзов». В «Золотом телёнке» объектом ритуального осмеяния становится третий социальный тип из прошлого – Васисуалий Лоханкин, разночинец. Лоханкин выведен особенно беспощадно – месть за его по-

пытку понять происходящее вокруг безумие. Именно попытки размышлений вызывают у Ильфа и Петрова неадекватно злобную реакцию. Думать?! Не велено. Злобные стражи победившего режима со свирепым урчанием набрасываются на беззащитного Лоханкина и рвут его на куски.

Было ли выполнение социального заказа осознанным? Безусловно. А как иначе могли авторы претворить в жизнь главную свою идею – описание приключений Агасфера в советской России? Ну кто бы взялся напечатать такое произведение, не замаскируй они главного героя под остроумного «сына турецкоподданного». Только втиснувшись между осмеянными попом и предводителем дворянства, в сопровождении жалкого интеллигента-разночинца мог проскочить Агасфер в советскую литературу того периода.

Прежде чем осуждать их за конформизм, попытаемся представить, насколько сильно одержимы были они идеей сделать роман о Вечном жиде. Творческая цель оправдывала политические средства.

Да, пришлось идти на хитрость, прятать главную свою идею, загадывать загадки. Старик Сеницкий, четвёртый из удавшихся образов «Телёнка», всё время «давал маху», сочиняя идеологически незрелые ребусы и шарады. Вроде, всё как надо, а вот идеологическая сторона загадок Сеницкого всё время становится препятствием для их публикации. Этот образ потому, возможно, и получился живым, что в нем отразились проблемы самих авторов, сочинителей ребуса, ключевым словом которого было запретное имя – Агасфер. Отдадим им должное, немало приложили они усилий, чтобы оставить на виду ключи к разгадке тайны своих книг. Начиная с уже упомянутой первой фразы Остапа в «Золотом телёнке» и кончая последней: «Граф Монте Кристо из меня не вышел, подамся в управдомы». Сколько сотен раз надо было сменить своё обличье, чтобы научиться с такой лёгкостью это делать! Не граф, так управдом, какая, в сущности, разница. Ведь впереди – вечность. Ещё отмечу, что история о том, как Бендер, попав под лошадь, отделался лёгким испугом, не может служить доказательством его бессмертия, поскольку точно такая история случилась уже в русской литературе с героем чеховского рассказа «Радость» Дмитрием Гулдаровым, коллежским регистратором. Он тоже попал под лошадь и, отделавшись лёгким испугом, обрёл «славу»: этот случай был описан в газете. Необязательно быть Агасфером, чтобы остаться невредимым в подобном случае. Факт плагиата налицо, но это лишь мелкая деталь, впрочем, весьма характерная. Теперь попробуем собрать воедино главные доказательства тождества.

Остап Бендер остаётся в живых после того, как ему перерезали горло, он мечтает о Рио-де-Жанейро – городе, в котором недавно жил Агасфер, авторы старательно скрывают прошлое главного героя своих романов, он необъяснимо хорошо образован, и он откуда-то знает подлинную историю приключений Вечного странника, якобы закончившуюся в России в девятнадцатом году. Став, наконец, богачом, Остап – Агасфер так и не обрёл пристанища. Божье проклятие сильнее денег, вечное странствие продолжается. Агасфер не может купить себе покой, как бы ни был он богат. Вдобавок к этим доказательствам, Остап несколько раз проговаривается, что не хочет жить вечно, что знает о жизни и жертвах больше умудрённого опытом старика. Можно предположить, что более компетентный и внимательный исследователь обнаружит и другие детали тайнописи Ильфа и Петрова.

Печорин против «МАССОЛИТА»

В книге Булгакова «Мастер и Маргарита», напротив, присутствует лишь флёр мистики, на самом деле книга – о простой жизни разных людей. Все её персонажи – люди. От чёрта и до Бога, от Мастера и до Крысобоя. Тайна этой мистической книги в том, что мистики в ней почти нет. А чего только не напридумывали про произве-

дение Булгакова! И «евангелие от сатаны», и кладезь эзотерических знаний, и самая загадочная книга двадцатого века. Интересно, насколько и критика, и апологетика романа являются продолжением той линии, которую проводили Ариман, Лаврович и Латунский, описанные Булгаковым как гонители Мастера. «Вылазка врага» – писал Ариман, «пилатчина» – вторит Лаврович, «воинствующий старообрядец» – заключает главный супостат Латунский. То же и сейчас, только с другим уклоном – «пропагандист сатаны», «духовный релятивист», и всё опять на уровне бездоказательной истерики. Не могу удержаться, чтобы не привести примеры «убедительности» попыток разгадки тайн этой книги. Один исследователь, доказывая связь образа Мастера с украинским философом Сковородой, приводит описание портрета философа: «На нём изображён темноволосый бритолицый человек с острым носом, его стрижка в «кружок» напоминает черную круглую шапочку булгаковского героя». Другой в качестве доказательства родства образов Иуды и Майгеля приводит скрип их обуви.

Стрижка напоминает шапочку. Штилеты скрипят как сандалии. Но скрипучая обувь и у Эртуса из рассказа «Ханский огонь». О чём это говорит – только о том, что скрип обуви раздражал Булгакова, вот и всё! Обсуждение всерьёз идёт на уровне подобных галлюцинаций. И это обсуждение третьестепенных деталей не только плохо кормит литературоведов, но, что важнее, позволяет скрыть главное.

Но даже и на этом уровне найдено уже достаточно, чтобы увидеть действительную тайну этой книги. Приведу эти находки. Первая: Иешуа Га-Ноцри – человек-бог, а не богочеловек, каким описан его прототип в евангелиях. (Это ставится в основную вину Булгакову клерикальной критикой.) Вторая – главным героем многие специалисты называют не Мастера, а Воланда. Названных двух пунктов, пожалуй, достаточно. Признав Воланда главным героем, а Иешуа человекобогом, следующим шагом мы должны признать, что главный герой «Мастера и Маргариты» – человеко-чёрт. То есть он настолько же чёрт, насколько Иешуа – бог. Человеческого в нём куда больше, чем сатанинского.

Демонология, как область знания, основывается не на научных методах, а на мнениях авторитетов. Так вот, все авторитеты едины в описании главного признака демона, а именно маниакальной ревности людей к Творцу.

Единственным его настоящим интересом является ловля заблудших душ. Ну и кого же улавливает Воланд? Да никого! Ну что это за искуситель, который советует никогда ничего не просить?! Да ещё его совет обращён к женщине, слабому существу, простительнице по природе. Если рассматривать Воланда как характер, то он вообще просто человек, тип которого взят автором из прошлого, из золотого века России – девятнадцатого. Представим, что Печорин не умер в Персии, а дослужился до генерала, вышел в отставку и был перемещён «гипнозом» Булгакова в Москву тридцатых годов двадцатого века. Всё в образе Воланда выдаёт его национально-классовую принадлежность: по-европейски образованный, он, тем не менее, склонен к тирании, но тирания эта не на восточный, а на русский манер, когда тиран для челяди – всё: и повелитель, и отец родной, и судья, и заступник.

Да и вообще, зачем чёрту челядь, если только это не русский чёрт? Его английский коллега путешествовал бы со слугой, таким невзрачным доктором Ватсоном, французский взял бы с собой Манон, черт немецкий – фотоаппарат, с целью останавливать прекрасные мгновения. Только русскому надо, чтобы и шут, и женщина, и мордобивец, и даже абсолютно ненужный переводчик свои были, крепостные. Кстати, и вся эта компания ведёт себя согласно статусу – чего стоит сообщение Коровьева, что он «ихний переводчик». Воланд устраивает балы, театрализованные представления, путешествует. Не такими ли средствами гнали свой сплин русские бары? А его сибаритство: «вино какой страны вы предпочитаете в это время суток»? Кто бы ещё придумал такое, кроме человека, тоскующего по новым впечатлениям в своём имении, затерянном в необозримом русском пространстве.

Очарование Воланда, то, что ставится в вину Булгакову, как пропагандисту сатаны, не в широте его возможностей, что было бы вполне по-демонически, а в широте натуры – а это как раз видовой признак русской аристократии. И признак этот главный, основополагающий, это вам не манера стрижки и не скрип обуви, а то, что определяет личность.

Он не только не увлечён мелочной охотой за бедными пропащими душами, но и вообще по-барски безразличен к делам черни, даже и торжествующей. Сетует, правда, что квартирный вопрос их испортил. Испортил по сравнению с теми, какими они были раньше – когда?

И вообще, почему испортил, вроде приблизил к нему, то есть улучшил – на чертовской-то вкус. Но дело в том, что он совсем не чёрт. Тот суетлив – этот спокойно-властен. По всем признакам, это барин-крепостник из начала девятнадцатого века. Воланд – один из немногих русских персонажей московской линии романа. Мастер, Иван Бездомный, Стёпа Лиходеев – их немного. Подавляющее большинство – не русские. Берлиоз, Майгель, Ариман, Лаврович, Латунский, Квант, Римский, Алоизий Могарыч... И выходит так, что все неисправимые пакостники относятся к большинству, а среди русских законченных негодяев нет. Иван Бездомный, невежда в начале повествования, становится профессором, а пьяница и бабник Степа Лиходеев «...стал молчалив и сторонится женщин». Оба исправились. Да и Воланд воспринимает москвичей по национальному признаку – свои ближе. Берлиоз с Бездомным в один голос заявляют о своём атеизме, но Берлиозу за это – голова с плеч, а с Бездомным Воланд даже связываться не стал, хоть тот и пытался на него облавой пойти. Так высокомерный породистый барбос брезгливо уклоняется от атак визгливого щенка, не причиняя тому вреда – своя все-таки кровь!

Расправа с Лиходеевым – тоже минимальна: подумаешь, переброевал в Ялту. Не в Воркуту же переброевал Воланд непутёвого Стёпу! А вот Майгель схлопотал пулю. И в этом эпизоде истинный смысл романа заявляет о себе уже во весь голос, просто криком кричит. Ну не будет сатана убивать доносчика, самого первого и верного своего раба, за что? А вот русский генерал, воспитанный в «нравах гвардии», – мог. И очень даже мог. Увидел такого ловкача, не выдержало старое честное сердце – взял и пальнул. Особенно мог, если перед тем как пальнуть, «предпочел» бокал-другой вина какой-нибудь дальней жаркой страны. Ну, не сам, так приказал, и пальнули – барин, он и есть барин.

Представляя Воланда, Булгаков называет его иностранцем. Не почувствовать в этом иронию может разве что профессиональный литературный критик. Тем более, что тема о русском барине, под видом иностранца возвращающемся в советскую Россию и застающемся в своём родовом имении следы пребывания некоего Александра Абрамовича Эртуса, была поднята Булгаковым ещё в 1923 году.

«Почему же именно Эртус, а не кто-нибудь другой запечатывает мой кабинет?» – задаётся вопросом князь Антон Иоаныч Тугай-Бег Ордынский, инкогнито вернувшийся в облики иностранца. Короткий рассказ «Ханский огонь», в нём законный хозяин обещает повесить захватчика. В будущем. А пока сжигает отчий свой дом. Воланд, вернувшийся через тринадцать лет, не вешает, но рубит головы и стреляет, выполняя план мести русского аристократа, потомка ханов и князей. И огонь, уничтоживший гнездо МАССОЛИТа, дом Грибоедова, – тоже ханский, это то же пламя, что сожгло дом Тугай-Бега. Воланд – точно такой же иностранец, как Антон Иоаныч, такой же иностранец, как Коровьев – переводчик. Сходство образов Тугай-Бега и Воланда замечено и признано литературными критиками, но, насколько мне известно, никто не увидел в этом сходстве указания на национально-классовую принадлежность последнего. А ведь лежит на поверхности. Даже Ваня Бездомный, человек недалёкий и дикий в начале романа, понимает это: «Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмиг-

рант, перебравшийся к нам». Бездомный догадался о том, что не увидели корифей-литературоведы.

Имя героя рассказа – не случайно, оно как у Деникина, только для маскировки Иван заменён на Иоана. Антон Иванович – так написать было нельзя. А вот родной его брат, Павел Тугай-Бег – по отчеству Иванович.

Антон Иванович Тугай-Бег Ордынский – порождение и природный хозяин симбиоза Руси и кочевой Степи, названного Россией. Для доказательства факта слияния Руси и Орды Льву Гумилёву понадобились толстые тома научных трудов. Булгаков поступает проще, он развешивает на стенах кабинета Тугая портреты предков – царей и ханов. Картина налицо. И вот он, Антон Иоанович Тугай-Бег, соль своей родной земли. Но вдруг возникает человек и печатывает его кабинет. Его имя – Эртус – хозяин усадьбы произносит с ненавистью. Переживания по поводу данного события впоследствии легли в основу романа «Мастер и Маргарита». Псевдоним, под которым Булгаков начал работу над этим своим романом, – Тугай. Нужны ещё доказательства, с кем он себя ассоциировал?

Вот кто по национальности Воланд. И ещё одна косвенная, но всё же улика – и у Воланда, и у Тугая есть массивный золотой портсигар. Мелочь, возможно, и случайность, но в свете прямых доказательств портсигар из благородного металла сверкает ярко. Воланд – иностранец?!

Дело в том, что пафос произведения Булгакова – не религиозно-мистический, а национальный. Можно негодовать по этому поводу или, наоборот, аплодировать, но это так, а не иначе. Именно такая направленность делает Булгакова идейным наследником выдающихся русских писателей, и в первую очередь сатириков. Михаил Афанасьевич Булгаков из того же ряда величина, как и другие классики русской литературы. И по мастерству, и по идеологии. Но писал он в другое время, во главе государства стоял грузин, в политической и творческой элите русские составляли малую часть. Заявлять прямо о своих истинных пристрастиях в стране Иванов, оказавшихся Бездомными, было нельзя. Вот и пришлось прибегнуть к аллегориям, выражать свои мысли и чувства через посредничество Пилата: «ненавистный город», через действия Воланда, беспощадно казнящего распоясавшихся Берлиоза и Майгеля, но ставящего на путь перевоспитания заблудших Бездомного и Лиходеева. Был ли Булгаков таким же иноненавистником, как классики девятнадцатого века? Нет. В десять раз сильнее была его ненависть. Потому что та фобия основывалась на эстетическом невосприятии, а отношение Михаила Афанасьевича сформировалось на твердой бытовой основе и вдобавок постоянно подпитывалось их нападками. А быт прочнее эстетики, даже когда речь идёт о гениях. Кроме того, в отличие от Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Булгаков должен был прятать своё чувство, а ничто так не способствует росту ненависти, как необходимость её скрывать. Иногда это не совсем удаётся, мастер признаётся: «Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского или литератора Мстислава Лавровича...». Сильное это чувство – ненависть.

Тайна «Мастера и Маргариты» заключена в том, что в центральном образе – Воланда – изображён собирательный портрет барина-крепостника, «вечного боярина», с удивлением рассматривающего страну победившего социализма. Засилье инородцев и черни слегка раздражает его и вызывает удивление – стоило ли копыа ломать? Все разговоры о «новом» человеке – это пустой звук. Люди как люди. Мистика здесь имеет лишь декоративное назначение, она нужна автору для того, чтобы посмотреть на его современность глазами «героя прошлого времени»

Отношения Михаила Булгакова, происходящего из семьи православного священника и являющегося духовным наследником великих насмешников прошлого, с московской творческой интеллигенцией просто не могли не прийти к конфликту. В этом конфликте нет абсолютно правой стороны.

В этом конфликте Булгаков оказался в сокрушительном одиночестве. Потому и пригласил, пусть хоть на страницы своего романа, подмогу из времени, когда публикации литературных произведений зависели от г.г. Пушкина и Вяземского, ну или от Панаева с Некрасовым, а не от товарищей из МАССОЛИТа. Неслучайно черти, явившиеся предать ханскому огню МАССОЛИТовский вертеп, представились Скабичевским и Панаевым. Один чёрт – литературный критик, другой чёрт – издатель. Жили оба в девятнадцатом веке. Взяли и спалили логово серости и агрессивной бесталанности, а что ещё могли сделать с этим притоном остроумные и решительные литературные черти?

Есть ещё два весомых аргумента в защиту замечательного романа от обвинений в ереси. Первое – он очень весело написан. «Печальный демон, дух изгнания» не мог вдохновить автора такой весёлой и остроумной книги.

Аргумент второй: настоящий повелитель ада, появившись он в Москве, не стал бы освобождать себе жилплощадь путём устранения Берлиоза и Лиходеева, а отправился бы прямо туда, где вершатся действительно большие дела. Кстати, давнишних его друзей, Каиф и Иуд, за кремлёвской стеной на тот момент было не меньше, чем в писательской среде. В реальной жизни чародей средней руки Вольф Мессинг, оказавшись в Москве, сразу попал туда, на вершину власти, что же говорить о самом Мессире Воланде. Но Воланд дьявол не настоящий, если и не игрушечный, то, как минимум, художественный. Поэтому и действует по художественной части. Остальное его мало интересует.

В утешение критиков «Мастера и Маргариты» следует отметить, что есть в этом произведении неудача. Эта неудача – женские образы.

Вот Гелла из числа крепостных Воланда. О ней по прочтении романа вообще сказать нечего, кроме того, что, будучи голой, она во время разговора с застенчивым буфетчиком Соковым поставила ногу на стул. Разве можно сравнить её с яркими и живыми Фаготом, Азazelло и Бегемотом. Их не забудешь, а Геллу и не вспомнишь.

Так же схематичен образ Маргариты. Ей тридцать лет, она богата, красива, и у неё нет детей и занятия. Но есть служанка-полуподруга. Очень опасное сочетание, которое просто не может не выгнать женщину на улицу весной с букетом мимозы на поиски приключений. Если не сейчас, то когда? Молодость подходит к концу. Предательство мужа происходит не до начала «великой» любви, наоборот, эта любовь есть плод предательства занятого человека, обеспечившего такое завидное её благополучие. Знакомство с Мастером начинается с пошлой и жеманной фразы: «Нравятся ли вам мои цветы?» Так и хочется ответить в тон, пошлостью: «Какие?»

Но дело, конечно, не в высоте моральных принципов, а в том, что, несмотря на обильные дифирамбы, которые Булгаков вкладывает в уста окружающих эту даму мужчин и чертей, мы не видим ни одного дела или слова, подтверждающего необычайность её натуры и её любви. Наоборот, ловкая и вполне прозаическая женщина. А слова о ней – просто дьявольская лесть.

«Понимаю... Я должна ему отдаться...», – опережая речь Азazelло, догадывается она. Причем догадывается столь поспешно, что даже простой крепостной чёрт в ответ «как-то надменно хмыкнул». Слова и дела этой женщины, если отделить их от оценки автора, иногда постыдны и всегда ординарны. Можно представить Мастера и Воланда в обществе Онегина, Печорина или Вронского. А вот в ряду женских образов русской литературы, вопреки мнению апологетов романа, места для Маргариты не предусмотрено. Благородная Татьяна, дикая девочка Белла, искренняя Наташа и противопоставленная ей фальшивая красавица Элен, жертвенная Анна, сладко развратная Грушенька и «роковая» (по определению брата Мити) Катя из романа «Братья Карамазовы» – мы их знаем, будто живых. Маргарита не из их числа, она безлика. Хотела утопиться? Ой, ну не надо вот этого, не утопилась бы. И чего только не насочиняет влюблённый мужчина про предмет своих чувств. Тем более

мужчина с фантазией Михаила Афанасьевича. Можно посочувствовать Мастеру, едва ли его действительно ждёт покой в домике, заросшем диким виноградом. Какой же покой с ведьмой! Она всё равно рано или поздно, не этой весной, так следующей, снова нарвет мимозы и пойдёт гулять.

Ещё более смешны попытки некоторых булгаковедов оценивать образ Маргариты с позиций нравственности. Дело не в нравственных устоях, Катя Маслова вообще проститутка по профессии, но Толстой живо показывает, как скромная и восторженная девочка, попав во враждебный плен обстоятельств, превращается в циничную шлюху. Автор знакомит нас с ней, и мы её знаем. А Маргарита – просто многоточие, следующее за прилагательным «тридцатилетняя».

А про третью женщину в романе, домработницу Наташу, вообще лучше промолчать, по причине того, что сам Булгаков ничего о ней не сказал.

Роман Булгакова завершает собой эпоху великой русской литературы, у начала которой мы видим учёного кота, ходившего по цепи кругом. «Пойдёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит».

В конце этой эпохи мы видим того же учёного кота, но уже починающего прикус и никому при этом, заметьте, не мешающего. Милиционеры открывают по нему огонь, бессмертный зверь обижается и исчезает. Есть опасение, что навсегда. Кот учёный появился и исчез, завершился литературный цикл.

Все, в том числе и замечательные, произведения, написанные позднее, относятся к иному времени. Книжки, созданные на русском языке после, перестали оказывать решающее влияние на мировой литературный процесс. Парадокс заключается в том, что, перестав быть русской, советская литература по значению своему стала национальной, утратив бывшее мировое своё звучание. Здесь важно чётко определить – этническая принадлежность авторов не является определяющим фактором, точно так же, как и всякого рода фольклорные стилизации ничего не решают. Русской является литература, рассказывающая о жизни в русской стране.

Фантастическая обыденность русской жизни. Обыденная фантастика. Всё переплетено самым сказочным образом. Захватывает дух от невообразимой полноты бытия. Но как прикажите жить в этом сплетении простому, незатейливому человеку? Легче всё разрушить к чёртовой матери и построить «наш новый мир». Простой и понятный. Вскоре после удачи на этой стезе начала упрощаться и литература. Национальная по содержанию и форме, мировая по значению, она подверглась попытке превращения в химеру, социалистическую по содержанию и национальную по форме. Но форма и содержание – неразделимы.

На деле абсурдная попытка МАССОЛИТа произвести на свет химеру привела к снижению русской литературы до уровня национальной.

Китайская фамилия – Карамазов

Есть книги, чтение которых, невзирая на увлекательность, процесс тяжкий и мучительный, как просмотр документальных кадров о войне, когда знаешь: каждый упавший на экране – убит. К числу таких я бы отнёс роман Фёдора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». Глубока и тёмна его тайна. Если в рассмотренных выше произведениях можно говорить о сознательном участии авторов в загадывании загадок читателю, то в случае с «Братьями» это исключено. Здесь перед нами факт явного включения гения писателя в коллективное бессознательное или в ноосферные процессы – что толку давать названия тому, чего всё равно никто толком не знает. Знать, конечно, не знаем, но вот какой удивительный факт из области фундаментального незнания.

Одним из достижений китайской натурфилософии было создание концепции У-СИН – универсальной схемы, в соответствии с которой происходят все процессы.

Пять основных качеств космоса символизировались пятью первоэлементами, находящимися в непрерывном взаимодействии: деревом, огнём, землёй, металлом, водой. Важно представить роль этой схемы в формировании мировоззрения традиционного Китая.

В музыке китайцы различают пять основных звуков, в живописи – пять цветов. Пять ветров дуют с пяти сторон света. Медицина, архитектура, военное дело, кулинария, магия, даже чиновничья иерархия – всё строилось на концептуальном фундаменте У-СИН. Попробуем приложить схему У-СИН к роману «Братья Карамазовы». Семья Карамазовых: трое законнорожденных братьев – Дмитрий, Иван, Алексей. Один незаконно рожденный – Смердяков, и отец, тёзка Достоевского, Фёдор. Всего пять человек. Нет ни одного эпитета, применимого к огню, который нельзя было бы использовать, описывая характер старшего брата, Дмитрия: горячий, яркий, мечущийся, трескучий – можно продолжать долго. Всякий, кто читал «Братьев» и хоть раз сидел у костра, согласится, что Дмитрий – воплощённый огонь.

Следующий брат, Иван, тяжеловесный, холодный, точный, основательный. Его характер соответствует «металлическим» качествам. Младший, Алексей – воплощённая вода: податливый, мягкий, в нём максимум пассивного начала. И, наконец, Смердяков, дерево, устремленное к росту и развитию. На схеме он находится на пути от пассивности воды к активности огня. Таким он и описан у Достоевского: ради денег на заведение собственного дела он убивает отца, пытается самоучкой выучить французский язык. В китайских пособиях по боевым искусствам боец, соответствующий этому элементу, описывается как обладающий примитивной техникой, робостью, старательностью и вместе с тем способностью к неожиданным даже для самого себя поступкам. Это прямо о Смердякове.

Устами Ивана Достоевский говорит, что в отце, Фёдоре Карамазове, есть от каждого из сыновей. Его роль и место в диаграмме У-Син там, где расположен элемент земля – единственный из первоэлементов комплексного свойства, объединяющий в себе все перечисленные качества. Идентичность характеров героев романа и первоэлементов китайской натурфилософии, хоть и с небольшой долей вероятности, могло бы быть простым совпадением, но есть ещё одно обстоятельство, заставляющее меня испытывать чувство смятения, подобное тому, что испытывает палеоантрополог, держащий в руках череп неандертальца, убитого пулей. Упомянутое обстоятельство полностью исключает возможность случайного совпадения. Тут тайна, от осознания глубины и значения которой захватывает дух. Вот это обстоятельство.

Древние китайские философы установили два вида взаимодействия между первоэлементами – конструктивные: вода питает дерево, дерево питает огонь, огонь – землю, земля – металл. Связи деструктивные: вода побеждает огонь, огонь – металл, металл – дерево, дерево – землю, земля – воду. На схеме конструктивные связи образуют круг – символ вселенной, принятый многими натурфилософскими системами, а разрушительные связи вычерчивают в круге пентакль – символ человека. Действие в романе происходит строго в соответствии с деструктивными связями У-Син. Достоевский чертит магический символ человека, описывая трагедию Карамазовых.

Напомню: Смердяков (дерево) убивает отца (земля). Затем, после встреч с Иваном (металл), подтолкнувшим его вначале к убийству, а потом и к самоубийству, он бросает обвинение брату: «...Вы и есть настоящий убийца». После вешается. Металл победил дерево. Далее – противостояние Ивана (металл) с Дмитрием (огонь). Нет нужды, да это и невозможно, пытаться коротко пересказать всю сложность взаимоотношений братьев-соперников. Должна наступить развязка в присутствии «роковой Кати». По логике событий, у Дмитрия нет никаких шансов, Иван должен победить в любом случае, захочет он – отправит Дмитрия на каторгу, захочет – спасёт, но тем самым заберёт у него Катю, маниакально сосредоточенную на идее благородства.

Иван выбирает второе. Металл имеет все шансы победить огонь, но натурфилософская схема не допускает такого. И прямо на суде вмешивается бес, Иван публично пытается бороться с ним, лишается рассудка. В результате борьбы металла с огнем погибает, перестаёт существовать как личность.

Это полностью противоречит всякой очевидной вероятности, зато строго соответствует древней схеме

Окончить роман Фёдор Михайлович не успел – умер. Но сохранились черновики, по которым выходит, что возлюбленная Дмитрия Грушенька становится любовницей Алексея. Узнав о двойном предательстве, брата и женщины, Дмитрий бежит с каторги и гибнет. Так заканчивается борьба огня и воды.

Теперь в живых только один Карамазов, младший, его символ – вода. Он не может быть уничтожен отцом – землёй. Это соответствовало бы схеме, но не жизненным реалиям, ибо мёртвые не убивают живых. Но даже здесь Достоевский наметил путь следования древней схеме. Алексей, собиравшийся стать священником, становится революционером – вода изменчива. Он покушается на жизнь царя. Образы отца и царя тесно переплетены, в подсознательном они легко превращаются друг в друга. Вновь противостояние воды и земли, только последняя теперь олицетворена «царём-батюшкой». Это противостояние закономерно ведёт к гибели последнего Карамазова. Цикл завершён. Где-то в недоступном нашему восприятию мире, под звучание пяти нот, обернулось, сверкнув пятью цветами, колесо судьбы. Печальное завершение трагической истории семьи Карамазовых. Возможно, что не совсем так. Сложнее и пессимистичнее. Напомню эпиграф к роману: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода». Вот почему разрушительные связи между первоэлементами символизируют человека. Он порожден деструкцией. Связи конструктивные символизируют космос, замкнутый круг. Смысл сочетания символов, круга и пентакля, неисчерпаемо глубок, одно из самых главных его значений – жертвенность человека. Эта тема присутствует во всех религиях, как развитых, так и примитивных. Паньгу у китайцев, Пуруша у индоариев, Адам.

Первочеловек – жертва. Для поддержания стабильности мироздания нужна именно жертва.

Мир, начинающийся в Боге, должен ежемгновенно заканчиваться в человеке. Древнегреческие мудрецы хорошо знали об этом, потому и называли людей по их главному признаку – смертные. Понимание этого, но доведённое до идиотской крайности, заставляло ацтекских жрецов каждый день приносить человеческие жертвы.

Вероятность случайного совпадения сюжетной линии «Братьев Карамазовых» и схемы У-Син ничтожно мала. Не больше вероятность того, что Достоевский был знаком с трактатами «Шу цзин» или «Гуаньцзы». Они, скорее всего, ещё и не были переведены на русский язык. Но даже если бы и был знаком, он никогда бы не стал руководствоваться древнекитайской схемой при написании самого русского романа. Сознательно бы не стал. Но вот неосознанно... Роман написан точно в соответствии с этой схемой. Видимо, он имел какие-то свои, доступные только ему, связи с миром идей. Подтверждение этому в словах старца Зосимы, выразителя религиозной и житейской мудрости в романе Достоевского: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен этому даровано нам тайное, сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высоким, да и корни наших мыслей не здесь, а в мирах иных. Вот почему и сущность вещей нельзя постичь на земле».

Раскрытие основной схемы построения сюжета «Братьев Карамазовых» не означает, конечно, раскрытия всех тайн этого произведения. Найден лишь ключ к сундуку с сокровищами. Но показательное совпадение сюжета и универсальной схемы мироздания служит неплохой иллюстрацией значимости раскрытия книжных тайн. Неоспоримое свидетельство трансцендентальности гения Достоевского. Или, наобо-

рот, подтверждение точности интуиции древних учёных. Хотя, признаюсь, полностью согласен со старцем Зосимой: «...сущность вещей нельзя постичь на земле. Но ведь всего интересней то, чего нельзя достичь».

Следует сразу предупредить, что сам я, не владея китайским языком, не будучи достаточно знаком с китайской культурой, нисколько не претендую на способность хоть сколько-нибудь ясно и последовательно наметить даже эти, весьма эфемерные вехи на страшно трудном и увлекательном пути познания. Думаю, что только методом сопоставления с другими, более доступными нашему пониманию и схожими с У-Син системами мироописания можно попытаться достичь некоторой ясности. Итак, во многих культурных традициях на определённом этапе их развития возникли системы отображения устройства мира на основе взаимоотношений первоэлементов, или первоначальных энергий. Видимо, наше сознание устроено таким образом, что картина мира легче воспроизводима в нём через взаимодействия неких символических перводвижений или первоначал. Гений Достоевского совершенно самостоятельно отыскал один из вариантов подобного отображения мира. При этом в его творчестве первоэлементы нашли своё воплощение в художественных образах живых людей. Насколько мне известно, ничего подобного не удалось больше никому. Все другие исследователи не пошли дальше сухого и схематичного изложения сущности основы миропорядка.

Наиболее известна нам система Аристотеля.

Согласно ей, в основе мира лежит взаимодействие четырёх первоэлементов: огня, воды, воздуха и земли. Некоторые авторы добавляли к системе Аристотеля ещё и пятый элемент – эфир. Подобные попытки отображения «первоначал» были и у египтян. Китайские натурфилософы говорили о пяти первоэлементах: огонь, земля, металл, вода и дерево. Они возникли в результате деления первоэнергии Ци на противоположные части – огонь и воду (Янь и Инь). Следующая пара противоположностей – металл и дерево. Земля является универсальным первоэлементом, содержащим в себе качества остальных. Как уже сообщалось, конструктивные, «поддерживающие» связи образуют круг – символ универсума, вселенной. Деструктивные связи вырисовывают пятиугольник, пентакль. Столь популярный символ в современном мире.

Но некоторые авторы древнекитайских трактатов добавляли ещё и шестой элемент – зерно. Как тут вновь не вспомнить эпиграф к роману Достоевского: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода».

Рыцарь без страха и упрёка

Привожу краткий пересказ одной всем известной книги.

Отважный и весёлый главный герой в сопровождении верного и во всём подчинённого ему друга отправляется в дальнее странствие, совершает ряд смелых деяний, встречается со злым великаном, вступает с ним в борьбу и, несмотря на неравенство сил, побеждает. Победа достаётся нелёгкой ценой, и только смелость, благородство и верная дружба приводят к ней. По ходу дела судьба посылает друзьям клад с богатством. Но наш герой бескорыстен, настоящая же награда ему – любовь юной златокудрой аристократки, которую он, в числе прочих своих подвигов, вызывает из подземелья, где красавицу ждала лютая смерть.

Каков жанр этого произведения?

Рыцарский роман? Все признаки налицо. Рыцарь, прекрасная дама в заточении, оруженосец, злой великан, клад с сокровищем. Теперь назову их имена по порядку: рыцарь – сэр Томас Сойер, дама его сердца – дочь судьбы Реббека Тэтчер, оруженосец – Гекльберри Финн, злой великан – индеец Джо.

Построив своё произведение по схеме рыцарского романа, великий американский писатель затеял замечательную игру со всеми детьми на земле. Читая его произведение, ребёнок, ассоциируя себя с Томом, или Геком, или Бекки, подсознательно занимается любимым детским делом - играет во взрослых. Причем не просто во взрослых, а в людей прошлых, романтических и невозвратимых времён. Но мало этого, Марк Твен и взрослым читателям подарил возможность снова ощутить себя детьми посредством этой же, гениально задуманной игры. Конечно, одна такая, пусть и хитроумная, задумка не могла обеспечить книге тот успех, который она имеет и, надеюсь, несмотря ни на что, будет ещё долго иметь. Юмор писателя и уникальная способность по-детски ясного и наблюдательного взгляда на мир довершили дело – книга стала одной из лучших, написанных о детях и для детей.

Стоит ли копаться в книжных тайнах?

Приведу только один пример в доказательство значимости книг. Никола Тесла, уже упомянутый в этой статье великий изобретатель, в отрочестве заболел, болезнь сломила сопротивление организма, и стало ясно, что мальчик умрёт. Но он случайно прочитал «Тома Сойера», книга вернула ему силы и желание жить. Болезнь была побеждена.

Но это частный случай, главное же заключается в том, что раскрытие книжных тайн даёт ответы на вопросы самые важные – почему одни люди имеют власть над другими, кем мы были и как жили во времена незапамятные, о которых у нас нет представления. И почему убийство представителей своего биологического вида столь широко распространено среди людей. Все научные открытия в конце концов приводят к созданию новых видов оружия. Мы привыкли к этому так, что и не удивляемся, но посмотрим со стороны: представьте себе цивилизацию тараканов, основным продуктом промышленности которой является дихлофос. Что-то тут не так. Что? На этот вопрос стоит поискать ответ методом вдумчивого прочтения лучших книг, написанных людьми. Ответ не лежит на поверхности, зачастую он скрыт и от самих авторов. Порой бывает, что автор сознательно закладывает тайное сообщение в своё повествование. Вспомним рисунки-загадки, где сочетание линий главного, очевидного изображения складывается в изображение скрытое, дающее ответ на заданный к рисунку вопрос.

Был ли Робинзон масоном

Эта книга по своей идее была обречена на провал сразу же. Ну что может заставить читать об устройстве примитивного хозяйства одиноким человеком? Романтика дальних странствий? Но Робинзон просидел на одном месте двадцать восемь лет.

О главном секрете своей книги Дефо сообщает в самых первых словах: «...По ним и меня назвали Робинзоном. Фамилия отца была Крейцнер...»

Робинзон Крейцнер.

Современному читателю это имя ничего не говорит, но книга вышла в свет в 1719 году, а тогда Робинзон Крейцнер были более чем говорящими именем и фамилией.

Инициалы «РК» в Европе тех времён сверкали тем же ослепительным блеском, что аббревиатура «РКП» двести лет спустя в России. Сотни книг выходили в свет, подписанные псевдонимом Р.С. Михаил Матвеевич Херасков: «...Слава Ордена Розового Креста быстро распространилась по Европе. Виднейшие учёные домогались доступа в орден и искали, где только могли, его следов, а более упорные с документами в руках брались доказывать его реальность и для пущей убедительности присоединяли даже к своему имени инициалы Р.К.» Ну, а в рассматриваемом случае есть прямое, без всяких обиняков, заявление: «Я – розенкрейцер».

Даниэль Дефо, сам являвшийся розенкрейцером, неслучайно назвал героя романа таким именем. Также неслучайно и время издания книги – 1719 год. Именно в этом году английская «Великая ложа», созданная двумя годами раньше, составила важнейшие свои документы. Создать мало, надо и опубликовать, но, конечно, не явно, а в завуалированной форме. Есть свидетельства, что Дефо признавал своё тождество с Робинзоном. Само заглавие указывает на это, слова «рассказанные им самим» отнюдь неслучайны. И возраст Робинзона – когда он возвращается в Англию, ему пятьдесят пять – соответствует возрасту автора. На момент публикации писателю было пятьдесят девять. Естественно, произведение было написано и опубликовано не за один день. На самом деле эта книга является манифестом масонства, их тайные знания и методики развития личности подаются в ней спрятанными за внешними событиями. Подсознание читателя, натываясь на эти скрытые от поверхностного взора вещи, увлекается их дальнейшим поиском и заставляет увлечённо вчитываться в скучнейшие описания подробностей одинокой жизни на необитаемом острове.

Такой метод повествования о сокровенном связывает Робинзона с другим островитянином – хитроумным Одиссеем, ненавистным богам, но любимым одной лишь Афиной Палладой, покровительницей мудрости.

И «Робинзонада», и «Одиссея» повествуют об одинокой судьбе заброшенного на острова человека. И тот, и другой страстно мечтают о возвращении домой. Уже этого достаточно, чтобы признать наследственную связь между двумя литературными героями. Но есть и мелкие детали, подтверждающие эту связь.

Один из островов заточения Одиссея носил название Эя. Это восклицание отчаяния у древних греков. А Робинзон Крузо тоже называл свой остров Островом отчаяния. Здесь указание – отчаяние является отправной точкой начала духовного роста. «Призови меня в день печали...» На самом деле связь между ними куда значимее, чем кажется на первый взгляд.

Тема о возвращении домой традиционно трактуется как тема об обретении некой изначальной мудрости, ныне утраченной. Отсюда и покровительство Афины, она благосклонна ко всем взывающим её даров. В дзен-буддизме достижение просветлённого состояния, сатори, невыразимое, что понятно, словами, передаётся через образ возвращения домой.

Источником древних знаний, которыми владеют масоны, они иногда называют Адонирама, архитектора и строителя Соломонова храма, иногда фараона-реформатора Эхнатона, потерпевшего неудачу в своей реформаторской деятельности и успешного передать основные идеи, касающиеся единобожия и государственного устройства, узкому кругу лиц. Впрочем, есть свидетельства, указывающие на то, что тайные знания были переданы неким доброжелателем ещё Адаму в момент его изгнания из рая. Сравнивая «Одиссею» с «Робинзонадой», мы видим, что претензия масонов на обладание древними знаниями не совсем безосновательна. Есть ещё один, более древний источник, тематически связанный с произведением Дефо. Это обнаруженный Владимиром Семёновичем Голенищевым в Эрмитаже египетский папирус, содержащий сказку о потерпевшем кораблекрушение. Открытие было сделано в 1880, а в следующем году, выступая на международном конгрессе египтологов в Берлине, учёный говорил о сходстве сюжета древнеегипетской сказки с «Одиссеей», сказаниями о Синдбаде и некоторыми библейскими текстами. Странно, что при этом не было упомянуто произведение Дефо, тем более, что его герой, точно как и отделённый от него четырьмя тысячами лет предшественник, попал на необитаемый остров после кораблекрушения, ищет спасения среди ветвей дерева. Совпадение?

Знать о той рукописи, что впоследствии попала в руки нашего египтолога, Дефо, скорее всего, не мог. Учитывая исключительную важность символики дерева, это не совпадение, а подтверждение существования тайных масонских знаний, к которым имел доступ автор «Робинзона». Или же надо говорить о сюжете, присут-

ствующем в глубинах подсознания большинства людей, герой которого спасается во время кораблекрушения, достигает некоего необитаемого острова и забирается на дерево. Синдбад-мореход в своём первом путешествии спасается, схватившись за свисающие к воде ветви дерева. Сюжету, как минимум, четыре тысячи лет, а как максимум? Наверное, не знает никто. Когда произошло кораблекрушение, спасшийся после которого достиг спасительного острова и взобрался на дерево, а потом рассказал об этом?

Но какие же существуют прямые доказательства того, что сама книга Дефо является манифестом розенкрейцера, помимо принадлежности автора к их ордену и созвучия имени героя с названием ордена?

Начнём со срока заточения Робинзона на острове – двадцать восемь лет. Это время, за которое неопит, при благополучном стечении обстоятельств, проходит путь до высшего посвящения. И оно выбрано неслучайно. Двадцать восемь – это четыре раза по семь. Семилетние циклы в человеческой жизни признаются всеми, именно в семь лет в православии ребёнка приводят к причастию, в этом же возрасте его отдают в школу, астрологи путём каких-то своих расчётов делят человеческую жизнь именно на семилетние циклы. Двух семилетних циклов достаточно, чтобы организм обрёл репродуктивную функцию, трёх – чтобы созрел физически, с двадцати одного года принимали в рыцари. И в масоны. Четыре таких цикла требуются для достижения духовной зрелости. Примерно при достижении этого возраста царевич Сидхартха отправляется искать истину. А Робинзон, вернувшись в Англию, начинает жизнь добропорядочного буржуа и ведёт её, ну конечно, ровно семь лет. Точно столько, сколько Одиссей у нимфы Калипсо.

После семи безмятежных лет Робинзон отправляется в своё последнее, третье, большое путешествие. Тут уместно вспомнить три символических путешествия неопита при принятии в масоны. Вообще числа три и семь особые не только в нумерологии масонов. Вместе с уже упомянутым числом двенадцать, три и семь – наиболее используемые. Вот образец текста из «Робинзона»: «На первом плане стояли религиозные обязанности и чтение священного писания, которым я неизменно отводил известное время три раза в день. Вторым из ежедневных моих дел была охота, занимавшая у меня три часа каждое утро, когда не было дождя. Третьим делом было сортировка, сушка и приготовление убитой или пойманной дичи: на эту работу уходила большая часть дня». Встретив дикаря, которому Робинзон даёт имя Пятница, и начав обтёсывать сей «дикий камень», Робинзон обнаруживает в его душе семь добродетелей: разум, чувство привязанности, доброту, сознание долга, признательность, верность в дружбе, способность возмущаться несправедливостью. Может удивить такой формальный подход к оценке человеческих качеств, ну что за счет, в самом деле, список этот может быть и сокращён до одного или двух качеств, или расширен как угодно широко. Да, мог бы, не будь Дефо масоном, а у них чётко определены «семь должностей» или семь даров Духа Святого, вот они: «премудрость, разум, совесть, крепость, наука, страх Божий и любовь».

Процесс воспитания Пятницы свёлся к преобразению первой семёрки во вторую. Это подробно описано. Как и «Одиссея», «Приключения Робинзона» изобилуют числительными, читателю сообщаются сведения, на первый взгляд совершенно ненужные, о количестве принесённых в жертву животных или о запасах пороха. Но это никогда не случайные или не нужные сообщения, каждое из них несёт свою скрытую информацию. Сам автор так обращает внимание читателя: «Просматривая как-то раз эти записи, я заметил странное совпадение чисел различных происшествий, случившихся со мной, так что если бы я был суеверен и различал бы счастливые и несчастливые дни, то моё любопытство не без основания было бы привлечено этим совпадением». Но не только даты, все числительные в романе несут скрытую информацию.

Приведу один пример из многих. Даниэль Дефо зачем-то вначале сообщает читателю, что радиус полукруглого частокола, защищавшего двор с шалашом и вход в пещеру, девять ярдов. Совершенно ненужная, на первый взгляд, информация. Но впоследствии сообщается другая величина радиуса, восемь ярдов, и протяжённость полукруга, таким образом, составляет двадцать четыре ярда, а двадцать четыре линейные единицы – стандарт полукруга, символизирующего равновесие двенадцати ночных и двенадцати дневных часов. Полукруг частокола, защищающего жилище, такой протяжённости – свидетельство уравниваемости между тьмой и светом, между подземным пространством пещеры и наружным двором. В измерении времени число двадцать четыре – круглое, в нём конец и начало. А вот при подсчёте объёмов пространственных круглыми приняты числа, кратные десяти. Например, сто. Именно такое количество дней ушло у Робинзона на устройство частокола. Завершённость во времени выражена линейными единицами, завершённость в пространстве – количеством потраченных дней. Игра с зеркалом. Время измеряется ярдами, а пространство – днями. При более внимательном рассмотрении этих соотношений мы обнаруживаем, что исключительное значение числа три заключается, помимо всех часто упоминаемых причин, ещё и в том, что это соотношение длины радиуса к длине окружности. Если пренебречь четырнадцатую сотыми. Окружность символизирует завершённость мироздания, пространственное образование. А радиус? Стрелка мировых часов?

Обустройство жилища потому так детально описывается, что место обитания человека теснейшим образом связано с его личностью, точно так же, как тело связано с душой. Жилище Робинзона состояло из двух частей: подземной – пещера и наземной – двор с шалашом. Пещера символизирует скрытую часть личности, ту, что впоследствии назовут подсознанием. В традиционных мифах пещера – это вместилище хаоса, место обитания чудовищ. «Злые псы воют в подземелье», – говорил Ницше. Дефо так подробен в описании её благоустройства по той причине, что в результате этой работы вместилище тёмных сил превратилось в запасник резервов и надёжное укрытие. Здесь указание на то, что перестройку личности следует начинать с перестройки подсознания. Робинзон углубил пещеру, утроил там полки и всё разложил по ним. Работу по преобразованию своей личности герой Дефо начинает с установления контроля над скрытой частью сознания. Первым делом он приводит в порядок хаотические, импульсивные внутренние порывы. Потом устанавливает равновесие с внешним. Символ этого равновесия – частокол длиной в двадцать четыре ярда, созданный за сто дней. Но как только работа завершается, случается землетрясение, а следом за ним – буря. (Надо ли говорить, что подземных толчков было три.) Для расшифровки смысла этих событий нет нужды в каких-то особых знаниях символики, тем более, что последовавший за столь грозными явлениями сон Робинзона всё ставит по местам. Во сне «...с большого чёрного облака» появляется огненный человек с длинным копьём в руке и произносит страшным голосом: «Несмотря на все ниспосланные тебе испытания, ты не раскаялся. Так умри же!» Здесь следует вспомнить две вещи. Первое: копьё в христианской символике не столько оружие, сколько орудие избавления от мук, так как именно ударом копья Лонгин прекратил муки Спасителя. Второе – при инициации масоны изображали смерть неопита, при этом ему наносится три символических удара молотком в грудь.

Землетрясение в три удара, буря, мистический сон, наконец, лихорадка – всё это надо для того, чтобы отобразить переживания человека, достигшего степени духовной зрелости, предполагающей обращение к Богу. Без этого никакая духовная практика, никакие попытки приведения в порядок тёмных глубин подсознания не могут дать положительного результата. Неминуемо сотрясение всего достигнутого. Вот как это описывается у Дефо: «Прорастание зерна, как уже было отмечено в моём дневнике, оказало было благодетельное влияние на меня, и до тех пор, пока я при-

писывал его чуду, серьёзные, благоговейные мысли не покидали меня, но как только мысль о чуде отпала, улетучилось и моё благоговейное настроение, как уже было мной рассказано». Именно в это время Робинзон становится хлеборобом, но, конечно, речь идёт не только о хлебе насущном, но и хлебе как Христовой плоти, пище духовной. Кстати, и виноград, символизирующий кровь Спасителя, Робинзон начинает возделывать в этот период. И вот, когда измученный болезнью отшельник в поисках табака неожиданно находит библию, совершенно случайно книга была раскрыта так, что он прочитал: «Призови меня в день печали, и я освобожу тебя, и ты прославишь имя моё».

Все эти преобразования в душе Робинзона привели его вот к чему: «Теперь я ясно ощущал, насколько моя теперешняя жизнь, со всеми её страданиями и невзгодами, счастливее той позорной, исполненной греха, омерзительной жизни, какую я вёл прежде. Всё во мне изменилось: горе и радость я понимал теперь совершенно иначе, не те были у меня желания, страсти потеряли свою остроту, то, что в момент моего прибытия сюда и даже в течение этих двух лет доставляло мне наслаждение, теперь для меня не существовало».

Мы видим, что процесс освоения жизненного пространства, устройства хозяйства идёт параллельно с процессом духовного преображения, при этом второй процесс находит отражение в первом в виде символов.

Излечение от лихорадки после обращения к святому писанию, обретение хлеба и винограда, обустройство жилища, наконец, в сюжете книги появляется попугай – птица, древнейший символ человеческой души, и эта птица начинает говорить. Ещё у древних египтян бессмертная часть человеческой души, «Ба», изображалась птицей с человеческой головой. Чтобы удобнее говорить.

Для детального раскрытия скрытого содержания повести о Робинзоне потребовалась бы другая книга, минимум в три раза большая, чем произведение Дефо. Думаю, в этом, к счастью, нет необходимости. Тому, кто пожелает раскрыть для себя эти тайны, достаточно просто перечитать «Робинзона», имея под рукой справочную литературу по символике масонства. Есть и другой, более интересный способ – перечитать параллельно «Робинзона» и ту часть «Войны и мира», где рассказывается о масонстве. Так классик русской литературы своим рассказом о масонах помогает понять, что на самом деле целью Даниэля Дефо было обнародовать манифест тайного общества, к которому он принадлежал.

Мотив публикации «Робинзона Крузо» был не только и не столько назидательный, сколько политический. В конце романа приводится описание способов устройства государства и церкви вполне в духе масонства.

«Замечательно также, что все трое были разных вероисповеданий. Пятница был протестант, его отец – язычник и людоед, а испанец – католик. Я допускал в своих владениях полную свободу совести. Но это – между прочим».

Терпимость, терпимость и ещё раз терпимость.

Единственным неприемлемым качеством человеческой природы Дефо признаёт «недовольство своим положением, в которое поставил нас Бог и природа». Главным результатом духовного развития он полагает готовность быть слугой той судьбы, что уготована свыше.

Кратко проповедь Даниэля Дефо, розенкрейцера, можно свести к следующим немногим словам: «Будь одинок, как отшельник на необитаемом острове, пренебреги житейскими бурями. Углубись в свою душу, разложи по полкам пребывающие в беспорядке её свойства и качества. Приди в равновесие с внешним миром, не бунтуй против судьбы, но сотрудничай с ней. Обратись к Богу, используй святое писание по предназначению – то есть живи по законам, данным в нём. Выбери себе уединение, труд и молитву, и, если тебе удастся удержаться на этой стезе, ты получишь всё, что пожелаешь».

Такое утверждение индивидуализма, мужественного служения капризной даме – своей судьбе, осмысление всего происходящего в жизни с религиозно-философских позиций привлекательно для любого имеющего ум и волю. Поэтому масонство объединило множество совершенно разных людей, сходных лишь в неординарности.

Заканчивая поверхностное рассмотрение романа Дефо, я хотел бы привести цитату из письма некоего Александра Голдсмита, тайного агента, к своему шефу: «Сэр, мои шпионы и получающие от меня плату люди находятся повсюду. Признаюсь, здесь самое простое дело – нанять человека для того, чтобы он предал своих друзей».

Как возмутился бы обладатель твёрдой морали, труженик и моряк Робинзон низостью этого Голдсмита. Он, наверное, и руки бы ему не подал. Но дело в том, что Александр Голдсмит – оперативный псевдоним агента британской секретной службы Даниэля Дефо.

Масон Дефо немало сделал для становления «Интелиженс сервис», этой опоры британской мощи. А шпионил он в Шотландии, бывшей тогда независимым государством.

Закончу разговор о великом моралисте Робинзоне Крузо, ровно двадцать восемь лет пестовавшем свои духовные качества, напоминанием такого момента из романа о нём. В конце повествования этот герой спасет испанца, отбив его у людоедов. Признательный бедняга клянётся в вечной своей преданности избавителю и по приказу сего господина отправляется в утлом судёнышке за товарищами по несчастью с тем, чтобы, соединив усилия, вместе вырваться из заточения в глуши. Перед отправкой Робинзон строго наставляет испанца, велит ему заставить всех ожидаемых гостей и союзников присягнуть на верность ему, Робинзону. Естественно, факт присяги накладывает обязательства не только на приносящих её, но и на принимающую сторону. И вот, когда судьба посылает нашему высоко моральному герою чудесное избавление, в его распоряжении оказывается хороший корабль, он даже и не рассматривает возможности спасения людей, присягнувших ему и находящихся в отчаянном положении. Он просто оставляет остров, на котором в течение двадцати восьми лет упражнялся в «духовном» развитии.

Рассмотрение произведения Дефо, конечно же, должно состоять из трёх частей. Не дописать третью часть или приписать четвёртую было бы недопустимой вольностью. И неуважением к памяти вольного каменщика, подарившего нам увлекательную книгу.

Мы видели, что тысячи лет сюжет об одиноком островитянине кочует из одного произведения в другое. Истинная и главная тема сюжета – рост сознания и пробуждение души отшельника – на удивление прямо открыта в произведении Абу Бакра ибн Туфайля из Гранады, написанном в двенадцатом веке. Называется это произведение «Хай, сын Якзана» («Живой, сын Бодрствующего»). В отличие от Гомера и Дефо, этот автор не прячет главное за второстепенным. Почти весь текст посвящён наблюдениям и размышлениям одинокого островитянина, описания быта занимают очень незначительную часть, о его приключениях – ни слова.

Как и Робинзон, он занимается обустройством жилища и приручением диких животных. Его жизнь на острове тоже поделена на семилетние циклы. Но у Хайя их не четыре, а семь. Число три также часто используется, например, в своём развитии Хай овладевает тремя видами созерцания. Совпадения темы «Повести о Хайе» с книгой Дефо, совпадения в описании духовного поиска и роста главного героя, попавшего на необитаемый остров, не оставляют сомнений в единстве их источника, однако не это самое удивительное. Самое удивительное заключено как раз в различии между ними. Робинзон (как и Одиссей) вырос и сформировался среди людей, главное устремление – возвращение назад, в оставленный по стечению неблагоприятных обстоятельств мир. Оба эти героя выписаны подробно, их характеры известны

нам так, будто мы лично знакомы с каждым из них. Хай иной. Во-первых, он никогда не жил среди людей, и о его характере мы узнаём не много. Это очень условный образ, взять хотя бы то, что говорить он научился в пятьдесят лет, у своего «Пятницы», Абсала, но до этого не обученный речи человек всё время своей жизни посвящает напряжённому размышлению над сложными философскими проблемами и научными наблюдениями за природой. Живёт он на экваторе, но в число наблюдаемых им объектов включены снег и лёд. Ибн Туфайль подчёркнуто игнорирует правдоподобность, это приём, чтобы по контрасту подчёркнуть истинность духовных обретений. Само появление Хайя на необитаемом острове описано схематично, даны две версии этого появления – согласно первой, он был незаконнорожденный сын сестры некоего царя, закрытый в ларь и отданный на волю стихии. (Читал ли это произведение Пушкин?) Эта воля и доставляет несчастного младенца на необитаемый остров, конечно же, в густые заросли прибрежных деревьев, и случайно оказавшаяся в тех густых зарослях газель ударами копыт ломает ларь, высвобождает плачущего узника и выкармливает его.

Вторая версия появления Хайя вообще поразительна. Довольно подробно пересказывается современная гипотеза самозарождения жизни – абиогенеза. В утомительно подробной форме описано появление первоклетки из «глины» и её дальнейшее деление. Напомню, что Ибн Туфайль жил за шестьсот лет до Дефо. Вот как он это описывает:

«Что же касается тех, кто утверждает самозарождение его из земли, то они говорят следующее. В недрах острова была одна полость, в коей на протяжении многих лет бродила толща глины, пока в ней не смешались соразмерным и равным по силе образом теплое с холодным и влажное с сухим. Эта пришедшая в брожение толща глины была очень больших размеров, и различные части ее превосходили друг друга по соразмерности смеси и предрасположенности к образованию жизненных соков, причем наиболее соразмерной и близкой к человеческой была смесь ее средней части.

И вот в этой толще глины начали возникать первые зачатки жизни: поскольку она была вязкой, в ней образовалось нечто, напоминающее пузырьки, которые возникают при кипении; в середине ее появились вязкая жидкость и крохотный пузырь, разделенный надвое тонкой перегородкой и заполненный разреженным, воздухообразным телом, смесь которого отличалась соответствующей ему предельной соразмерностью; с оным телом в связь вошел, далее, дух – тот самый, который «от повеления Всевышнего», образовал с ним столь прочное единство, что уже не отделить его от тела ни в чувственном восприятии, ни мысленно, ибо дух этот, как было доказано, изливается от Аллаха (велик он и славен) с таким же постоянством, с каким солнечный свет изливается на мир».

«Крохотный пузырь», разделённый перегородкой, похож на митохондрию. Возможно, это было первым предклеточным состоянием живой материи. Единственно с целью предложить читателю разделить моё изумление по поводу осведомлённости Ибн Туфайля в делах науки о происхождении жизни, приведу цитату из книги замечательного популяризатора науки Александра Александровича Гангнуса «Через горы времени».

Вот что он пишет:

«Дж. Бернал писал, что жизнь зародилась буквально в грязи – в иле, глинистой мути маленьких спокойных лагун, ибо полимеризация длинных молекул гораздо быстрее идёт на мельчайших минеральных частицах глины. Совсем недавно это предположение Бернала было проверено. Выяснились удивительные вещи. В так называемом монтмориллонитовом иле (самый распространённый глинистый материал) белковоподобная цепь аминокислот полимеризовалась быстро и без нагревания».

Я не стану делать попыток расшифровать хотя бы приблизительно тайный смысл и символику этого произведения, это требует совершенно иной степени научной подготовки. Также не стану пытаться проникнуть в сокровенный смысл рассуждений, простота и логика которых очаровывает и вводит в заблуждение, кажется, если попробовать, всё можно понять в этом произведении. Не тут то-было! Приведу лишь одну цитату, предостерегающую от подобного верхоглядства. В самом начале Ибн Туфайль говорит:

«Ты просил, о, любезный и верный мне брат дорогой (Аллах да одарит тебя вечным бытием, наделив нескончаемым счастьем), раскрыть пред тобою то, что сумел бы я раскрыть из тайн мудрости восточной, о которой говорил Шейх Глава философов Абу Али Ибн Сина. А коли так, то пойми: кто жаждет знать истину в ясно выраженном виде, тот должен искать ее и проявлять усердие в овладении ею».

Представление о зарождении жизни из метакондрии входит, видимо, в число тайн восточной мудрости.

В европейской традиции принято относить Ибн Туфайля, его ученика ибн Рушда, а также его учителей Ибн Сину, Аль-Фараби и других к неоплатоникам. Причиной этому послужило то, что они занимались переводами античных авторов и использовали их методы. Это подобно попытке определять стиль архитектуры по использованным при строительстве техническим средствам. Европоцентризм, видимо, будет преодолен только после окончательного упадка европейской цивилизации. Не пытаясь решить узкоспециальную и сложную проблему классификации философских школ, отмечу, что в рассматриваемом случае Ибн Туфайль прямо указывает на восточное происхождение учения, некоторые моменты «тайны» которого он намерен приоткрыть. Наверяд ли Ибн Туфайль под востоком подразумевал Балканы, хотя географически они восточнее Пиренейского полуострова. Но дело даже не в этом. Изумление вызывают воззрения автора, которые смело можно назвать эволюционистскими. Вот, например, такое заключение:

«Тем временем, присматриваясь ко всевозможным видам животных, он отмечал про себя, что те покрыты пухом, шерстью или перьями, видел, как стремителен их бег, сколь сильной они обладают хваткой и каким располагают оружием для отпора сопернику, вроде рогов, клыков, копыт, шпор и когтей. Обращая же потом взор на себя, он замечал, как он гол, как недостает ему оружия, как нерезв его бег и слаба его хватка в случаях, когда звери, вступая в борьбу с ним за плоды, не подпускают его к оным или отнимают их, а самому ему не под силу ни отогнать соперников, ни убежать от кого-нибудь из них. Между тем он наблюдал, как у сверстников его – газелей – отрастают рога, коих прежде не было, и какими проворными они становятся в беге, в коем раньше были немощны. Не замечая же ничего подобного у себя, он задумывался над этим обстоятельством, но причины его постичь не мог. Тогда он стал наблюдать за животными с увечьями и телесными изъянами, но никакого сходства с собою не находил. Присматриваясь же при этом к отверстиям для выхода излишков пищи, он обнаруживал, что у других животных они прикрыты чем-нибудь, для твердых отходов – хвостами, а для жидких – шерстью или еще чем в этом роде. А коль скоро у тех и половые части оказывались более сокрытыми, нежели у него самого, то для мальчика все это стало и удручительным, и обидным.

Долго ходил он, озадаченный всеми этими обстоятельствами, – а мальчик приблизился уже к семи годам, – и даже было расстался с надеждой на восполнение всего этого и того, отсутствие чего уже причинило ему столько вреда. Но вот из широких древесных листьев он изготовил нечто, частью чего прикрылся сзади, а частью – спереди, из пальмовых листьев и хальфы сделал себе набедренную повязку и связал ею те листья. Однако очень скоро листья начали увядать, засыхать и осыпаться, и ему приходилось беспрестанно сменять их другими, сшивая оные. В последнем случае они, быть может, держались и дольше, но, как бы там ни было, – недолго.

Сделав же из древесных ветвей палки с прямыми концами и гладкой поверхностью, он отгонял ими соперников, нападая на зверей, что послабее, и давая отпор тем, кто посильнее. Таким путем он несколько возвысился в своих глазах и пришел к выводу, что рука его имеет значительное превосходство над лапами зверей, ибо именно ею он смог прикрыть наготу свою и изготовить палки для самозащиты, а это позволило ему обходиться без предметов его былой мечты – без хвоста и естественного вооружения».

Надо ли напоминать о том, какое значение придаёт современная наука ловкой и умелой пятипалой передней конечности в процессе формирования разума у её обладателя.

Процесс освоения огня описан таким образом:

«И однажды случилось так, что в зарослях ферулы от трения тростинок между собой разгорелся пожар. Когда мальчик заметил это, взору его открылось зрелище устрашающее, явление, о существовании которого он прежде и не подозревал. Долго он стоял, оцепенев от удивления, а затем стал мало-помалу придвигаться к огню и замечать, как ослепительно ярок его свет и сколь сокрушительно его действие: стоит пламени коснуться какого-то предмета, как оно тут же уничтожает его, претворяя в свою сущность. Удивление, вызванное огнем, а равно смелость и сила, коими Всевышний наделил его характер, побудили мальчика протянуть руку к пламени, чтобы взять немного огня. Когда же рука его коснулась пламени, огонь обжег ее, и получить огня ему не удалось. Тогда он догадался взять головню, еще не охваченную пламенем целиком. Он старался схватить ее за нетронутый конец, когда огонь был на другом конце, а справившись с этим, понес ее в обиталище свое, представлявшее собою пещеру, которую он еще раньше облюбовал себе для жилья.

Дальше он непрерывно поддерживал огонь сухой травой и дровами, ухаживая за ним днем и ночью, переполненный к нему любовью и восхищением. Особую радость доставлял огонь по ночам, ибо светом и теплом он заменял ему солнце. И у мальчика, проникшегося к нему великою любовью, сложилось убеждение, что огонь есть лучшее из всего, чем он располагал. Наблюдая же постоянно, как пламя движется отвесно ввысь, он склонился к мнению, что огонь принадлежит к числу тех небесных субстанций, которые он то и дело созерцал. Он испытывал силу огня на всевозможных предметах, бросая их в него, и замечал, что охватывает их пламя быстро или медленно в зависимости от большего или меньшего предрасположения брошеного туда тела к возгоранию».

Приобретение производственных навыков вполне соответствует современным научным представлениям.

Хай, самозародившийся из глины под воздействием благоприятных условий и снизшедшего «духа», следует эволюционным путём цивилизации – он учится делать себе одежду, строить жилище. Отправной точкой духовного роста Живого становится Смерть вскормившей его газели. Вероятно, так это и было на самом деле, кончина близкого существа послужила толчком, породившим первую отвлечённую мысль. Ведь до сих пор основная тема человеческих размышлений – смерть. Мысль о ней – главная в нашем сознании, хотя она, конечно, приходит к нам под разными обличиями, порой неузнаваемыми. К концу третьего семилетия Хай выводит для себя понятие животворящего духа, покидающего тело при завершении жизни. После этого он занимается постройкой жилья и приручением животных. Позволю себе привести ещё одну цитату, подтверждающую последовательность эволюционистских воззрений Ибн Туфайля.

«Вот на такие высоты умозрения поднялся он благодаря подобным рассуждениям к исходу третьей седмины – к двадцать первому году своей жизни. За это время развивалась и его изобретательность. Одевался и обувался он в шкуры животных, которых подвергал вскрытию, нити делал из шерсти, из коры стеблей просвирняка,

мальвы, конопли и прочих волокнистых растений (мысль об их использовании подсказал ему первоначально опыт обращения его с хальфой), шило изготовлял из крепких шипов и заостренных на камне тростинок. На мысль заняться строительством подтолкнули его наблюдения над тем, что делали ласточки. Он возвел тогда жилище и амбар для хранения съестных припасов, а чтобы в него не забрался кто из зверей, если он отлучится по делам, закрыл доступ в него дверью из сплетенного тростника.

Он приручал хищных птиц, чтобы те помогали ему в охоте, и заводил птицу домашнюю, чтоб та давала ему яйца и цыплят. Из рогов дикой коровы он изготовлял нечто, похожее на наконечники, и прикреплял к прочным стволам тростника, к палкам из буковой или иной какой древесины, прибегая к помощи огня и острых камней, в итоге чего получались некие подобия копий. Щит себе он сделал из кожи, сложенной в несколько слоев.

Ко всем этим ухищрениям он вынужден был прибегать потому, что у него не было естественного вооружения, но, как он заметил, чего ему из этого не доставало – все могли восполнить его руки».

Хай занят изучением окружающего мира. Это приводит его к созданию теории первоэлементов – земля, вода, воздух и огонь. Но дать хотя бы примерное представление об идеях Ибн Туфайля относительно интеллектуального и духовного роста Хайя ибн Якзана, приводя отрывочные цитаты, или, тем более, пытаться кратко изложить их, невозможно. Надо читать саму книгу. Лишь повторю, что они вполне совпадают с современными представлениями об эволюции нашей цивилизации. Откуда у Ибн Туфайля такие познания? Самое интересное, что текст «Робинзона Крузо» после ознакомления с произведением Ибн Туфайля воспринимается совсем по-другому. Как по волшебству, блекнут внешние обстоятельства, пропадает интерес к приключениям, зато скрытая часть, повествование об одиночестве духа, взыскующего «тайн мудрости», обретает удивительную ясность. Возникает даже удивление, как просто и доходчиво рассказывает Дефо о вещах столь сложных и загадочных. И ясным становится основной смысл рассказов об островитянах. Мысль неожиданная и неопровержимая, внушающая неизбывную печаль и величайший оптимизм одновременно. Один человек, даже территориально выделенный на острове среди океана, оказывается равен всем остальным людям, взятым вместе.

Эрнест-тотемоборец

В этой главе речь пойдет о рассказе «Недолгое счастье Френсиса Макомбера» Эрнеста Хемингуэя. Это история о том, как чета американцев охотилась в Африке. В ней рассказано о взаимоотношениях женщины и мужчины больше, чем во многих толстых книгах, посвящённых этой теме. Не очень, конечно, обычная история, но и чудес особых нет: муж, жена и профессиональный проводник. В начале охоты муж испугался льва, и проводнику пришлось этого льва убить. Жена расстроилась по этому поводу и ночью ушла утешаться к проводнику. А наутро муж, преодолев свой страх, успешно охотился на буйвола. Но после этого его самого пристрелила собственная жена. Внешне – никаких чудес, лишь остаётся ощущение чего-то важного, скрытого за происходящим. Откуда оно? Где спрятан тот самый «хвостик», потянув за который можно распутать клубок?

Чтобы отыскать его, вспомним описание героев рассказа. Проводник, убийца льва, Уилсон: «Он был среднего роста, рыжеватый, с жесткими усами, красным лицом и очень холодными голубыми глазами, от которых, когда он улыбался, разбегались весёлые белые морщинки».

Марго Макомбер отмечает: «Мистер Уилсон, тот действительно интересен, когда убивает. Ведь вы всё убиваете, правда?»

«Да, всё, – сказал Уилсон. – Всё что угодно».

Рыжий, с жесткими усами, с красным лицом, очень холодными голубыми глазами, который убивает всё что угодно. Но ведь это описание льва! Животного, убитого Уилсоном.

Теперь описание убийцы буйвола: «Френсис Макомбер был очень высокого роста, очень хорошо сложен, если не считать недостатком такой длинный костяк, с тёмными волосами, подстриженными как у гребца, и довольно тонкими губами. Его считали красивым». В сочетании с психологическим портретом создаётся образ мирного, крупного и красивого существа. Если бы речь шла о животном, им бы, скорее всего, оказался буйвол.

Такое сходство людей с теми животными, которых они убивают, безусловно, не случайно.

Попробуем разобраться, откуда оно.

Вот описание душевного состояния супружеской пары – Френсиса и Маргарет – после того, как, поборов страх, Френсис убил буйвола:

«Макомбер ощущал огромное, безотчётное счастье. Никогда ещё не испытанное.

– Да, вот это была скачка, – сказал он. – Я в жизни не испытывал ничего подобного. Правда, чудесно было, Марго?

– Отвратительно, сказала она горько. – Мерзость».

Настроение Френсиса можно назвать праздничным, особенно если вспомнить определение этого настроения, связанного с убийством тотемного животного, данного Фрейдом в книге «Тотем и Табу»:

«Праздник – это позволительный, более того, предписанный эксцесс, торжественное нарушение запрета. Дело не в том, что у людей радостное настроение вследствие какого-то предписания и они предаются излишествам, а потому что эксцесс как раз и составляет суть праздника, праздничное настроение создаётся позволением делать то, что обычно запрещено».

Совершенно разные чувства возникли у мужа и жены. Праздничное у него и траурное у неё.

Маргарет не противница охоты, наоборот, она увлечена ею, отвращение вызвано успехом Френсиса. Дело в том, что с преодолением страха и убийством буйвола пришёл конец отношений между мужем и женой, в которых она играла главенствующую роль. До убийства животного, похожего на него самого, Френсис жил с Марго по закону матриархата: главенство женщины, полиандрия. После происходит переворот, но совершивший его герой погибает. При этом женщина, убившая мужа из нежелания подчиниться ему, тут же попадает в рабскую зависимость от другого мужчины: Уилсон быстро «обламывает» Маргарет, попытавшуюся противостоять и его воле.

«...– Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте, – сказала она.

– Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте. Так-то лучше, – сказал Уилстон, – пожалуйста – это намного лучше. Теперь я перестану».

Так заканчивается рассказ. Восстание против нового порядка жизни – патриархального – подавлено. Маргарет становится рабой мужчины, заступничество которого перед лицом общества для неё теперь – вопрос жизни.

Рассказ Хемингуэя даёт возможность с кинематографической точностью, в мелких деталях увидеть события, произошедшие много тысяч лет назад, во время перехода от матриархата к патриархату. Матриархат можно рассматривать как попытку установить мир с окружающей природой, полной опасности, повернувшись к ней пассивной – женской – стороной. Уступчивая по отношению ко всему внешнему, женщина устанавливает родственные связи с пугающим и угнетающим неразвитое сознание миром. Это тотемные связи, лозунг которых выражен в кличе: «Мы с вами одной крови».

Но по мере обретения сил, пробуждения разума происходит мужание, страх перед чудовищами внешнего мира ослабевает, исчезает и необходимость в установлении родства с могучими зверями.

Убийство тотемного животного обозначало вступление человека в войну со средой своего обитания, поворот супружеской пары мужской – активной – стороной к внешнему миру. В период матриархата попытка установления мира со средой обитания осуществлялась за счёт направленности агрессии внутрь, на свой биологический вид. Человеческие жертвоприношения, каннибализм были делом заурядным. Нельзя убивать и есть тотемных предков, а вот людей можно. Поэтому первобытная Маргарет быстро и решительно расправилась со своим мужчиной, притащившим к очагу отвратительную, на её взгляд, добычу – тотем племени. «Отвратительно, – сказала она горько. – Мерзость».

Сказала и вытерла об одежду из шкур свою палицу, испачканную в крови и мозге убитого охотника. Легко представить эту освещённую светом костра сцену – растерянный мужчина, рядом с ним запретная добыча и гневная фурия, наносящая смертельный удар.

Образы первых героев-тотемоборцов стерлись из осознанной части исторической памяти. Их вытеснили оттуда события и подвиги последовавших за ними поколений завоевателей и устроителей мира – внуков и правнуков сокрушителей тотемов.

Как же из тёмных глубин (или высот) далёкого прошлого вдруг так живо восстала давно забытая история?

Дело здесь, вероятно, всего, в личности самого автора, Хемингуэя, ему легче других было «вспомнить» момент крушения матриархата. Отгадка – в особенности личности «вспомнившего». Просто перечислю атрибуты его образа: страсть к боксу, охоте, в молодости – к войне, многочисленные браки (именно браки, а не связи), как следствие неосознанного стремления к полигамии, и при этом робость перед женщинами. Биографы пишут, что для него не просто было познакомиться с женщиной у стойки бара.

Хемингуэй стремился утвердиться в мужском качестве с таким неистовым энтузиазмом, словно чувствовал себя первым наделённым им человеком. Он примерял его ко всему, даже к судьбе: «Судьбу можно изнасиловать».

Осознав Хемингуэя прямым наследником духа «насильников судьбы» и ниспровергателей матриархата, мы с новой ясностью понимаем причины его конфликта с матерью в юности и самоубийства в критическом для мужчины возрасте. Даже ношение бороды и его грубый свитер приобретают определённый смысл в свете сказанного.

И, наконец, ещё одно свидетельство триединства Макомбера – первобытного, книжного и автора.

Страсть последнего к корриде. Корни корриды очень древние – они в забытых уже мистериях, а корни мистерий – не в истории ли, описанной в «Недолгом счастье»? «Вспомнив» в своём произведении первое жертвоприношение тотемного животного, Хемингуэй дал интересный материал, позволяющий глубже понять важный момент начала истории людей. Причина счастья Френсиса – «огромного, безотчётного» – в том, что он ощутил своё богоподобие. Вот что пишет по этому поводу Фрейд в упомянутой книге, ссылаясь на оригинального мыслителя девятнадцатого века Робертсона Смита: «Жертвоприношение было таинством, само жертвенное животное – членом племени. В действительности оно было древним тотемным животным, самым первобытным богом, убийством и поеданием которого члены клана обновляли и утверждали своё богоподобие». Вот причина счастья Макомбера. Он почувствовал себя богом.

А причина очарования творения Хемингуэя в том, что в каждом из людей живёт смутная память о том случае, но сами, без его помощи, мы не припомним.

Лишь прочитав, ощущаем прикосновение к заветному, к поступку забытого героя, общего предка всех нас. Поэтому так ощутим ветер саванны, веющий со страниц книги, что и мы что-то подобное помним. В тайниках сознания.

Современная наука отвергает матриархат, как стадию эволюции человечества. Во многом это связано с пересмотром отношения к марксизму, создатели которого безоговорочно приняли теорию Бахофена о материнском праве, некогда определявшем и регламентировавшем жизнь людей. Энгельс опирался на открытия Бахофена.

Сейчас возобладало мнение, что матриархата не было. Это очень интересно, с учетом того, что мы входим как раз в повторение этой стадии на новом витке спирали эволюции. Возрастание роли женщины в обществе, воскрешение культа Матери Земли (движение «зелёных»), засилье порнографии, вспомним «венер палеолита» – статуэтки с гипертрофированными половыми признаками, они и были первой порнографией.

Привлечение новых технологий позволяет изготавливать продукцию более высокого качества, но не менее выразительную. Смысл порнографии – в утверждении превосходства неистощимой женской сексуальности над ограниченной мужской. Доказательств ренессанса матриархата слишком много, но хочу остановиться на двух наиболее ярких. Тридцать шесть квадратных метров ринга – территория, где абсолютно неуместны женские качества. Ни одно из них.

Но женский бокс – состоявшийся факт, и недолго, наверное, осталось ждать, когда в перерывах между раундами на ринг будут выпрыгивать очаровательные юноши в кокетливых трусишках с оборками, колышущейся походкой будут они дефилировать вдоль канатов, неся в руках щиты с номерами следующего раунда. Точно так, как девушки в купальниках делают это сейчас в боксе мужском. Но и тогда найдутся люди, утверждающие, что никакого матриархата никогда не было и быть не может.

И ещё – роль женщин в политике традиционно патриархальных стран, таких, например, как Индия и Пакистан. Вдохновенные дамы – Ганди и Бхутта, лидеры, павшие от рук убийц, это новые Макомберы наоборот, память о них всегда будет жить теперь в душах граждан их стран. И может быть, в отдалённом будущем кто-то напишет о женщине, отдавшей жизнь за своё недолгое счастье на новой заре матриархата.

Огромные изменения в социальной жизни людей, смена ценностей и ориентиров – всё это можно понимать как частные проявления процесса замены патриархата матриархатом. В литературе изменения отношения полов особенно отчётливы становятся при рассмотрении трёх произведений, повествующих о супружеской измене: «Мадам Бовари», «Анна Каренина» и «Недолгое счастье». Два первых романа написаны в девятнадцатом столетии, и их авторы подвергают своих героинь казни. Это патриархат.

Но вот наступает смена формаций, и изменница уже не себя убивает, а мужа. Это новое время, это матриархат.

Честно говоря, мне неизвестно, чем на самом деле можно объяснить те вещи, которые раскрывает живое и внимательное прочтение рассказа Хемингуэя. То, что это не простое совпадение, очевидно, совпадение не может быть столь детальным. Но что тогда?

Метемпсихоз, в существование которого я не имею никаких оснований верить, или проникновение гения писателя в то, что называют непонятным именем «коллективное бессознательное?» Не знаю. Но, думаю, уместно вспомнить слова Хемингуэя о том, что литературное произведение подобно айсбергу, лишь на одну восьмую часть возвышающемуся над водой. Семь восьмых – скрыты.

Анализ скрытого содержания книг вскрывает поразительные факты – это не вызывает сомнений.

Возможно, этот метод позволит проникнуть в тайну тайн – причину выделения предка человека из животного мира.

Частым персонажем древнейшего из известных нам сегодня искусств – живописи на скалах – является териантроп, получеловек-полубык. Иногда его изображали проткнутым копьём. Может, это живописная версия сюжета, рассказанного Хемингуэем?

Все приведённые доказательства сходства Макомбера с героем, восставшим против матриархата, могут показаться недостаточными, если только рассматривать их раздельно. Но в сумме они если и не убеждают окончательно, то, по крайней мере, заставляют задуматься. Вспомним, кстати, что греки считали Прометея первым победителем быка.

Да, да, тот, кто научил людей пользоваться огнём, кто дал им ремёсла, был и первым, кто сумел убить быка. Правда, сам Прометей не был убит за свои подвиги. Его лишь приковали к скале. Память о добром герое-демиурге, страдальце за людей, существует с незапамятных времён. За то, что он одарил смертных огнём, боги приковали его к скале. Это не послужило уроком, прошло время, и в другой раз добрый бог попытался указать людям путь к спасению их душ. За это сами люди прибили его гвоздями к кресту. Не думаю, что это настолько разочаровало доброго бога в людях, чтобы он окончательно отказался от попыток помочь им. Но только вот кто будет казнить его в третий раз? В самых древних преданиях добрый покровитель рода человеческого часто ассоциируется с победителем быка. Возможно, это животное было предметом поклонения при матриархате. И кто знает, какие ритуалы совершали жрицы в капищах, посвящённых их божеству. Вспомним критскую царицу Пасифаю, забравшуюся внутрь деревянного макета коровы для того, чтобы совокупиться с быком.

Внимательное чтение даёт возможность «вспомнить» совсем уже напрочь забытое детство нашего биологического вида, несколько поспешно выбравшего себе самоназвание «человек разумный, разумный».

Звучит как заклинание. Хотя есть и некоторые вещественные доказательства этой разумности.

Гамлет и Дон Кихот. Возражение Тургеневу

Иван Сергеевич Тургенев в своей знаменитой лекции «Гамлет и Дон Кихот», кажется впервые в русской литературе, сопоставил образы этих литературных героев, сделав упор на эгоизме первого и альтруизме второго. При этом в самом начале лекции Тургенев заметил: «...В том и состоит особенное преимущество великих поэтических произведений, которым гений их творцов вдохнул неумирающую жизнь, что воззрения на них, как и на жизнь вообще, могут быть бесконечно разнообразными, даже противоречащими – и в то же время одинаково справедливыми». Сразу же поднялся шквал возражений, будто и не было мудрого предупреждения о возможности самых разных воззрений. С момента выступления Ивана Сергеевича прошло много лет, несколько изменился ракурс, и уже одно это позволяет по-иному рассмотреть пару образов. К тому же не будем забывать о допущении самим автором лекции иных, тоже справедливых мнений.

Конечно, между Гамлетом и Дон Кихотом много очевидных различий, но вот пошла к концу эпоха так называемого «нового времени», в начале которой были написаны книги о них, и теперь уже не различие, а сходство образов обращает на себя внимание.

Вопрос «Быть или не быть?», конечно же, не впервые прозвучал с подмостков лондонского «Глобуса», но, прозвучав оттуда, он впервые попал в резонанс с вибрацией того, что отец Зосима называл «миром горним и высоким», а теперь это «кол-

лективное бессознательное», «ноосфера» или что-то ещё. Возможно, английский язык стал языком общения нового времени в силу того, что этот основной вопрос эпохи был сформулирован на нём.

Проблема выбора между бытием и небытием приобретает актуальность в сознании, созревшем для бунта против диктата чуждых ему биологических законов. Оно, сознание, изначально ориентировано на такой бунт, не желая ограничиваться возможностями «квинтэссенции праха». Тело тоже тяготится бременем условностей, навязываемых сознанием. В определённый момент конфликт неизбежен.

Каждая клетка живого организма, посылая в мозг сигналы, кричит: «Быть!», но разум желает избавления от неудобного для него процесса биологического существования. Рано или поздно возникает вопрос: а что, если избавиться от ограничений, проклянуть скорлупу?

«О, если б этот плотный сгусток мяса растаял, сгинул, изошёл росой!»

Момент между шестнадцатым и семнадцатым веками, видимо, был для европейского мира временем равновесия сил между витальным «быть» и интеллектуальным устремлением к небытию. Но работа сознания, подталкивающая к избавлению от мясного плена, в то же время останавливает от последнего, рокового шага.

«...Так трусами нас делает раздумье». Это состояние раздвоенности приводит Гамлета к безумью, он сетует: «Сам я скорее честен: и всё же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет, я очень горд, мстителен, честолюбив, к моим услугам столько прегрешений, что не хватит мыслей, чтобы о них подумать, воображения, чтоб придать им облик, и времени, чтобы их совершить». Такая самооценка – результат смятения, внутреннего конфликта.

У раздираемого равными, но противоположными влечениями человека есть два ответа на такое положение вещей: Плач или Смех.

Два литературных произведения, вышедшие в свет почти одновременно, «Гамлет» и «Дон Кихот», отразили эти два типа реакции на неразрешимую проблему. Оба они повествуют о перипетиях борьбы сознания против диктата породившей его жизненной силы.

Два безумца, принц и идадьго, бунтуют против ничтожности возможностей телесной оболочки, мешающей их сознанию действовать сообразно своей природе. Дон Кихот заключает стареющее тело в железные доспехи, надеясь таким наивным, таким внешним образом превратить его в инструмент для достижения целей, поставленных фантазией измененного сознания. Сервантес видит, и нам показывает, комическую сторону борьбы разума с телесной оболочкой. Шекспир – трагическую. В «Гамлете» он отвергает комическое категорично, считая его вообще невозможным, и, чтобы не оставлять никаких сомнений по этому поводу, устами своего героя говорит: «О, Господи, я попросту скоморох. Да и что делать человеку, как не быть весёлым? Вот посмотрите, как радостно смотрит моя мать, а нет и двух часов, как умер мой отец». Проблему допустимости веселья он обсуждает с самым компетентным в этом вопросе собеседником. С черепом шута.

«Увы, бедный Йорик. Где теперь твои шутки? Твои дурачества?» Более весомого доказательства неуместности смеха в этом мире, чем сцена беседы с черепом на кладбище, придумать просто невозможно. Неопровержимая холодная логика, основание которой – «истины, известные гробам», и пламенная страсть убеждения соединены Шекспиром в этом доказательстве.

Ну, а Сервантес, несмотря ни на что, смеётся, рассказывая о человеке, обуреваемом такими же переживаниями, основной вопрос существования которого тот же: «Быть или не быть?»

Качалов, исполнитель роли Гамлета, говорил об оскорблённой любви принца к добру как о причине его печали и скепсиса. Но точно так же, если только не сильнее, было оскорблено и даже растоптано подобное чувство Дон Кихота. Оба они ры-

цари печального образа, хотя Дон Кихот вроде комичен, но комизм этот – лишь свидетельство силы духовного мужества Сервантеса.

И.С. Тургенев в уже упомянутой лекции указывал на различие между альтруистом Дон Кихотом и эгоистом Гамлетом. Но из большого удаления во времени в глаза бросаются уже не второстепенные отличия, а сходство – если не тождество – двух персонажей. И тому, кто увидел это тождество, становится понятно: вовсе не случайно почти одновременность выхода в свет двух великих книг. Как и не случайно, что вторым по распространению в современном мире европейским языком стал испанский, а не французский или немецкий, на которых не было создано произведений, сопоставимых с рассматриваемыми. Гамлет и Дон Кихот распахнули двери в новое время, девизом которого стал вопрос: «Быть или не быть?» У одной створки раскрытых тяжёлых дверей стоит молодой, немного грузный блондин, одетый в чёрное. Возле другой – седой высокий бородач в блестящих доспехах.

Мы живём во время завершения этой эпохи, начало которой ознаменовалось выходом в свет произведений Сервантеса и Шекспира. За время поиска ответа на основной вопрос завершающейся эпохи обнаружилось, что ни выбор одной из альтернатив, ни компромисс между ними не являются полноценным ответом. Ответ вообще не лежит на оси, соединяющей эти два полюса. Его место там, при взгляде откуда бытие и небытие сливаются в одно неделимое.

Эпоха, когда человек вплотную задался вопросом «Быть или не быть?», неминуемо должна была породить средство полного самоуничтожения, иначе её основной вопрос превратился бы в фикцию. И создание ядерного оружия, как средства реализации программы «не быть», явилось важнейшей и заключающей вехой этого времени. А выбор «быть» всё равно значит то же, что и «не быть», так как в итоге приводит к безудержному расходованию ресурсов самой среды обитания человека, делая невозможным продолжение существования.

Оба открывателя новой эпохи теснейшим образом были связаны со временами прошедшими, откуда они произошли. Ведь без прошлого нет будущего. Гамлета с прошлым связывает тень отца, Дон Кихота – образы рыцарей из обожаемых им романов. Совместная тайна пары рассматриваемых книг заключается в сходстве их героев и единстве основной проблемы, стоящей перед ними.

В завершение упомянутой лекции Тургенев сказал: «Мы сочтём себя счастливыми, если укажем на те два коренные направления человеческого духа, о которых мы говорили перед вами, мы возбудили в вас некоторые мысли, быть может, даже не согласные с нашими, если мы хотя приблизительно исполнили нашу задачу и не утомили вашего благосклонного внимания».

Мысли, не согласные с его мыслями, отнюдь не плод самонадеянности, они пришли под диктовку произошедших перемен, а что до утомления «благосклонного внимания», то простим великому маленькое кокетство: как же можно утомиться чтением Тургенева? То, что сказано о Гамлете и Дон Кихоте, ещё нельзя назвать обнаружением направления поиска, поскольку ограниченность числа сюжетов и, как следствие, типов героев этих сюжетов, вещь давно известная. Произведены даже подсчёты числа вариантов сюжетов, правда, с несколько различными результатами. Но дело не в количестве сюжетов, а в одарённости рассказчика, их использующего. Рассказ должен захватывать и увлекать, обычно это удаётся настолько, что читатель проходит мимо самого важного, но скрытого послания, обращённого к нему. Возможно, я заблуждаюсь, полагая, что рассмотрение всей мировой литературы как источника важнейшей, жизненно необходимой информации очень обогатило бы наши знания и помогло в выборе пути. А может, и не заблуждаюсь. Мне кажется, требуется лишь живое прочтение, направленное на поиск того, что не всегда лежит на поверхности. И начинать его надо с самых истоков, с тех произведений, которые легли в основу всей литературы. Самым первым, очень важным выводом в этом случае будет опровержение пред-

ставления о безусловности прогресса. Если бы человечество двигалось только «вперед и вверх», «Илиада» не осталась бы до наших дней недостижимым образцом словесного творчества. Если бы человек неуклонно рос в интеллектуальном и духовном отношении, было бы создано хотя бы одно произведение, равное произведениям Гомера. Но таковых нет. Этот факт не отвергает прогресса, он лишь указывает на сложность его пути. История литературы, как и любой процесс, имеет свои циклы, взлёты и падения, но даже и в моменты максимальных своих взлётов литературные произведения едва приближаются к «Илиаде» и «Одиссее».

Мир войны

Одним из таких приближений к уровню недостижимого образца была русская литература девятнадцатого века. Поэма «Тарас Бульба», роман «Война и мир» – произведения, наиболее близко стоящие к «Илиаде». О сходстве поэмы Гоголя с «Илиадой» говорилось неоднократно, Николая Васильевича даже называли Гомером степей. Лев Толстой, определяя жанр «Войны и мира», указывал на сходство своего произведения с «Илиадой» и «Одиссеей». А Гончаров писал: «Это положительно русская «Илиада...». Примеров сопоставления произведений много, но при этом никто, кажется, не отметил главного признака, объединяющего их, – общность темы. Общность в том узком смысле, что повествование ведётся об одном и том же событии, длящемся уже более трёх тысяч лет. И в «Илиаде», и в «Тарасе Бульбе», и в «Войне и мире» повествуется об одной и той же нескончаемой войне Запада с Востоком.

Эта мировая война, первая и единственная, началась с высадки коалиционных сил Запада под командованием Агамемнона у стен Трои. С тех пор война Запада с Востоком никогда не прекращалась, случались лишь краткосрочные передышки, моменты накопления сил, но и в эти моменты накал вражды лишь возрастал.

Война по сей день остаётся единственным способом существования человечества. При этом Восток и Запад являются понятиями отнюдь не конкретно-географическими, а абстрактно-метафизическими. Между севером и югом есть чёткая граница – экватор, признаки их отличия невозможно не видеть, двигаясь по поверхности земли в широтном направлении. Но отличия между Востоком и Западом условны, признаки его обнаруживаются лишь на небосклоне. Там, где восходит солнце, – восток, там, где садится, – запад. На земле же граница часто определяется по приоритету разных идей или просто проходит по линии фронта.

Так было и в 1812 году – для французов, увлекавших за собой всю Европу, Россия была, безусловно, Востоком. А вот для монголов за пятьсот семьдесят лет до нашего шествия французов Русь была Западом.

Восток и Запад удаляются не только в переносном, но и в прямом смысле – вначале, во времена Приама, их разделяло узкое море, теперь весь простор земли.

Запад не всегда был агрессором, но он всегда пытался любыми средствами диктовать Востоку свою идеологию и нормы.

На протяжении трёх тысяч лет менялись локализации понятий, вооружение и способы ведения войны, но механизм военных действий не менялся – Запад использовал преимущество в дипломатии, организации и технике – Троянский конь был первым техническим средством, обеспечившим победу сил западной коалиции. «Троянский конь – ключ к Азии воротам». Рвущийся на Восток Александр Македонский в походе читал Гомера.

Восток силён боевым духом и презрением к смерти. За три тысячи лет ничего не изменилось кардинально, война шла и сейчас идёт, меняются лишь вооружение и способы уничтожения людей. Толстой всё время указывает на недостаточность видимых и общепринятых причин начала войны – противного человеческой природе и разуму события.

«Какие были причины его?» – спрашивает Толстой. И отвечает: «Историки с наивной уверенностью говорят, что причинами этих событий были обида, нанесённая герцогу Ольденбургскому, несоблюдение континентальной системы, властолюбие Наполеона, твёрдость Александра, ошибки дипломатов и т. п.»

И следом опровергает все возможные и привычно называемые причины, как ничтожные и вообще не связанные с фактом войны: «...почему вследствие того, что герцог обижен, тысячи людей с другого края Европы убивали и разоряли людей Смоленской и Московской губерний и были убиваемы ими». И в результате нескольких интересных и доказательных умозаключений приходит вот к чему: «И, следовательно, ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. Должны были миллионы людей, отрекшись от своих человеческих чувств и своего разума, идти на Восток с Запада и убивать себе подобных, точно так же, как несколько веков тому назад с Востока на Запад шли толпы людей, убивая себе подобных». Вот гениальное прозрение единственной и истинной причины войны – противопоставленность Заката и Восхода.

Гомер по поводу необъяснимости человеческой воинственности говорил:

*«...Всем во мгновение война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную».*

Все заявленные причины «напора на Восток» фиктивны и разоблачены ходом истории. Крестоносцы, устремлявшиеся на отвоёвывание Гроба Господня, между делом разграбили христианский Константинополь. Христианский, но восточно-христианский.

Ещё один характерный пример: Гитлер, напав на Европу, не учинил там и малой доли тех зверств, что в Польше и России.

Французскому еврею, чтобы спастись от репрессий, достаточно было иметь бабушку француженку. Но вот русского с небольшой примесью еврейской крови при «новом порядке» ждала смерть. Поэтому в Скандинавии они вели себя очень тихо, а в Белоруссии расстреливали детей и женщин. Сам СССР в войне против фашистов был Востоком, а вот в войне против Афганистана – Западом. И там уже мы пытались навязать свой уклад и идеологию. Интересно, что когда эта война была практически выиграна, вмешался западный Запад и путём интриг в советском руководстве и поставок оружия моджахедам переломил её ход. Теперь они сами, в соответствии с тысячелетней традицией, пытаются насаждать там свои принципы. Запад есть Запад.

Начиная с семидесятых годов прошлого столетия некоторые политологи высказывались о том, что конфронтация «Запад – Восток» будет заменена на конфронтацию «Север – Юг». Богатый, благополучный Север против нищего Юга. Внешне, вроде, всё к тому и шло, особенно в последнее десятилетие века. Но это оказалось временным отклонением от основного вектора борьбы. Понимание метафизического смысла противостояния между Западом и Востоком, противостояния, отмеченного самыми яркими небесными знаменами – закатом и восходом, не допускает возможности изменения полюсов противостояния. Юг и север могут сойтись вместе, и это происходит на экваторе, но закат и восход несовместимы. И политическая жизнь начала двадцать первого века всё вернула на свои места – снова, как и во времена Гомера, Запад с помощью технического превосходства и подкупа предателей навязывает Востоку свою гегемонию.

Гомер описал начало боевых действий, Толстой через три тысячи лет продолжил описание, но теперь с противоположной – восточной – стороны. И описал, конечно, момент реванша Востока. Не стоит искать сходство в характерах героев, три тысячи лет срок хоть и не очень большой, но достаточный, чтобы изменились до неузнаваемости психологические типы, надменный Агамемнон не угадывается в самолюблённом Наполеоне. Лишь один женский образ – прекрасной и вульгарной Елены,

первой красавицы, развратной и фальшивой, что в «Илиаде», что в «Войне и мире», связывает галереи характеров героев этих произведений. Но это совпадение имени и характера, конечно же, случайное. Хотя имя это значит «луна» – ночное светило, символ смерти. Под маской мраморной красоты прячется страшный, искажённый гримасой лик. Толстой долго не мог найти имя для Курагиной, оно пришло в момент завершения работы. Как и само название произведения. Но будем считать, что это так, случайность. Так же случайна противопоставленность вечной Елене её вечного же антипода – в первом случае это Пенелопа, во втором Наташа. И ещё, если верить Карлу Юнгу, луна является символом невесты. Элен Курагина пыталась выйти замуж при живом муже, точно так же, как это сделала её предшественница Елена Прекрасная, выйдя замуж за Париса при живом Менелее. Две вечные невесты, продолжающие искать мужа и после замужества. Пенелопа ждёт пропавшего на войне мужа. Ждёт своего жениха и Наталья Ростова, но не дожидается, хочет бежать. Сила судьбы в образе тётки-гренадёра вмешивается и не позволяет этого. Ей уготовано ухаживать за своим умирающим избранником, её роль – верная подруга, и выйти за рамки этой роли Наталья не может. Просто так устроена жизнь.

Но, возможно, всё это действительно случайные совпадения.

Неслучайна лишь вражда и война Запада с Востоком. Истинные причины этой вражды неизвестны, думаю, никому. Возможно, они заключены в том, что Земля – единственное место во Вселенной, где идеи, овладевая массами, становятся реальной и физической силой. И только на Земле они имеют шанс померяться силами, вступить в прямое противоборство. Коренное отличие двух участников вечной мировой войны именно в наборе идей. А если так, какой уж тут мир. Он невозможен.

Конечно, только события двадцатого века расставили всё по своим местам, Толстой не мог о них знать. Теперь ясно – мы видим – побеждённая Германия нынче союзник Америки и Англии, цельное и процветающее государство. Главный победитель – СССР – перестал существовать, а спасённые им, якобы братские, народы – в числе наиболее непримиримых врагов России. Вот цена союзничества с западными странами!

Во время Второй мировой войны двадцатого века впервые произошло военное столкновение крайнего Запада – США и крайнего Востока – Японии (крайние, они, конечно, в метафизическом смысле).

Потрясающий пример неизменности и неотвратимости происходящего в мире. Снова, как три тысячи лет назад, горят корабли западных сил (Перл Харбор), снова героизм воинов Востока, божественным ветром обрушивавшихся на врага, снова применение Западом невиданной технической новинки в конце войны – на этот раз не деревянного коня, а атомной бомбы, и снова утверждение западного стандарта на побеждённом Востоке. Япония приняла американскую политическую и экономическую модель. К большому сожалению, та война на Тихом океане не нашла своего Гомера или Толстого, между тем её картина была едва ли не самой выразительной и яркой за всю историю людей и их войн.

Замечу, это не привело бы к тектоническим сдвигам в истории человечества. Я несколько не пытаюсь сказать, будто японцы «лучше» жителей прибалтийских стран. Нет, просто совершенно разные ценности, разные традиции.

Ловко спутав карты, Англия и Америка, союзники России, стремились к тому же, к чему французы в их войне против России. Эта задача сформулирована Толстым и вложена в уста Наполеона: «С высот Кремля, – да, это Кремль, да, – я дам им законы справедливости, я покажу им значение истинной цивилизации, я заставлю поколения бояр с любовью помнить имя своего завоевателя».

Показ «истинной цивилизации» вот уже три тысячи лет уныло совпадает с показом истинной жестокости и коварства, и теперь не видеть этого может только слепой или ангажированный человек. Под словами Наполеона подписался бы и Гитлер.

Лев Николаевич, хоть и не мог знать будущих событий, до конца открывших природу вечной мировой войны, объяснял: «Люди Запада двигались на Восток для того, чтобы убивать друг друга».

В размышлениях князя Андрея Толстой отрицает само понятие «военный гений»: «Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

Всё подчинено одной главной, хоть и скрытой, необходимости – войне Запада с Востоком. Воля императоров и полководцев вообще ничего не значит, это даже не исчезающая величина, а просто отсутствующая. Движение из сожжённого Смоленска на Москву – губительно, любой, самый глупый человек должен был понимать это, но Наполеон движим не умом, а другой силой – магнитом Востока, он губит армию, только чтобы увидеть сказочную азиатскую столицу. Он идёт не на Петербург, а на Москву, видя в ней сердце Азии.

Понимание непримиримости Запада и Востока выявлено ходом истории, раньше оно было не явным, даже во времена, когда писал Толстой, только гений мог увидеть то, что сейчас очевидно и простому человеку. В ещё большем временном отдалении и гениальности человеческой было недостаточно, чтобы увидеть это. Можно вспомнить двух русских князей, Александра Невского и Даниила Галицкого. Первый, действовавший как непримиримый противник Запада, был причислен к лику святых, а второй, доблестный и умный витязь, искал союзников на Западе и привёл свой край к временному расцвету, а в итоге стал виновником его разорения, в исторической перспективе – отделению от русского пространства. Хотя, возможно, что свою роль сыграли рассказы новгородских купцов, бывших свидетелями разграбления Константинополя крестоносцами. Разумение Галицкого подсказывало: «О, злее зла честь татарская». Но оказалось, что есть вещи и злее татарской чести. Например, честь папская.

Понимание изначальной противопоставленности Запада и Востока необязательно должно порождать стремление уничтожить вечного врага, победить его. Наоборот, это понимание приводит к мысли о невозможности победы одной из сторон. Как невозможно отпилить один из полюсов магнита, так невозможна и полная победа в этой мировой войне. Мы видим, что произошло в наше время: опираясь на своё преимущество в развитии технологий и подкупив предателей в СССР, Запад разрушил восточную державу. Точно так поступили данайцы под Троей. А в итоге этой «эпохальной» победы Запад получил противоядие в лице Китая. По меткому замечанию Л.Н. Гумилёва, русские воюют против армии противника, китайцы – всегда – против всего населения.

Без понимания глубины и сложности проблемы невозможно её решение, хотя само такое понимание ещё не служит гарантией благополучного результата. Но даёт на него шанс. Очень хорошо иллюстрируют прогноз на будущее воспоминания о прошлом. Особенно такие, что донесены до нас «Илиадой».

Вот Эней, зять царя Приама, по моему глубокому убеждению, предатель, вступает в сговор с маниакально-депрессивным психопатом Ахиллом и хитроумным Одиссеем. Не самый сильный боец, он вызывает непобедимого Ахилла, причём тогда, когда победа греков становится ясной. На бой он становится в таком отдалении от своего войска, что удивляется даже Ахилл:

*Что ты, Эней, на такое пространство
отшедши от рати стал?
Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
В гордой надежде, что ты над троянами
царствовать будешь.*

Это тем более странно, когда вспоминаешь, как яростно бились воины за труп Патрокла.

Почётное захоронение воина – важнейший момент его судьбы.

Выдвинувшись далеко вперёд, Эней заранее лишает себя шанса быть похороненным с почестями. Но этого не могло быть, ведь он знал, что души непогребённых обречены на муки в Аиде. Но никакого погребения, речь, наоборот, шла о сохранении жизни. Он однажды уже «чудом» спасался от Ахилловой силы, о чем тот не преминул скромно напомнить:

*Или забыл, как тебя одного, изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротой
Ты убежал?*

Убежать от быстроногого Ахилла невозможно, в беге он не имел себе равных, об этом много раз говорится в «Илиаде». Вероятно, Ахилл тогда догнал Энея. Но они как-то тогда договорились. Гомер указывает, что до смерти Патрокла Ахилл был склонен получать выкупы за пленных. Возможно, не только деньгами, но и услугами.

И вот Эней, уже имевший опыт успешных переговоров с Ахиллом, просто вышел обсудить дела, выговорить условия для своей семьи после падения города.

Так и получилось: после долгой беседы они для вида швырнули копья, а потом Эней бросил камень в Ахилла. Всё, на этом бой закончился, вмешался Посейдон: «Быстро, как бог, разлил тьму...» и спас Энея. Тьму разлил не Посейдон, а Гомер, не желавший рассказать правду и тем самым развенчать военный успех Запада, указав на истинную причину победы – предательство.

После вступительной беседы без свидетелей и имитации боя Эней, во второй уже раз, «чудом» спасается. Определённо, парень как-то втянулся в это дело. Затем он снова спасается из гибнущего города и становится основателем нового центра западного мира – Римской империи. Этот ловкач спасся вместе со всей своей семьёй, даже отца-паралитика умудрился вынести. Пропала только жена Креуса, дочь ненавистного царя и сестра виновника войны Париса. Эней, настоящий восточный политик, пройдя через множество трудностей, вовремя избавившийся от мешавшей его делишкам жены и удачно женившись впоследствии, закладывает основу будущей западной цивилизации – империю Рима. Он вообще склонен был делать карьеру с помощью женщин, что в Трое, что в Африке, доведя бедную Дидону до самоубийства, что на Апеннинском полуострове.

И благодаря его изворотливости, Восток перешёл в Запад. Это предупреждение всем «ястребам». Инь превращается в Янь.

Крайности переходят в противоположности. В яростной схватке. Как и в наше время. Война Америки с Японией была не только ярким свидетельством цикличности исторического процесса, но и указанием неизбежности будущей, страшной по своей ожесточённости и масштабу битвы между крайним проявлением западной идеи и идеи восточной. Следующая война Америки с Восточной Азией так же неизбежна, как неизбежна смена времён года или закипание воды при её нагревании. Ход вещей неумолимо ведёт к этому. Ослабление США, успех Китая, быстро уравнивающий их силы, – оба этих экономических процесса необходимы теперь потому, что ведут к главному событию, столь противному природе и уму человеческому – войне. Вспомним пророчество Киплинга:

*О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с Мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землёй
На страшный Господен Суд.*

Хиросима и Нагасаки – репетиция этого суда, первое заседание. Не видеть этого могут разве что политики, ну так они вообще мало что могут видеть. Всё сказанное Львом Николаевичем о полководцах следует отнести и к политикам. Если бы количество ошибок и неправильных решений, в норме принимаемых политиком, считающимся успешным и любимым народом, перенести на профессию инженера или шофёра, то ни строительство, ни вождение автомобиля были бы невозможны. Но, может быть, оправданием этому служит понимание истинной исторической роли каждого политика – подготовка к новому этапу Вечной войны. Мир – это подготовка к войне, чем он прочнее и продолжительнее, тем страшнее будет последующая война.

Толстой много и убедительно пишет о расхождении настоящих целей исторических событий с целями, полагаемыми людьми. Но потому-то он и гений, что не только рассуждает, как это может делать каждый способный думать и не боящийся этого опасного занятия человек, Толстой ещё и показывает читателю живую картину, подтверждающую ход его мысли. При этом он изобразил картину войны в её развитии, не с момента вторжения Наполеона – нет, он даёт почувствовать все её импульсы, все попытки противостоять им, замирения между Александром и Наполеоном, попытки союзничества с немецкими государствами и, наконец, неизбежность войны против западной коалиции. Заслуга Толстого не в том только, что он продолжил начатое Гомером описание Великой битвы, но ещё и привёл к пониманию её цикличности и нескончаемости. Во всяком случае, до Страшного суда. Когда Запад и Восток сойдут со своих мест, чтобы сойтись в завершающей бойне.

Для людей простых, не решающих проблем того масштаба, какие решали в тринадцатом веке Невский и Галицкий, понимание противостояния Восхода с Закатом тоже важно, оно позволяет лучше понять и даже переосмыслить многое, в том числе название романа Толстого. Точно так же, как сам роман открывает неисчерпаемую вечность этой темы. Если действительно «Война и мир» продолжает тему «Илиады», повествуя о главном историческом событии, длящемся беспрерывно уже три тысячи лет, то слово «мир» в понимании антипода войны становится неуместным.

Его надо понимать как определение места существования людей, ойкумену. Место существования – мир, способ существования – война. Не случайно простые люди у Толстого зовут мародёров «миродерами». При таком прочтении легко увидеть, что «Илиада» и «Одиссея», объединённые вместе, – тоже «Война и мир». Ведь «Илиада» посвящена описанию войны, а «Одиссея» – описанию мира, в котором эта война происходила. Ритм гекзаметра совпадает с ритмом боли и бреда тяжелораненого, те же протяжные, тяжкие импульсы. Ощущение смертельной раны пульсирует в ритме гекзаметра:

*Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом;
Сын отца знаменитого, мать имею богиню;
Но и мне на земле от могучей судьбы не избежать;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелой из лука».*

*Так произнес, и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность; ниц он по черному праху
Лег, распростершись; кровь захлестала и залила землю.
Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
«Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вокруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не мать на ложе
Тело твоё, чтоб оплакать, положит...*

Источник этой изобразительной силы – двойной, он не только в смысле слов, но и в их ритме. Возможно, это ритм длительной и нестерпимой боли, телесной или душевной, не берусь сказать. Бесспорно, однако, именно это чувство – боль – и есть главный результат войны – события, противного человеческой природе и разуму. Но для уверенного суждения на таком уровне необходимо чтение на языке оригинала, мне же приходится полностью доверяться переводческому гению Гнедича.

«Мир войны» более точно выражает смысл произведений. Но, конечно, столь претенциозное и в то же время прямолинейное словосочетание ни в коем случае не могло стать названием великого романа. Написать так Толстой не мог, это против элементарных правил литературы. Название романа порождает в нашем сознании бесконечный ряд противоположностей: тьма и свет, смерть и жизнь, холод и жар. Продолжать можно долго, и эхо этого продолжения звучит, удаляясь. Но главное упоминание заключено в том, что война – это ожившая смерть, а мир – замершая жизнь.

P.S.

Когда по прошествии времени я снова перечитал эту книгу с целью улучшить и сделать более привлекательной для редакторов, с изумлением обнаружил – текст, посвящённый раскрытию тайн книг, оказывается, имеет свои, пусть не такие уж важные и символические, но все же небезытересные загадки и тайны.

Подобно тому, как ночное светило Луна светит отражённым солнечным светом, мой текст несёт, оказывается, отражённое сияние тех светил, на которые я имел смелость указывать в нём. Открытие это очень воодушевило меня и обнадёжило. Появилась надежда на то, что рано или поздно написанное мной найдёт своего читателя и какое-то время будет жить своей судьбой, не зависимой от судьбы написавшего.

В чём заключаются тайны моей книги, указывать не стану, ведь если читатель не сможет обнаружить их сам, значит, всё прочитанное не пошло впрок, не имело силы воздействия. Решусь только подсказать: подбор рассмотренных произведений, их количество, хронология появления на свет оказались не случайными. Помимо моей воли, я рассказал о себе и своих сокровенных мыслях чуть больше, чем собирался. Это обстоятельство, приближающее меня к тем, кто оставил после себя тайны в своих текстах, очень лестно для меня.

Читателю дотошному и заинтересованному, если таковые обнаружатся, предстоит самому докопаться до загадок моего текста. Если это не удастся, значит, всё написанное мной либо не имеет под собой реальной основы, либо было неудачно изложено.

МАРАТ ШАФИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БАКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

«Я романтику в жизни солдатской искал...»

2015 год – столетие со дня рождения Константина Симонова.

Его стихотворение «Жди меня, и я вернусь...» задело нерв эпохи. Переписанное миллионы раз, оно дарило отчаявшимся людям жизнь. По силе и мощи военные стихи Симонова сопоставимы с танковой армией.

(Вспоминается древняя легенда: когда спартанцы попросили своих союзников о помощи, греки ответили: мы не можем прислать ни большого, ни малого войска, но мы пришлём к вам певца, пусть невзрачного на вид, но который своими гимнами вдохновит вас на победу.)

За своё «Убей немца!» (стыдливо спустя годы переименованного в «Убей его!»): *«Так убей же хоть одного!/ Так убей же его скорей!/ Сколько раз увидишь его,/ Столько раз его и убей!»*) Симонов не нуждается в оправдании – само время оправдало его.

Утверждают: Симонов умер вместе с советской эпохой. Но в истории нет потерянных времён. Как только мы вспоминаем «Красную Империю», так сразу же воскресают её летописцы-поэты. Симонов воскресает каждый раз, как только в мире востребована мужская героика.

А сегодняшняя русскоязычная бакинская поэзия, сплошь женская, – в своём истоке была не просто мужской, её возглавили и вели боевые офицеры-орденоносцы: майор Иосиф Оратовский, капитан Вячеслав Зайцев, капитан Иван Третьяков, погибший в 41-ом политрук Сергей Иванов. К этому ряду надо причислить и офицеров Петра Симонова, Михаила Петракова, Станислава Савельева.

Пётр Фирсович Симонов батрачил с малых лет, беспризорничал, попал в детский дом. В 1932 году окончив техническую школу, с 18 лет слесарничал на Россельмаше, потом строил Сталинградский тракторный. Увлекающегося чтением паренька привлекли к выпуску заводской газеты, в которой, кроме очерков, печатались и первые его стихи.

Он входил в состав местного кружка пролетарских поэтов. Литературное объединение «Ростсельмаш» – ровесник известного всей стране завода. А начиналось всё с агитбригады, которой руководил худой, в штопаных шевиотовых брюках фрезеровщик Анатолий Софронов (будущий редактор всесоюзного журнала «Огонёк»). Софронов о том времени вспоминал: *«Писали мы о том, что видели, что строили и чем жили. Мы многого тогда ещё не знали и не разбирались в тонкостях поэтических направлений, но кто такой Маяковский, мы хорошо знали. Мы следовали за ним, подражали ему. Писали плакаты и сочиняли лозунги, которые развешивали в заводской проходной, в цехах, над станками. Нам хотелось работать, как Маяковский. И жить, как он!»*

С 1936 года – служба в Советской армии. После демобилизации успел поработать в газете «Красный кавалерист», в Великую Отечественную выполнял разные задания по организации обороны на Северном Кавказе. Потом – корреспондент Центрального радио (программа «Последние новости») по Азербайджану.

Жизнь на износ, в постоянных командировках – всегда жизнь короткая. Из 55 отведённых ему судьбой лет Симонов последние 10 лет жил в Баку.

Книги: «В разведке», «Среди друзей» (Ростов: 1938,1941), «Боевая линия» (Орджоникидзе, 1942), «О Родине» (Краснодар, 1947), «Два сердца» (Баку, 1958, повесть), «Железные деревья» (Москва, 1961), «Белые птицы» (Баку, 1966), «Избранное» (посмертно – Баку, 1975).

Пётр Симонов

Железные деревья

Под небесами Ленкорани
В прохладной утренней росе
Перед Талышскими горами
Они стоят во всей красе.
Привольно им в зелёном доме.
Ласкает ветер жёсть листвы.
Их не увидишь в буреломе,
Не склонят гордой головы.
Им нипочём любая сила,
Ни жадный короед, ни тля.
Бессмертья соками поила
Их наша щедрая земля.
Богатства наши умножая,
Им с этой суждено поры
Быть на охране урожая
Полей колхозных Астары.
Лесничий шутит:
– Что лесничий!
Сюда бы надо кузнеца.
Вошёл бы в наш лесной обычай,
Стучи и слушай щебет птичий –
Работы б не было конца...
И смотрят изумлённо люди,
Зайдя в железные леса:
Стволы здесь, как стволы орудий,
Безмолвно целят в небеса.
Стоят под кроною густою.
Когда июльский зной печёт,
Надрежь, и кажется, струёю
Металл из раны потечёт.
Сруби – побеги так и лезут,
Цветут – среди снегов зимы...
Уж если дерево – железо,
То из какого сплава мы!

Десятилетним подростком **Михаил Петраков** прошёл ужасы немецкой оккупации. Точно так же стоял над пепелищем дома его погодок Юрий Гагарин. И не их ли видел отступающий с войсками Симонов: «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,/ Как шли бесконечные, злые дожди,/ Как кринки несли нам усталые женщины,/ Прижав, как детей, от дождя их к груди?»

С 1951 года жизнь Петракова связана с армией: рядовой, сержант, офицер, корреспондент газеты Бакинского военного округа «На страже», а после выхода в запас – ответственный секретарь журнала «Литературный Азербайджан». Женится на дочке генерала. Стихи издавались в журналах «Советский воин», «Юность» и персональных книгах: «Встреча с юностью» (1963), «Ясность» (1970), «Звезда в горсти» (1976), «Память» (1982), «Есть такая страна» (1987) (для детей). Уехал из Баку в начале 90-х.

Михаила Петровича Петракова вспоминают как человека очень любезного и по-военному чёткого. Эта честная прямота, опушённая лирической чуткостью, характерна и для его стихов.

Михаил Петраков

Романтика

**Гимнастёрку надев, и в палатке, в песках,
поселившись вдали от дорог,
я романтику в жизни солдатской искал,
но найти её так и не мог.
Было всё в наших буднях: и ночи без сна,
и горячка учебных боёв,
и тревожный, волнующий вой ревуна...
Только не было светлой – её.
Просто так же, как все, я стоял на постах,
просто драил на кухне котёл,
углублялся в конспекты, уставы листал,
чучела на занятиях колол.
Просто в баню ходил не один, а в строю,
на плацу не жалел своих ног,
и винтовку свою, как невесту свою,
по совету сержанта берёг.
Просто пел по приказу старшин, как друзья,
мок в походах под ситом дождя...
А что это и было романтикой – я
понял, только в запас уходя.**

**Как живётся ей? Дружится с кем ей сейчас?
От рассветной зари дотемна
так ли ищут её заменившие нас?
Ей нельзя, ох, нельзя увольняться в запас.
Пусть бессрочную служит она.**

В 1943 году в СССР открылись девять суворовских училищ, и девятилетнего Стасика (в числе 70 ребят из Азербайджана) приняли в Ставропольское суворовское училище, после окончания которого в 1952 году его учёба продолжилась в Тбилисском высшем пехотном училище.

Станислав Савельев служил в различных структурах Закавказского военного округа, в частности – редактором дивизионной газеты. Публиковался также в центральной военной периодике: газете «Красная звезда», журнале «Советский воин». Заочно получил юридическое образование и, выйдя в запас в 1966 году, работал уже по этой специальности в нефтяной промышленности Азербайджана.

Судьба, не считаясь с желаниями подростка, сразу указала ему Путь. Но на этом не-сентиментальном пути Савельев сумел не расплескать мечтательные порывы души. Стих его лаконичен и скуп, как и всякое военное бытие, но поэзия, по своей сути, всегда сдержанна. Сдержанный – это значит есть, что сдерживать.

Савельев умер в 2005 году, при жизни выпустив два сборника: «Кавказская тетрадь» (2001) и «Резонанс» (2002). Вдова – Елена Раскина – передала в «Литературный Азербайджан» семь машинописных, вручную переплетённых книжек, стихи из которых время от времени печатаются на страницах журнала.

Станислав Савельев

Блокадная ёлка

**На новогодней ёлке
В блокадном Ленинграде
Мальчишки и девчонки
Притихшие сидят –
На тонкой-тонкой коже
Давно остыл румянец,
И руки как тростинки,
Не дети – старички.
И смотрят безучастно
Стеклянными глазами,
Как фокусник с таким же
Заморенным лицом
Показывает трюки
Из довоенных лет.
А им бы так хотелось,
Чтоб этот знаменитый
И всемогущий маг
Один простейший фокус
Извлёк из арсенала:
Чтоб палочкой волшебной
Взмахнул он над шкатулкой
И по горбушке хлеба
Им каждому вручил.
Но фокусник бессилён
Перед такой задачей.
И ёлка виновато
Глядит в глаза ребятам,
Блестят на ней игрушки
Из давних-давних дней.**

«Я с сигаретой и ещё Уолт Уитмен...»

Даря свою книгу журналистке Аише Ахундовой, услышал в ответ: «И мой папа сочинял стихи. Его кумиры – Уитмен и Лорка. Читал наизусть «Облако в штанах» Маяковского». Сказанного было достаточно, чтобы я загорелся, заранее симпатизируя неизвестному прежде человеку, ведь Уитмен и Лорка – и для меня знаковые фигуры. И у меня к стене пришпилена фотография бородатого Хэма. Это как пароль и отзыв, при помощи которых опознаёшь «своих». А потом состоялось знакомство – Искендер Ахундов

хоть и умер в 2009 году, но стихи единственной его книжки 1968 года «Капли звуков» были настоящие: прозрачные, наивные, с романтическим флёром далёкой эпохи.

Почитание Уитмена было таково, что Искендер Ахундов, рискуя репутацией уважаемого человека, решился даже «позабыть» вернуть в библиотеку редчайшую книгу в красном переплёте – «Листья травы». Позже нашёлся образ, выражающий величие Моби Дика американской поэзии: *«Море – маленькое зеркальце,/ море отражает часть твою,/ твой глаз или мизинец – / море не может вместить тебя всего»*. А в книге ЮНЕСКО 1976 года, приуроченной к скорбной дате расстрела Фредерико Лорки, выступило много поэтов, и лишь двое из Советского Союза: Евтушенко и Ахундов: *«В ночь лунную и светлую/ Нельзя ведь убивать...»*

И Назым Хикмет! Поэт революции. И не только социальной. Какой азербайджанский поэт не «делал» себя под Хикмета, не шагал его проторенной дорогой свободного метра.

Искендер Ахундов родился 11 октября 1935 года в городе Баку. Учился в школе №171, высшее образование получал в Московском полиграфическом институте (1955 – 1960 г.). Работал в бакинских издательствах «Азернешр», «Маариф», ответственным секретарём в журнале «Агитатор», а затем был переведён на партийную работу в ЦК КП Азербайджана – прошёл путь от инструктора до заведующего отделом пропаганды и агитации (1967 – 1975 г.).

«Прошу принять меня в партию!/ Не надо вопросов лишних: Почему, да как, когда?/ Это решено и выпестовано/ В самых-самых глубинах меня...» – кажется, эти строки не показные, многие свои поэтические признания Искендер Ахундов подтвердил поступками. Прадед его служил переводчиком у царского генерал-губернатора, дед Искендербек – известный юрист – работал в правительстве Азербайджанской Демократической Республики. Бекский род пострадал от большевиков, но суть интеллигенции в том и заключается – служить народу при любой власти. Ибо власть преходяща. А что социализм? Согласно Марксу, социализм неизбежен. И даже советский социализм – неправильный, настоянный на большой крови и принуждении, – ковал людей сурового и высокого духа.

К тому времени относится и «Портрет молодого поэта» – только набравшего высоту Тогрула Нариманбекова. (Тогрул и Искендер были свояками; у Ахундова есть стихотворение «Старушка», посвящённое художнику: «Голубая-голубая Синяя Старушка!») Об этом портрете хорошо написала Эльмира Алиева (в те времена – спецкор «Известий»): *«...озарённое внутренним светом тонкое юношеское лицо... Устремлённый в неизвестность задумчивый, мечтательный взгляд. Разлёт широких бровей и нестандартный разрез огромных глаз, поражающих глубиной... А по резко очерченным губам скользит едва уловимая улыбка... Такими, кажется, изображали раньше героев восточных миниатюр»*. Эльмира Алиева хорошо знает, что пишет. Однажды после очередной статьи в «Известиях» (о такой проблеме урбанизации – как возникающая между соседями отчуждённость, что противоречит характеру азербайджанцев – людей восточных, общительных, привыкших жить одной мехаллей) её вызвали в высокий кабинет, где усмотрели в материале некий подтекст, и одним из её защитников оказался Искендер Ахундов. Когда журналистка благодарилась Ахундова, он засмеялся: «Какой героизм? Элементарная порядочность».

Недаром его поэтическая пьеса называлась «Поэт и совесть». В ней повествуется о Поэте, предавшем арестованного друга и возлюбленную, и теперь оставшемся наедине со своей Совестью. *«Совесть: Что сделал ты потом? Поэт: Я написал стихи во славу Зевса. А что я мог? Был век таков. И я боялся. И меня могли послать туда, откуда не было возврата. Мне было страшно. Но хуже мне сейчас, когда терзаюсь прошлого тенями»*. Поэт гибнет под троллейбусом. Новый Муж возлюбленной Поэта в финале говорит в зал: *«К чертям дыхание, когда за ним сокрыта правда, как за забором. К чертям ток крови, когда по жилам вместо крови – жижа. К чертям свободу, когда она молчаньем куплена. Нет, я не смог бы так, да пусть пять жён висели бы на мне. (Гудок катера). Вот и смена пришла. Пойду встречать»*. Пьеса имела успех в дипломной постановке студентов актёрского факультета Азербайджанского института искусств.

Родители – врачи, четыре его сестры, легендарные уже при жизни, двоюродный брат – композитор Кара Караев, свояк – художник Тогрул, начальник по работе Теймур Алиев (а ещё и детский поэт! творивший под псевдонимом Эльчин, известный и как переводчик Маршака и Чуковского, для Мухи-Цокотухи нашедший удачный эквивалент: Милчек-визилчек; однако Первый секретарь однажды вызвал на ковёр и предупредил: выбирайте – партийная работа или стихи) – вот ближнее окружение Ахундова, в спорах и беседах с ними на самые разные темы формировалось его жизненное кредо.

Не забудем и народного поэта Расула Рза, которого Искендер считал учителем, в доме которого часто бывал. Квартира на втором этаже Пассажа, на пересечении улиц двух революционеров – Карганова и Ефима Саратовца, кто бы мог подумать: улицы переименуют в имена двух поэтов – Расула Рза и его супруги Нияр Рафибейли. (И после смерти нерасторжима их связь – каменным объятием перекрёстка.) Расулу Рза посвящено стихотворение «Руки»: «Если после рукопожатия/ Не хочется вымыть руку,/ Да живёт такая Рука!» А образ Уитмена и моря? Не навеян ли он строками Расула Рза: «Не вместится душа моя/ В необъятный простор.../ Море – всё – в мою умещается душу». И ещё учителя – книги. День зарплаты – это поход по книжным магазинам, библиотека Ахундова насчитывала около трёх тысяч томов. Неизвестно, как бы сложилась его партийная карьера. (Да и могла ли сложиться? – что значит только имя, данное в атеистическом государстве дочери – Аиша – по-арабски «благоденствующая». Конечно, в честь бабушки, но на Востоке знают все: имя жены Пророка.) Но в 1975 году случилось ЧП. В газете вышла критическая статья, а секретарь Гейчая скупил и сжёг весь тираж. Секретаря арестовали, полетели и другие головы, в том числе и не уследившего Ахундова. Сначала он работал в Москве старшим научным сотрудником в Институте Ближнего и Среднего Востока (1975 – 1981 г.), а потом на долгие 10 лет переехал в Великие Луки – заведующим кафедрой общественных наук Института физкультуры.

Весеннее половодье перестройки, выйдя из берегов разором, гудом, растекалось по стране. В Азербайджане назревала серьёзная ситуация, соседняя Армения посягнула на её земли. Оправдалось ещё одно поэтическое откровение Ахундова (не забудем – из книги 1968 года!): «Да если б руки у меня отняли,/ Лишили зрения и слуха,/ Я притащился бы к тебе,/ Почуяв запах,/ Родимый запах матери земли./ Я вскормлен нефтью./ Мне ветер песню пел/ И нёс на крыльях.../ Огни твои зовут./ И я вернусь к тебе,/ Где б ни был./ Я не паломником/ Приду к тебе на поклоненье,/ Не в гости –/ Я временно могу уехать в гости,/ Чтоб вновь к тебе вернуться,/ Мой отчий дом,/ Моя земля,/ Мой край, Азербайджан...» За большим столом, заваленном справочниками, запершись в бакинской квартире, Ахундов пишет и пишет, пытаясь осмыслить новые времена. Одна из его статей называлась «А был ли армянский геноцид?»

Как жаль, что несломленному духу приходится ютиться в преходящем теле.

Что наша жизнь? Капли звуков, не поймёшь: в Вечности то ли пребывают, то ли убывают.

Искендер Ахундов

Кольцо, ставшее отрезком прямой

**Меня втолкнули в орбиту кольца,
Сказали: – Ищи конец.
Я бежал по кольцу,
Как спица,
Конца не было.
Ноги радиусами отмеривали дуги,
Дуги макаронинами отлетали назад.
Я бежал: – Где конец?**

И когда стало невмочь бежать,
Ноги перестали мельтешить,
В какой-то точке упершись,
Я сказал: – Здесь конец.
Кольцо разорвалось,
Выпрямилось,
Стало отрезком прямой.

Гранат

Когда я маленьким мальчонкой
Мусолил носом куртки рукава,
Был мир,
Где верещали птицы,
Где дни летели
Пёстрой каруселью,
Где зрел инжир
В начале сентября.
Где поздней осенью
Алел гранат среди листьев,
Где раннюю весной
Гранатовые ветви
Усеивались красными цветами.
Когда я маленьким мальчонкой
Стоял в саду,
Ища разгадку
Простеньким загадкам,
Мне захотелось
Стать творцом живого.
Я оторвал от ветки
Недавно распутившийся побег
И спрятал в мякоти
Податливой земли.
А через год
На том же месте
Пробился из земли
Росток.
Он был не выше
Самой низкой кочки,
Но на вершине
Бусинкой коралла
Средь сочной зелени травы
Алел гранатовый цветок.
И я поверил
В творчество своё...

